

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРЕОБРАЖЕНИИ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛА В ПРОСВЕТЛЁННОГО

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ
ПРОЛОГ
ОЧИСТИ УМ
ПРОЗРЕНИЕ
СИЛА
ДОВЕРИЕ
НЕ-ДОСТИЖЕНИЕ
НЕВИННОСТЬ
ИСТОЧНИК
ЗАБЛУЖДЕНИЕ
ИЛЛЮЗИЯ
ПРИВЯЗАННОСТЬ
ОПУСТОШЕНИЕ
НЕ-ДУАЛЬНОСТЬ
НИЧТО
ЯСНОСТЬ
ТАКОВОСТЬ
ПЕРЕД ПОИСКОМ
НИКАКОЙ ЦЕЛИ
НИКАКОЙ ВИНЫ
СИЯНИЕ
ОГОРЧЕНИЯ
ПОНИМАНИЕ
СВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЕ
ТАК БЛИЗКО
НЕИЗБЕЖНОЕ
ДВА ПРОБУЖДЕНИЯ
БЕССЛОВЕСНОЕ
ПРОСТО БЫТЬ
БЕЗДУМЬЕ
ВЕРА
РАДИКАЛЬНОЕ
ОСВОБОЖДЕНИЕ

БЕССТРАСТИЕ
БЕЗМЯТЕЖНОСТЬ
ПРООСВЕТЛЕНИЕ
РАЗРЫВ
СОСТРАДАНИЕ
ЭТО МГНОВЕНИЕ
ТРАНСФОРМАЦИЯ

Посвящается Свами Ананду Майтрейе,

Ещё одному интеллектуалу, который

Стал просветлённым 11 июня 1984 г.
И ушёл в вечный сон 17 июля 1987 года.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Сезон дождей в этом году запаздывал. Быть может, по этой причине дожди, время от времени выпадавшие в июле и августе, были такими желанными, так глубоко освежали, так радовали наши сердца.

Для всех, кто присутствовал в те дни на беседах просветленного мастера Бхагвана Шри Раджниша, магия дождей просто отражала магию присутствия Бхагвана... казалось, сущее *обязано* было осыпать мир дождем, отвечая на изысканные дары, которыми Бхагван осыпал нас.

В каждой из этих бесед по сутрам Да Хуэя, учителя дзэн, жившего за 1500 лет до нас, мы переживали огромную свежесть, раскрытие каждого робкого побуждения к божественному, словно это было омовение, новое начало... вкус безмолвия и экстаза. Так и остались в памяти те дожди и беседы, слившиеся воедино.

Верно и то, что с дождем ли, без дождя — таков почерк мастера, во всяком случае, этого особого Мастера. Но это другая история...

Вернемся к книге: вот маленькое чудо. Каждая лекция сама по себе драгоценность, но, собранные вместе, они становятся бесценными — ибо показывают путь Да Хуэя от познания к *Знанию*, от ума к *не-уму*, а по существу — от учителя к *мастеру*; такое путешествие воодушевит любого искателя.

Вся история счастливо заканчивается просветлением Да Хуэя, но на своем пути он не раз попадает в ловушки. Да Хуэй — выдающийся, яркий молодой монах; его приветствуют как великого учителя: кажется, он так хорошо понимает и точно интерпретирует слова мастеров прошлого. Прельщенный всеобщим одобрением, Да Хуэй падает в глубокую яму самообмана и нечестности — неизбежный удел тех, кто пытается сохранить ложный образ.

Ошо ясно показывает, как Да Хуэй неверно понимает и неверно истолковывает сутры Будды и других мастеров — потому что говорит просто от своего знакомства с их словами, а не из собственного опыта.

Но именно в те минуты, когда кажется, что Да Хуэй вот-вот окончательно утонет в зыбучих песках слепой гордости, — проявляется его подлинный разум; и новый свет исходит от его сутр, когда он начинает говорить по существу, *экзистенциально*, — не из своего знания, а из своего опыта. Об этом прорыве Бхагван сказал так:

«Что касается побуждения, то очень легко определить, говорит ли человек интеллектуально или экзистенциально. Сейчас Да Хуэй говорит экзистенциально, из своего опыта. Это было великое паломничество не только для него, это было такое же великое паломничество и для всех вас. Смотрите, как интеллект способен превратиться в просветление, как обычный ум может измениться в не-ум, как смертное может стать бессмертным — смотрите, это и *ваша* история».

Вершинами в этих беседах были для меня притчи дзэн. Давая нам контекст дзэна, его фокусировку на пустоте, его медитации на неразрешимом коане, а затем, просто излагая сцену каждого эпизода, каждого диалога, Бхагван оживляет все изумительные ощущения мастера и

ученика, и устанавливается совершенная по простоте фокусировка на просветлении, на переживании события — будь то щелчок пальцами, крик или вышвыривание из окна! Притчи эти стали так насыщены, так остры, сострадательная восприимчивость мастера и отклик ученика так трогательны... изысканная тонкость дзэна приходит к нам здесь *и сейчас*.

Это какое-то таинство... поэзия слов, глубина переданного ими понимания; восторг открытия древней, но живой среди нас красоты дзэна; могущество приглашения... Однако каким-то образом происходит нечто еще большее. Как говорит Бхагван об одном из древних мастеров:

«Таков подлинный мастер, приводящий глубочайшую, чистую безмятежность вашего существа в созвучие с блаженством существования».

И еще были другие мгновения — совсем как когда начинается дождь. К нам приходит такое спокойствие... Бхагван начинает говорить снова, мягко и ласково: «Вы одно с этим безмолвием... и как изумительно это, как чудесно. Неужели вы думаете, что требуется что-то еще, чтобы радоваться, плясать и петь?»

Вкушайте это присутствие, это океаническое сознание, это высшее безмолвие. Если слова затронут тоску и стремление в вашем сердце, не сомневайтесь... мастер, который произнес их, пришел и к вам.

Если вы испытываете жажду, оставьте колебания: придите и разделите.

Ма Прем Таранга
Пуна, Индия
Декабрь 1987г.

ПРОЛОГ

Из «Записей Синего Утеса» учителя Да Хуэя — Юань У.

Учитель не пожелал предложить слово объяснения, но заставил Да Хуэя выразить собственный взгляд. В каждом случае Да Хуэй в совершенстве постигал утонченный смысл. Старый мастер воскликнул: «Ты, очевидно, тот, кто пришел снова!»

Юань У сказал Да Хуэю: «Нелегко было тебе добраться до этой ступени — очень плохо, что, умерев, ты не способен возвратиться к жизни. Без сомнения, слова и фразы — великая болезнь, но разве ты не читал:

Повиснув на скале,

отпусти — и согласишься

принять опыт.

После исчезновения

возвращайся к жизни —

я не мог обмануть тебя».

Да Хуэй получил багряную тогу и имя «Будда Солнце» в знак императорской почести. Император Сяо Цзун даровал ему титул «Чаньский Мастер Великой Мудрости», от которого и происходит имя Да Хуэй.

Шел тысяча сто шестьдесят третий год; на девятый день восьмого месяца, после появления признаков болезни, Да Хуэй сказал собранию монахов, монахинь и мирян: «Завтра я уйду».

Перед рассветом прислужник Да Хуэя спросил его о стихе. Серьезным голосом Да Хуэй произнес: «Без стиха я не мог умереть». Он взял кисть и написал:

Такое вот рождение

Такая вот смерть

Стих или без стиха

К чему суета?

После этого он выронил кисть и ушел.

1

ОЧИСТИ УМ

Очисти ум (Ли Сянь Ченю)

Будда говорил: если вы желаете знать мир буддовости, то должны сделать свой ум таким же чистым, как пустое пространство, и, оставив ложное мышление и всяческое схватывание далеко позади, дать своему уму беспрепятственно двигаться куда угодно. Мир буддовости — это не какой-то внешний мир, где есть официальный «Будда»: это мир мудрости пробудившегося мудреца.

Если вы решили, что желаете познать этот мир, то вам не требуются украшения, культивирование или реализация, чтобы достичь его. Вы должны соскрести пятна скорби от чужих ощущений, застрявших в вашем уме неизвестно с каких времен, и пусть ваш ум станет таким же широким и открытым, как пустое пространство, пусть он полностью освободится от цепких когтей различающего интеллекта, и пусть ваши ложные, нереальные, тщетные мысли тоже станут подобными пустому пространству. Тогда этому удивительному уму не понадобятся усилия - ему не будет преград, куда бы он ни обратился.

Бездумие (Хун По Чуну)

Досточтимый древний говорил: «Чтобы найти быка, ищи его следы. Чтобы изучить путь, ищи бездумие. Там, где следы, должен быть и бык».

Путь бездумия легко разыскать. Так называемое бездумие не равнозначно инертности и неведению, которые свойственны земле, дереву, черепице или камню; оно означает, что ум отрегулирован и невозмутим во время контакта с ситуациями и встречными обстоятельствами, что он неизменно чист, ни за что не цепляется, движется без помех и препятствий; что он незапятнан, но не замкнут в своей незапятнанности. Вы смотрите на тело и ум как на грезы и иллюзии, но не обрекаете себя на вечную пустоту грез и иллюзий.

Только когда достигается подобное состояние, можно говорить о подлинном бездумии. Нет, это не бездумие пустой болтовни: если вы не обрели подлинное бездумие и просто исходите словоговорением, то чем это отличается от извращенного Чань «безмолвного озарения»?

«Стремись к корню, не беспокойся о ветвях».

Очищение, пустота такого ума и есть корень. Когда вы достигли корня, достигли главного, — тогда все виды языка и знания и вся ваша ежедневная деятельность, ваши реакции на людей и ваше приспособление к обстоятельствам в связи с многочисленными расстройками и переживаниями — радостными или печальными, хорошими или плохими, благосклонными или враждебными — все это тривиальные дела, ветви. Если вы способны непринужденно осознавать и знать в то время, когда на вас обрушиваются различные обстоятельства, — значит, нет ни недостатка, ни излишка.

Да Хуэй, великий учитель дзэн, происходит из той же генеалогической линии, что и Бодхидхарма. Он родился через четыреста лет после того, как Бодхидхарма ушел в Гималаи, чтобы исчезнуть там, в вечных льдах и вечном безмолвии.

Я назвал Да Хуэя великим учителем дзэн — не мастером... Это нужно как следует объяснить. Мастер — тот, кто просветлен. Но порой случается так, что мастер может быть просветленным, но недостаточно красноречивым, чтобы выразить то, что он познал. Это совершенно другое искусство.

Учитель не просветлен, но он очень выразителен. Он может высказывать то, что мастер, хоть и знает, не может облечь в слова.

Учитель может высказывать это, несмотря на то, что он не знает.

Учитель слышал... он жил с просветленными людьми, он впитывал их энергию, его осыпали их цветы. Он вкушал то, что они излучали, поэтому у него есть уверенность, что совершается нечто вроде просветления; но ему недостает своего собственного авторитета: его авторитет — заимствованный. А если учитель гениален, ему почти удастся, выразить такие вещи, о которых мастера говорить не умели, а может быть просто помалкивали.

Учитель полезен по-своему. Он более доступен людям — он принадлежит людям. Мастер — на высокой, залитой солнцем вершине. Даже если он крикнет оттуда, лишь эхо достигнет людских ушей. Но учитель живет среди людей, знает их жизнь, знает их язык, знает, как нужно выразить мысль, чтобы они смогли понять. Мастер всегда связан со своим переживанием, а учитель больше связан с людьми, и ему надлежит распространять послание.

А случается и так, что мастер вообще не может передать свое знание. Например,

Рамакришна был просветленным человеком, но совершенно необразованным: он ничего не знал о великой литературе, не знал, что говорили другие просветленные люди. Он переживал красоту своего внутреннего существа, но был в полном неведении относительно того, как передать это другим. Ему пришлось попросить другого человека, Вивекананду, который не был просветленным, но был великим гением — очень разумным, рациональным, логичным, интеллектуальным, сведущим, хорошо образованным. Вивекананда стал выразителем знания Рамакришны. Он объездил мир, распространяя его послание.

Все то, что существует сегодня как «Миссия Рамакришны», — целиком работа Вивекананды; но сам он умер в ужасных страданиях. Агония была тем более мучительной, что он распространял добрые вести экстаза, но внутри был пустым. Все его послание было только словесным, но он справился с этим так талантливо, что многие стали считать его просветленным.

То же самое произошло с Да Хуэем. Когда ему было всего шестнадцать лет, он был на редкость разумным; и он оставил мир и уже через год послушничества был посвящен в монахи — ему было всего семнадцать... А потом он шел от мастера к мастеру, искал настоящего просветленного человека, который показал бы ему путь.

Он нашел своего мастера - Юань У. Похоже, это почти та же самая ситуация: Юань У знает, но не может высказать. Да Хуэй не знает, но может высказать. Просто живя с мастером, впитывая его энергию, наблюдая его грациозность — как он прогуливается, как садится, как подолгу молчит...

Изредка, время от времени, Юань У произносит слово или фразу. Его утверждения собраны в небольшую книжку «Записи Синего Утеса», но их почти невозможно понять. Они кажутся не связанными друг с другом, не относящимися друг к другу; они выглядят фрагментарно. Они не образуют систему.

Хотя его слова и запечатлены в «Записях Синего Утеса», Юань У никогда не обращался к людям. Он просто попросил Да Хуэя заглянуть в «Записи Синего Утеса» и выразить свое мнение, сказать, что он думает о них. Он не знал, удалось ли ему сказать то, что он хотел сказать, и передавало ли сказанное что-нибудь или же было просто пустым упражнением.

В каждом случае Да Хуэй в совершенстве постигал утонченный смысл. *Старый мастер воскликнул: «Ты, очевидно, тот, кто пришел снова!»*

Говоря это, он подразумевает: «Ты, очевидно, родился почти просветленным, недостает лишь капельку; похоже, ты достигнешь цели уже в этой жизни. Но понял ты мои высказывания безукоризненно».

Это была как бы его печать, когда он сказал: «Ты, очевидно, тот, кто пришел снова!» — ты не можешь быть новичком. Ты был на пути много, много жизней; хоть ты и не достиг конечной цели, ты очень близок.

Но мастер не мог быть обманут тем, что Да Хуэй только лишь понимает слова, которые понял бы любой разумный человек столь большого таланта. Юань У снова сказал Да Хуэю: «Нелегко было тебе добраться до этой ступени» — ты боролся упорно — «очень плохо, что, умерев, ты не способен возвратиться к жизни».

Вам это станет понятным, если я сошлюсь на Иисуса, который говорит: «Если не родитесь снова, не поймете истину».

Есть две части пути. Первая часть — позволить своему эго умереть. Это напряженная, трудная, отчаянная часть, потому что вы знаете только свое эго, вам неизвестна ваша подлинная сущность. Вы прыгаете в бездну, не зная, останетесь ли вы в живых; *эту часть* Да Хуэй проделал. Но вторая часть — воскресение, рождение к своей новой индивидуальности, к своему подлинному существу — не состоялась.

«Нелегко было тебе добраться до этой ступени — очень плохо, что, умерев» — умерев как эго — «ты не способен возвратиться к жизни. Без сомнения, слова и фразы — великая болезнь, но разве ты не читал» — и вот, прекрасное выражение мастера:

Повиснув на скале, отпусти — и согласишься принять опыт.

Вот самая важная часть в нем:

Повиснув на скале, отпусти.

Это принятие смерти эго. Но не делайте это с усилием, с напряжением. Не делайте это, ради достижения чего бы то ни было, основанного на жадности или амбиции; делайте это просто для того, чтобы обнаружить свою настоящую сущность.

Правильный путь действия — это... *со согласишься принять опыт.*

Юань У говорит Да Хуэю: ты не согласился принять опыт, поэтому только первая половина завершена. Эго умерло и оставило тебя в чистилище, потому что, отпуская, ты не был полон в этом отпущении. Отпущение тебе удалось, — но оно было управляемым; это не было добровольное, стихийное принятие. Ты не наслаждался им. Если бы ты наслаждался, тогда:

После исчезновения возвращайся к жизни — я не мог обмануть тебя.

Он был немногословным человеком. К сожалению, очень редко и очень немногие люди становятся просветленными, и большинство из этих немногих никогда ничего не говорят: а те, кто говорит хоть что-то, говорят только урывками, к тому же на таком языке... пока вы не просветлены, невозможно постичь смысл. А некоторые никогда не говорят ни единого слова. Они не оставляют никаких следов на прибрежных песках этого берега; они просто исчезают, уходят на другой берег.

Да Хуэй слышит сказанное мастером Юань У:

Повиснув на скале, отпусти — и согласишься принять опыт...

Если ты можешь отнестись к этому падению в бездну как к празднованию, с радостным сердцем, тогда *после исчезновения возвращайся к жизни* — тогда проблемы нет: ты возвратишься к жизни. Фактически то, что ты прежде принимал за жизнь, не было жизнью; теперь же ты придешь к вечной жизни. Но мост между ними — это полное приятие.

Юань У, очевидно, заметил в глазах Да Хуэя какое-то сомнение, какой-то знак вопроса. Вот почему он добавляет: «*Я не мог обмануть тебя*».

Да Хуэй остался с мастером Юань У; он влюбился в мастера. Если мастер смог разглядеть в его уме даже небольшое сомнение и должен был сказать: «*Я не мог обмануть тебя*» — значит, он пришел к нужному человеку, тому самому, который смог заглянуть в глубину его существа и точными словами сказать, что с ним происходит. Половина его путешествия закончилась, но из-за того, что он не достиг состояния полного приятия, она не была завершена... «Теперь прими полностью — и воскресение произойдет само собой».

Естественно, Да Хуэй должен был усомниться; такова природа интеллекта — сомневаться, а он был очень разумным человеком, молодым, полным сил, и принадлежал к категории гениев. Он, очевидно, понял, что мастер разглядел даже невыраженное сомнение в его уме, что именно поэтому он сказал: «*Я не мог обмануть тебя*».

Он остался с мастером. Слушая мастера, впитывая его дух, его присутствие, постепенно он стал очень красноречивым, хотя просветление, пожалуй, было по-прежнему далеко... Оно даже еще отдалилось, потому что он начал принимать почести от людей — от самого императора и от правительства — как состоявшийся человек. Это очень опасно. Когда вы не состоялись, а правительство признает вас, и вам даруют высокие почести, у вас может возникнуть обманчивое представление о самом себе. Вы можете начать думать: «Вероятно, я — просветленный».

Это может случиться по двум причинам. Первая: он узнал, переходя от мастера к мастеру, все, чему обучает дзэн. Так что если вы услышите только его слова, вам очень трудно будет

обнаружить, что он не просветленный. Если вы не просветленный, вы не будете в состоянии заметить неизбежные изъяны, незначительные расхождения — неизбежные потому, что это не его собственный опыт; это просто осколки знаний других мастеров, которые он собрал — собрал с потрясающим искусством. Он почти обманул императорскую власть. Ему воздавали честь как «Будде-Солнцу», как «Солнцу Просветления».

Император Сяо Цзун даровал ему титул «Чаньский Мастер Великой Мудрости», от которого и происходит имя Да Хуэй.

«Да Хуэй» означает «Великий Мастер Мудрости».

Только в последнюю минуту он, кажется, достиг просветления, перед самой смертью, — но он не сказал при этом ничего, лишь написал небольшой стих. Поэтому я назвал его «Великий Учитель» — и он был, безусловно, великим учителем. Он повлиял на миллионы людей; он был великим лидером в том смысле, что каждый, кто вступил с ним в контакт, тут же становился интеллектуально убежденным. Но у него не было присутствия; и у него не было внутреннего безмолвия. По-видимому, только в последний момент он достиг цели, завершил путешествие.

Шел тысяча сто шестьдесят третий год; на девятый день восьмого месяца, после появления признаков болезни, Да Хуэй сказал собранию монахов, монахинь и мирян: «Завтра я ухожу».

Это первое указание на то, что ему известно, когда он умрет. Второе — *Перед рассветом прислужник Да Хуэя спросил его о стихе.*

Это древняя китайская традиция: когда великий мастер умирает, люди просят его написать стих — как последний дар миру, последнее слово.

Серьезным голосом Да Хуэй произнес: «Без стиха я не мог умереть». Он взял кисть и написал:

Таково рождение

Такова смерть

Стих или без стиха

К чему суета?

Это и есть в сжатом виде вся философия «таковости» Гаутамы Будды. *Таково рождение...* Нет смысла думать, *почему* это так: это есть.

Таково рождение

Такова смерть...

Нет причины тому, что вы умираете. Потрясающее приятие — это часть философии «таковости». Все, что происходит, человек понимания попросту принимает: таков порядок вещей, такова природа. Ни жалобы, ни недовольства.

Таково рождение

Такова смерть

Стих или без стиха

К чему света?

После этого он выронил кисть и ушел.

Быть может, в тот момент, когда он писал этот стих, он завершил свое путешествие.

Речи, которые приводятся в этой книге дальше, он произносил, когда не был просветленным; но он очень ясно излагал материал обычным людям. Он жил среди мирян, он говорил с обыкновенными людьми, и говорил так, что они его понимали. Вся его деятельность была основана на том, что великие мастера недоступны людям; они доступны только самым близким ученикам или, возможно, только приверженцам — кто же позаботится о миллионах? Поэтому он и ходил среди людей, и люди были рады ему; потому и император почитал его как великого мастера, как солнце осознания.

Мастера не путешествуют, они не ходят к людям; они знают, что пропасть между ними и обычными людьми слишком велика, почти непреодолима. Пока кто-то не приблизится к мастеру с его согласия, у мастера нет способа преодолеть границы своего существа.

Но Да Хуэй не был мастером; он был очень красноречивым учителем. Он не выражал дзэна; он говорил о дзэне. Все, что он собрал... А собрал он, надо сказать, очень толково, очень логично. Только иногда я буду говорить вам, что он совершил ошибку, — которая естественна, потому что в себе он не имел того, с чем можно сопоставлять. У него нет другого критерия, кроме собственного разума, логики, рассудка. Но просветление — за пределами ума, за пределами рациональности, за пределами интеллекта. Такого окончательного критерия нет внутри него. Но он и вправду был чрезвычайно умен — хотя и слеп; он не видел света. Он описывает свет так, как будто у него есть глаза.

Он только слышал людей, у которых есть глаза. Но он собирал каждую крупицу информации самым систематическим образом. Так что не забывайте: он учитель, но не мастер. И я нахожу в этом абсолютное различие.

Учитель — это тот, кто передает знание, которое он собирал, заимствовал у других. Он может быть очень красноречивым. Если перед вами — и мастер, и учитель, то, пожалуй, вы скорее выберете учителя, потому что он более привлекателен для вашего интеллекта и ума.

Мастер выглядит немного безумным. Он прыгает от одного пункта к другому, не создавая систематической философии. Но мастер обладает реальным сокровищем, учитель же только слышал о нем, и как он ни талантлив, все равно остается бедняком.

Сутры:

Будда говорил: если вы желаете знать мир буддовости, — мир окончательного осознания, — то должны сделать свой ум таким же чистым, как пустое пространство...

Это еще один способ сказать, что вам следует двигаться за пределы ума, в состояние не-ума — потому что не существует такой вещи, как пустой ум. Вот почему я говорю, что у него будут изъяны. Пустой ум? Пустое пространство? Человек просветления сказал бы просто: «Вам следует двигаться за пределы ума к не-уму».

Есть очень известная книга рабби Джошуа Либмана. Миллионы экземпляров ее изданы на

разных языках. Красивая работа; называется эта книга «Спокойствие ума». Естественно, каждый желает спокойствия ума.

Я отправил ему письмо в 1950 г., где писал: «Само название вашей книги показывает, что вы ничего не знаете о медитации. Спокойствие ума — это противоречие в терминах: когда есть ум, спокойствия быть не может; а если есть спокойствие, то ума не может быть. Они не могут быть вместе».

Фактически ум — это ваша тревога, ваша боль, ваши напряжения, мысли, эмоции, чувства, настроения, удачи и неудачи — все есть ум. Спокойствие возможно, только если вы выходите за пределы ума.

Поэтому я сказал ему: «Если вы и вправду искренни, в следующем издании вам надо изменить название. Спокойствие равнозначно не-уму».

Я показал ему это многими способами. Но таково положение наших интеллектуалов — он так никогда и не ответил, поскольку отвечать было нечего. Он, конечно, увидел, — то, что я говорю, — факт.

Но я могу простить Джошуа Либмана, потому что он ничего не знает о восточной медитации.

Он американский еврей, и медитация для них — что-то странное. Спокойствие ума?.. Возможно, мое письмо было единственным возражением против названия книги. Я сказал: «Когда название неправильное, я не могу читать книгу, потому что знаю прекрасно: если человек пишет книгу, и у нее даже название неправильное, значит, его книга никудашняя. Если вы когда-либо измените название... но не только название — вам придется исправлять всю книгу в соответствии с новым названием».

...и, оставив ложное мышление и всяческое схватывание далеко позади...

Сейчас он говорит именно то, что я подразумеваю под не-умом; но не-ум был еще немислим для него. Он есть ум, и все то, что он понял, он понял через ум. И люди, которые слушают его, способны навести мост между его пониманием и своим пониманием потому, что все это умы. Ум может разговаривать с другим умом очень легко.

Так вот, он собрал эти слова — *пустое пространство и оставив ложное мышление и всякое схватывание далеко позади*. Но мне хочется, чтобы вы знали, как даже самые разумные люди могут попадать в ловушки. Он говорит: *оставив ложное мышление* — а как же насчет правильного мышления? Человек просветленный просто скажет: «оставьте всякое мышление». Мышление как таковое — вот проблема, ложное оно или нет. Ум может представить это так, что неправильное должно быть оставлено, а то, что хорошо, может быть сохранено. Но вы не можете отделить неправильное от правильного. Они — две стороны одной и той же монеты, и у вас не может быть монеты только с одной стороной; у нее будет и другая сторона.

Если вы защищаете правильное мышление — все, что, как вы думаете, правильно, — за ним будет оставаться неправильное мышление. Попробуйте, например, «любовь»; конечно, любовь не бывает неправильным мышлением; это одна из наиболее прекрасных эмоций, и мысль о любви — одна из великих мыслей. Но за любовью неизбежно скрывается ненависть, любовь может превратиться в ненависть когда угодно. Правильное мышление может стать неправильным мышлением когда угодно.

Если бы это был его собственный опыт, он бы не говорил: *оставив ложное мышление и всяческое схватывание далеко позади*; он бы сказал: оставив всякое мышление и всякое схватывание далеко позади, дать своему уму беспрепятственно двигаться куда угодно.

Но это качества не-ума.

Мир буддистов — это не какой-то внешний мир, где есть официальный «Будда»: это мир мудрости пробудившегося мудреца.

Он подобрал верные слова.

Если вы решили... На санскрите и на хинди слово, которое переведено как «решили», гораздо глубже и значительнее. Это слово «нишчайя». «Решили» несет оттенок упорства, непреклонности. У него есть качество чего-то такого, что относится к эго, вроде: «Я решил сделать это». Слово «нишчайя» не имеет этих оттенков.

«Нишчайя» — очень красивое слово. Оно подразумевает, что когда вы приходите к мастеру, то просто его присутствие, его аромат, его глаза, его жесты, его слова, его молчание вызывают у вас огромное внутреннее доверие. Это не ваше решение; это глубокое воздействие просветленного человека на ваше сердце.

Вместо «решили» мне хочется сказать, что вы доверились, вы в нишчайя, когда никакое сомнение не возникает. Все сомнения исчезли; вы чувствуете себя совершенно раскованно.

Эта нишчайя, или уверенность, что вы желаете познать этот мир, — непременно вызывает у вас тоску, стремление — но не желание. Эти слова могут означать одно и то же в словарях, но в действительности они очень далеки. Если вы достигли нишчайя, тогда — «Вот человек, которому я принадлежу, вот человек, которого я разыскивал целые жизни. Эти глаза я видел в безмолвиях моего сердца, это лицо я искал повсюду в стольких жизнях»... Нишчайя — это внезапно, это доверие, которое не знает сомнения. Это не вера: вера — всегда в доктрину. Доверие — всегда к личности.

Вы верите не в то, что мастер говорит; важно, что мастер есть, и именно это вызывает нишчайю, доверие в вас. Такое доверие начнет вырастать в глубокое стремление — вам тоже захочется вступить в тот же мир осознания, в тот же мир блаженства, в тот же рай, где обитает ваш мастер.

...вам не требуются украшения, культивирование или реализация, чтобы достичь его... ваше стремление будет просто становиться все глубже, глубже и глубже. Вы будете ожидать с огромной любовью. Вы не станете требовать у сущего: «Дай мне это состояние», — потому что любое требование от сущего уродливо. Вы будете просто ждать; вы не станете даже молиться. Вы просто почувствуете жажду, а сущее достаточно сострадательно. Вы не властны над ним, но если вы просто испытываете жажду, то обнаружите, что сущее удовлетворяет ее. Оно, во всяком случае, слышит отлично!

...вам не требуются украшения, культивирование или реализация, чтобы достичь его. Вы должны соскрести пятна скорби от чужих ощущений, застрявших в вашем уме неизвестно с каких времен, и пусть ваш ум станет таким же широким и открытым, как пустое пространство...

Какое противоречие! Если вы говорите, что ваш ум так же открыт, как пустое пространство, это больше не ум. Это как если бы вы говорили: «Когда ваш огонь такой же холодный, как лед», — тогда зачем называть его огнем? Называйте его льдом, и будет правильно! Но для интеллектуала это сложно; он ведь только собирает мнения. И никто не задаст вопрос — потому что никто не знает, что он тоже совершает ошибку.

...пусть ваш ум станет таким же широким и открытым, как пустое пространство... Сколько же там пространства? Вы знаете? Целая Вселенная — вот пустое пространство. Ум не обладает способностью быть настолько широким.

...освободится от цепких когтей различающего интеллекта, и пусть ваши ложные, нереальные, тщетные мысли тоже станут подобными пустому пространству.

Но он продолжает проводить различие: вы должны сохранять свои хорошие мысли.

В состоянии абсолютного безмолвия и спокойствия не бывает ни хороших мыслей, ни плохих мыслей. Мысли как таковые — это беспокойство, не важно, хорошие они или плохие. Грешник может держать плохие мысли в своем уме, а святой может держать хорошие мысли в

своём уме, но оба — в уме. Нет существенной разницы между ними.

Истинный мудрец, будда, не имеет ума вообще.

Он живет без ума, он действует без ума.

Это исходит из самого его сокровенного существа; потому он и обладает качеством, свежестью, величием. Мысли всегда — пыльные и старые. Мудрец всегда действует заново, не от каких-нибудь старых мыслей. Он отвечает на ситуацию момента. Думать для него нет необходимости. Сравните, как ведет себя слепой человек: если он захочет выйти из этой аудитории, ему придется спросить: «Где путь?» А потом своей специальной тростью он отыщет дорогу и выйдет. Но вы никогда даже не задумываетесь об этом, если хотите выйти; вы просто видите путь наружу и идете. Не бывает размышления, связанного с этим, нет, конечно, и специальной трости.

Я слышал о слепом человеке, которому сделали операцию на глазах. Он приехал со своей специальной тростью, а через несколько дней врач снял повязки с его глаз и сказал ему: «Теперь постепенно открывайте глаза. Ваши глаза совершенно здоровы; отныне вы сможете видеть».

Тот был ошеломлен тем, сколь многое он упустил — все краски, солнце, луну, звезды, человеческие лица — всего этого он был лишен. Он поблагодарил врача, но из-за старой привычки взял свою трость. Доктор сказал: «Для чего вы берете эту трость? Оставьте ее».

А тот сказал: «Как же мне найти дорогу без нее?»

Доктор сказал: «Вы идиот. У вас же есть теперь глаза, и нет нужды разыскивать дорогу; дорога будет видна и так. Положите свою трость на ту кучу».

Там было множество тростей для ходьбы. Все люди, которых он вылечил, приходили со своими тростями, а он коллекционировал их как сувениры, демонстрируя, скольких людей он излечил. И он сказал: «Это не только вы! Каждый слепой человек, когда я вылечиваю ему глаза, сейчас же хватается свою трость, чтобы двигаться к выходу».

Бессознательная привычка... слишком долго у него была эта специальная трость; он не может поверить в то, что жизнь возможна без нее.

Та же ситуация у всех, кто прожил с умом миллионы жизней. То был их проводник во всем, что бы они ни пожелали делать. Для ума немислимо, чтобы можно было прожить хоть одно мгновение без него. И все же это только специальная трость для слепого человека.

Есть гораздо большее сознание за пределами ума — настолько широкое, настолько просторное, настолько безмолвное, что вам не требуется думать. Оно просто отвечает. В уме вы должны обдумывать, что делать и чего не делать. Это всегда вопрос выбора, «или-или».

Как только вы за пределами ума, нет вопроса «или-или». Вы просто знаете, что должно быть сделано, и делаете это, и никогда не бывает сожаления. Вы никогда не оглядываетесь назад, вы никогда не чувствуете, что сделали что-то неправильно, — вы не можете действовать неправильно.

Вот почему я не назвал Да Хуэя великим *мастером*. Я называю его просто великим *учителем*; возможно, в последний момент он стал просветленным, но — в последний момент. Его поучения были даны до этого события.

Тогда этому удивительному уму не понадобятся усилия — ему не будет преград, куда бы он ни обратился.

Он продолжает использовать слово «ум» для «не-ума». Из-за того, что он собирал без внутреннего критерия, вы столкнетесь с множеством противоречий. Во второй сутре, которая называется *Бездумие*... — что же здесь случилось с «умом», о котором он говорил в первой сутре?

Досточтимый древний говорил: «Чтобы найти быка, ищи его следы. Чтобы изучить путь, ищи бездумие. Там, где следы, должен быть и бык».

Бык — давний символ для заблудших душ в традиции дзэн, символ потерянной собственной сущности, о которой вы совсем забыли. Бездумие покажет вам путь, покажет вам душу; оно станет стрелой, и вам нужно только следовать за ним без всякого напряжения, без всякого усилия.

Путь бездумия легко разыскать. Так называемое бездумие не означает инертности и неведения, свойственных земле, дереву, черепице или камню; оно означает, что ум отрегулирован... Снова он употребляет слово «ум». Таковы трудности с учителем.

...оно означает, что ум отрегулирован и невозмутим во время контакта с ситуациями и встречными обстоятельствами; что он неизменно чист, ни за что не цепляется, движется без помех и препятствий; что он незапятнан... То есть ум все еще здесь. Тогда зачем он назвал сутру «Бездумие»? Ум опять вернулся. Он отрегулирован, но то, что отрегулировано, может быть разрегулировано в любой момент. Он *невозмутим*, но то, что невозмутимо, может и возмутиться.

...ни за что не цепляется... — но он есть. А цепляние — его давняя привычка; он может начать цепляться завтра, если не сегодня. Он может отцепиться.

...но неизменно чист... движется без помех и препятствий; что он незапятнан... Если он есть, то у него есть все возможности быть запятнанным. «Бездумие» — это правильное слово для объяснения чистого пространства, без каких-либо уверток.

...но не замкнут в своей незапятнанности. Вы смотрите на тело и ум как на грезы и иллюзии... Посмотрите, его ум непрерывно колеблется; все эти утверждения он, очевидно, собирал от различных людей. Некоторые могли быть просветленными, некоторые могли быть лишь учителями, некоторые могли быть просто учеными людьми. Он сделал хорошую коллекцию — но я вижу, что в ней есть несовместимости, потому что у меня есть критерий.

...Вы смотрите на тело и ум как на грезы и иллюзии...

Если ум и тело — иллюзии, зачем же тогда делать их широкими, делать их просторными, делать их нецепляющимися? Если они подобны грезам или иллюзиям — пробудитесь, и им конец. Такое бодрствование и есть бездумие.

...но не обрекаете себя на вечную пустоту грез и иллюзий. Только когда достигается подобное состояние, можно говорить о подлинном бездумии.

Он все запутал! Может, он и был полезен в том, что вел людей к мастерам, но сам он еще не понимает того, о чем говорит.

Нет, это не бездумие пустой болтовни: если вы не обрели подлинное бездумие и просто исходите словоговорением — именно это он делает, — то чем это отличается от извращенного Чань «безмолвного озарения»? Эти люди совершили массу ошибок из-за своей привязанности к определенной школе. Вот и он привязан к определенной школе — Махаяна тоже имеет различные секты. Сначала буддизм разделился на две секты, Махаяну и Хинаяну; потом и они начали делиться на различные секты. Всего у них теперь тридцать шесть сект. Непросветленный человек постоянно защищается, критикует другие секты.

В Китае была секта, которая называлась «Секта Безмолвного Озарения». Я не вижу в этом смысла — всякое озарение происходит в безмолвии.

Безмолвие и есть озарение.

Но люди сражаются из-за слов: поскольку они называли это не просветлением, а озарением, то произошел разрыв. Но ведь так легко понять, что оба слова означают одно и то же. «Озарение» или «просветление» — оба просто декларируют, что тьма исчезла. Какое из названий вы предпочтете — несущественно.

«Стремись к корню, не беспокойся о ветвях» — он явно получил это от просветленного мастера. «Стремись к корню, не беспокойся о ветвях» — ведь если вы подрежете корень, все

дерево усохнет. Но просто обрезка ветвей не поможет: наоборот, листва может стать гуще.

Очищение, пустота такого ума и есть корень.

Не просто очищение... Во-первых, нет способа очистить ум. Вы не можете управлять своим умом. Он продолжает сам по себе наполняться грезами, мыслями, эмоциями, чувствами, реакциями, печалью, счастьем — и нет способа очистить его. Как вы собираетесь очищать его? С одной стороны вы будете очищать его, а с другой стороны огромный поток будет продолжать вливаться. Единственный путь очистить его — выйти за его пределы, стать осознанием.

Наблюдайте ум, и ум исчезает.

Когда вы достигли корня, достигли главного, — тогда все виды языка и знания и вся ваша ежедневная деятельность, ваши реакции на людей и приспособление к обстоятельствам в связи с многочисленными расстройствами и переживаниями — радостными или печальными, хорошими или плохими, благосклонными или враждебными — все это тривиальные дела, ветви. Если вы способны непринужденно осознавать и знать, в то время как на вас обрушиваются различные обстоятельства, — значит, нет ни недостатка, ни излишка. Это одно из самых важных переживаний Гаутамы Будды. Он говорит, что если вы находитесь посередине между любыми двумя полярными противоположностями — ищите именно середину, ни недостатка, ни излишка — если вы точно посередине, вы выйдете за пределы.

Середина — это и есть за пределами. Если вы пойдете к крайности, то станете цепляться за нее; из крайности вы не можете выйти за пределы. Это стало великим вкладом в духовную науку, открытием для человечества — то, что середина за пределами. Просто держитесь в равновесии посередине, и внезапно вы увидите, что поднялись над обеими крайностями — ни хороший, ни плохой; ни обыкновенный, ни необычайный; ни знающий, ни невежда.

За пределами — это и есть его нирвана. Только думая об этом, вы уже испытываете грандиозное спокойствие. Только визуализируя это, вы чувствуете, как великое безмолвие нисходит на вас. И это только визуализация — что же будет происходить в действительности, если вы придете к середине? Вы и представить себе не можете этот экстаз, эту благодать, это благословение.

Я выбрал Да Хуэя, чтобы помочь вам понять различие между учителем и мастером, потому что многие религии потеряли своих мастеров. Например, джайнизм в Индии столетиями не имел ни мастеров, ни просветленных личностей вообще — только учителей.

Без просветленных существ религия лишается своей души. Всего лишь небольшой поток просветленных людей поддерживает дыхание религии и биение ее сердца, сохраняет ее живой, цветущей.

А просветленный человек — это не просто отдельный феномен; он распространяет свое озарение повсюду. Где бы он ни был, он несет некое энергетическое поле, и всякий, кто восприимчив, будет втянут в это энергетическое поле. Учитель не обладает энергетическим полем. Он просто механически повторяет, подобно попугаю.

Но Да Хуэй, несомненно, был великим учителем, потому что он собрал... он обошел дюжины просветленных мастеров. Он был очень молод, когда его инициировали в монашество, и он собирал, как пчела собирает мед, от тысяч цветов. С другой стороны, он был очень беден; он не вложил ничего от своей собственной сущности. Но я счастлив, что, по крайней мере, в конце, в самом конце своей жизни, он стал просветленным. Его небольшой стих, несомненно, прекрасен:

Такое вот рождение — просто случай в какой-то грезе. Такая вот смерть — просто случай в каком-то сне. Стих или без стиха. К чему суета?

Он вступил в мир окончательной безмятежности и безмолвия. Не важно, жизнь это или смерть. Не важно, следует ли он традиции и пишет стих или не пишет его.

После этого он просто выронил кисть и ушел... отошел в вечное существование. Не важно, когда вы становитесь просветленным. Даже если вы становитесь просветленным на последнем своем дыхании, это в высшей степени хорошо. Вы не потеряли ничего. Вы видите всю прожитую вами жизнь как грезу.

А как только вы видите всю свою жизнь как сон, она утрачивает всякое влияние на вас. Вы становитесь совершенно свободным — свободным от всяких ограничений тела и ума, свободным от всех ограничений вообще. Вы готовы вступить в беспредельное сознание самого сущего.

— Хорошо, Маниша?

— Да, Мастер.

2

ПРОЗРЕНИЕ

Сторожи быка

Если уж вы изучаете этот путь, то никогда — в своих отношениях с людьми и реакциях на обстоятельства — вы не должны позволять неправильным мыслям задерживаться. Если вы не умеете видеть сквозь них, то, как только неправильная мысль появляется, вы должны быстро сконцентрировать ментальную энергию, чтобы отвести себя прочь от этой мысли. Если вы всегда поддаетесь таким мыслям и позволяете им беспрерывно тянуться, то это не только заграждает Путь, но и делает из вас человека без мудрости.

В давние дни Гуй Шань спросил Ленивого Аня: «Какую работу ты выполняешь за двадцать четыре часа в сутки?»

Ань сказал: «Сторожу быка».

Гуй Шань спросил: «Как же ты сторожишь его?»

Ань сказал: «Всякий раз, когда он забирается в траву, я вытаскиваю его назад за нос».

Гуй Шань сказал: «Ты и вправду сторожишь быка!»

Люди, которые изучают путь, в своем контроле над неправильными мыслями должны быть подобны Ленивому Аню, стерегущему быка; в этом случае само собой происходит полноценное созревание.

За чужой лук не берись

За чужой лук не берись, на чужого коня не садись, в чужие дела не вмешивайся». Такая банальная поговорка тоже может послужить поводом для вступления на Путь. Изучайте себя постоянно: что вы делаете с утра до вечера, чтобы помочь другим и помочь себе? Если вы замечаете хоть малейшую привязанность или теряете чувствительность, вы должны предостеречь себя. Не будьте беззаботными на этот счет!

В давние дни чаньский мастер Дао Линь жил на высокой сосне, на горе Чинь Ван; люди того времени звали его «Монах — Птичье Гнездо». Когда министр Бо Чжу-и был командующим Чень Тана, он предпринял специальное путешествие к горе, чтобы посетить мастера.

Бо сказал: «Там, где ты сидишь, чаньский мастер, очень опасно».

Мастер сказал: «Для меня опасность, может быть, и очень велика, министр, но для тебя еще больше».

Бо сказал: «Я — командующий Чень Тана: в чем здесь опасность?»

Мастер сказал: «Топливо и огонь объединились, сознанию и личности нет места. Как же ты можешь не быть в опасности?»

Бо также спросил: «В чем полный смысл буддийского учения?»

Мастер сказал: «Не совершать ничего дурного, практиковать все добродетели».

Бо сказал: «Даже трехлетний ребенок может сказать это!»

Мастер сказал: «Хотя трехлетний ребенок и может сказать это, восьмидесятилетний человек не может этого выполнить».

Тогда Бо поклонился и уехал.

Сторожить быка» — самый древний символ в истории дзэна. В Китае есть десять картин; десятая картина послужила причиной великого спора. Мне хочется, чтобы вы поняли эти десять картин и спор, прежде чем мы приступим к проповеди Да Хуэя о присмотре за быком.

Эти десять картин чрезвычайно прекрасны. Первая: бык потерян. Человек, которому принадлежит бык, просто стоит, озираясь вокруг в дремучем лесу, и не видит, куда подевался бык. Он озадачен, он в смятении. Становится поздно, солнце садится; скоро наступит ночь, и тогда идти в лесную чащу и искать быка станет еще труднее. На второй картине он обнаруживает следы быка. Он чувствует себя немного счастливее: кажется, появилась возможность найти быка — он обнаружил следы. Он идет по следам.

На третьей картине он видит спину быка, стоящего в чащобе. Быка трудно увидеть, но владелец догадывается, что это спина его быка. На четвертой он добрался до быка; теперь он видит быка, всего целиком. Он радуется. На пятой картине он хватает быка за рога. Требуются громадные усилия, чтобы привести его назад домой, но человек побеждает. На шестой картине он верхом на быке возвращается к себе домой. Это замечательные картины! На седьмой картине бык привязан в стойле. На восьмой картине человек так преисполнен радостью, что принимается играть на флейте. Девятая картина — пустая рамка, ничто там не нарисовано.

На десятой картине, которая является причиной больших споров, человек идет с бутылкой вина к базару, почти пьяный. Посмотрите, он едва идет. Эта десятая картина вызвала огромную дискуссию, которая не прекращается уже две тысячи лет.

Одна секта, большая секта Махаяны, верит, что девятая картина — последняя. Она изображает не-ум; вы достигли цели. Бык есть ваша глубочайшая сущность, которую вы потеряли, а вся серия картин — это поиск вашей внутренней сущности. Вы нашли свою сущность на девятой. Это необъятное безмолвие и спокойствие. Это нирвана, это не-ум.

За пределами девятой... Люди, которые говорят, что это конец путешествия, считают, что

кто-то прибавил десятую картинку, которая кажется совершенно неуместной. Но члены небольшой секты дзэн верят и в десятую картину тоже. Они говорят, что когда человек становится просветленным — это не конец. Это высочайший пик сознания, это величайшее достижение, но человек должен возвратиться к человеческому миру, к обычному миру. Он должен снова стать частью большого человечества. Только тогда он может поделиться, только тогда он может побудить других к поиску. И, конечно, когда он приходит с такой высоты, то совершенно опьянен экстазом. Та бутылка вина — это не обычное вино. Это просто символ экстатического состояния.

Когда эти картины повезли в Японию — это было двенадцать или тринадцать веков назад, — то взяли только девять картин. Десятая внушала беспокойство; ее оставили в Китае.

Я был в недоумении, когда впервые взглянул на японские картины. Они выглядят завершенными. Раз вы достигли нирваны, то чего же еще? Но потом я обнаружил в старой китайской книге десять картинок. Я был чрезвычайно счастлив, что у кого-то две тысячи лет назад было прозрение: будда — не будда, если он не может возвратиться к обыкновенным людям, если он не может стать снова всего лишь простым, невинным человеком, несущим свою нирвану, свой экстаз в бутылке с вином. Совершенно опьяненный божественным, он все же идет к базару.

Я видел, что тот, кто нарисовал десятую картину, был прав. До девятой — это просто логика. После девятой — десятая — великое постижение.

Я считаю, что до девятой человек только будда; с десятой он к тому же становится Зорбой. Это и была моя постоянная забота: я утверждал, что десятая картина подлинная, и если бы ее не было, то я нарисовал бы ее. Без нее переход в *ничто* выглядит немного унылым, выглядит уж слишком серьезным, выглядит пустым.

Столько усилий по нахождению себя, по медитации, выходу за пределы ума, постижению своего существа — и закончить в пустыне «Ничто»... нет, должно быть что-то большее; после этого должно быть что-то еще: там распускаются цветы, там возникают песни, там танец возможен снова — конечно, на совершенно другом уровне.

Но эти картины о поисках быка оказались чрезвычайно важными для объяснения всего пути, шаг за шагом.

Да Хуэй говорит: *Если уж вы изучаете этот путь...* Помните, я говорил о Да Хуэе, что он — учитель; ведь никакой мастер не станет использовать слово «изучение». Мастер скажет: «Если уж вы следуете этому пути, если уж вы на этом пути...» Изучение? — это не путь искателя; это путь любопытного студента, который хочет узнать что-то — больше информации, больше знаний, — но который на самом деле не заинтересован в собственной трансформации.

Но Да Хуэй — учитель. Хоть он и старается всеми возможными средствами принять позу, подобающую Мастеру, он не может обмануть никого, кто просветлен. Здесь и там — увертки; но он и представить себе не может, что они выявят его мастерство как всего лишь лицемерие. Абсолютно корректно было бы, если бы он сказал: «Я только учитель». Но он не говорит этого. Когда есть возможность быть признанным как мастер — даже император принимает его как Великого Мастера чань, — он хранит молчание. Он явно знал — потому что производит впечатление очень разумного человека, — он явно осознавал, что он не Мастер. Он очень хороший учитель, и мне хочется, чтобы вы в любой момент помнили, как он выдает свое неосознание.

Если уж вы изучаете этот путь... Изучение относится к студентам. Искатель не изучает путь, искатель увлекается. Он участвует во всем паломничестве. Он паломник, он не студент. У него нет желания узнать о пути; он хочет достичь цели — путем или не путем... Он хочет возвратиться к себе домой.

...то никогда — в ваших столкновениях с людьми и реакциях на обстоятельства — вы не должны позволять неправильным мыслям задерживаться. Снова увертка. Вопрос не в неправильных мыслях или правильных мыслях; все мысли неправильны, если это касается выхода за пределы ума. Он даже не осознает, что правильное и неправильное никогда не бывают разделены; они всегда вместе.

Можете вы отделить любовь от ненависти? Миллионы пытались, но ни одному не удалось, потому что это — против самой природы вещей.

Можете вы отделить темноту от света? Несмотря на то что они выглядят так различно, научные исследования света и темноты в отдельности доказали бы лишь нечто абсурдное. Различие между темнотой и светом только в степенях. Темнота просто означает меньше света, а свет означает просто меньше темноты.

Вот почему существуют животные вроде сов и других, для которых ночь — как день. Они обладают лучшими, чем у вас, глазами, поэтому даже при малом освещении — что выглядит для вас как темнота — для них все наполнено светом. Их глаза способнее ваших глаз. Днем они не могут открыть глаза — они так чувствительны, что дневной свет их ослепляет. При свете дня их глаза просто закрыты; естественно, они видят темноту. Когда для вас день, для сов это — ночь. А когда у вас ночь, для сов это — день, сплошной свет.

Так что различие между светом и тьмой только в степенях. Не может быть света без темноты, не может быть Бога без дьявола.

Странно то, что религии, которые верят в Бога, автоматически верят и в дьявола тоже. Они вынуждены, это просто логическая необходимость. А религии, которые не верят в Бога, не верят и в дьявола. Например, джайнизм не имеет Бога, поэтому там нет и дьявола. Просто нет и вопроса. Но все религии, которые верят в Бога, должны принять и его полярную противоположность — дьявола.

Откуда эта необходимость? Дело в том, что сущему всегда нужна полярность. Рождение поляризовано смертью, любовь поляризована ненавистью, сострадание поляризовано жестокостью. Оглянитесь на жизнь. Все имеет свою полярную противоположность, и если вы убираете полярную противоположность, то и другая тоже исчезнет. Они могут существовать только вместе.

Что такое хорошая мысль и что такое плохая мысль? И как вы можете разделить их? Только учитель не знает, что в последнем приближении к собственному существу необходимо, чтобы исчезли все мысли — не имеет значения, хорошие они или плохие. Мы не говорим здесь о морали; мы говорим здесь о подлинной религии.

Конечно, в основах морали есть хорошие мысли и плохие мысли, и все они произвольны. Например, для мусульманина иметь четырех жен — не плохая мысль, но для всех остальных людей в мире сама идея иметь четырех жен — уже плохая мысль.

Для древних индуистов даже женщина с пятью мужьями не была плохой мыслью; женщине, которая имела пятерых мужей, поклонялись, как одной из пяти великих женщин Индии! Конечно, пять мужей число не подходящее, потому что остается уикэнд — что делать с уикэндом? Каждый день в течение пяти дней бедной женщине приходилось менять мужей, а два дня были просто выходными. Так что уикэнд — это не что-то новое и американское; это очень древнее и индийское! Никто не осудил этого как уродливую ситуацию. Никакой индусский мыслитель, философ или теолог не осудил этого; это было приемлемо.

Юдхиштхира, старейший из пяти братьев, которые разделяли одну жену, считался индуистами одним из самых религиозных людей, когда-либо живших на Земле. Его нарекли Дхарма-радж — король религиозности. А этот парень, Юдхиштхира, был заядлым игроком; он играл до того, что поставил на кон все свое царство, всю свою казну, и, в конце концов, он

поставил даже жену!

Все пятеро братьев присутствовали — и согласились. И никто не осудил этого. Юдхиштхиру до сих пор продолжают называть одним из величайших религиозных людей, — а он обошелся с этой женщиной хуже, чем с животным, как будто женщина была просто вещью, частью собственности, вроде мебели, которую можно и проиграть.

Так что же правильно?

Для мусульман Коран — это их священный источник, а Коран говорит, что Бог сотворил всех других животных человеку для пищи. Теперь, если Бог говорит так, нет вреда в том, чтобы есть животных. Исключая человека, всех животных можно забивать, и есть безо всяких проблем. Вопрос о насилии даже не возникает. Затем есть джайны. Их монахи надевают себе на нос маску, потому что, когда вы выдыхаете, воздух становится горячим, а в атмосфере существуют очень крошечные невидимые живые клеточки, которые горячий воздух может убить. Чтобы защитить те клеточки, которые даже нельзя разглядеть, они все время держат свой нос под повязкой, чтобы к тому времени, как воздух выйдет через повязку наружу, он больше не был горячим; повязка препятствует и охлаждает его. Ну, кто же прав?

Есть индуистские монахи, которые обривают себе голову, усы, бороды — каждый волосок должен быть удален. Причина в том, что они считают волосы мертвыми частями тела. В чем-то они правы. Мертвые клеточки вашего тела отбрасываются непрерывно разными путями. Вот почему, когда вы срезаете себе волосок, вам не больно. Если бы они были живыми, вы почувствовали бы боль. Так что волосы так же мертвы, как любой труп. Зачем носить мертвые волосы? Индуисты и их монахи удаляют их. Если вы посмотрите на разных людей, разные традиции, вы будете просто поражены. Но как решить, что правильно и что неправильно?

В Китае даже поедать змей не считается чем-то удивительным. Более того, это один из самых изысканных видов пищи. Нужно только отрубить змее голову, потому что в ней яд: небольшая железа с ядом находится у змеи во рту. Они отрубывают голову, а остальная часть — ну прямо вегетарианская. Если вы гость в китайском доме, они уж точно подадут вам ее, просто в знак приветствия, и те, кто ел, говорят, что это восхитительно.

Нет ни одного животного, птицы, насекомого, которое где-нибудь да не едят. Это вызовет у вас отвращение — что там за люди? Но традиционно они приняли это как правильное, а раз что-то признается правильным, оно становится правильным для той традиции, тех людей. Они просто посмеются над вами — вы упускаете такую замечательную пищу.

В древней Индии и даже теперь в Южной Индии храмы — это не что иное, как публичные дома. Таков был обычай, что каждый должен пожертвовать свою старшую дочь Богу, а Бог — это просто каменная статуя; священник эксплуатирует несчастную женщину сексуально — во имя Бога. Множество женщин собираются при храме, и богатые люди начинают посещать храм. Этих женщин называли девадаси, слуги Божьи, но их настоящая функция — привлечь богатых людей к храму. Они функционируют как религиозные проститутки, и благодаря ним храм становится все богаче.

Вы будете поражены, узнав, что всего несколько дней назад в Бомбее проводился осмотр проституток. Тридцать процентов оказались девадаси из храмов Южной Индии: дело в том, что если священнику попадается достаточно красивая, то выгоднее продать ее на бомбейском базаре, чем содержать при храме. Таким путем священник может получить приличную денежную сумму. Тридцать процентов девушек, которые были пожертвованы Богу, попали на базар проституток в Бомбее. И никакой индуист не возразил против этого — даже сегодня. Правительство не обращает никакого внимания. Так продолжается, потому что никто не хочет никого раздражать, никто не хочет никому досаждать. Каждый старается выглядеть хорошим в глазах остальных людей.

Миллионы женщин в этой стране были сожжены заживо! Они должны были умирать со своими мужьями; им приходилось прыгать на погребальный костер к умершему мужу. Это было названо традицией *satti*. Тех женщин, которые выполняли такое самоубийство — очень мучительное самоубийство, — называли великими женщинами, очень религиозными женщинами.

Но подлинная идея за всем этим была не религиозной; не было ничего хорошего в ней. Подлинная идея за всем этим была такой, что мужчина не хотел, чтобы его жена, когда он умрет... кто знает? Вдруг она влюбится в кого-то еще. Он хочет сохранить ее как свою собственность даже после смерти. Так что единственный способ — ведь покидая ее, он не может доверять ей — заключается в том, что она тоже должна умереть вместе с ним, просто для удовлетворения его мазохистской, мужской шовинистической, глупой идеи быть собственником.

Таких женщин почитали, им создавались мемориалы. Я спрашивал шанкарачарьев, ученых и мудрых индусских монахов: «В таком случае, почему же ни один мужчина за всю историю не прыгнул к своей жене, когда та умерла?» И им нечего было ответить. Они просто выглядели смущенными, они хотели переменить тему. Но со мной очень сложно переменить тему! Я сказал: «Если это что-то великое, тогда мужчина сам оказался *ниже*, чем женщины».

Но истина в том, что мужчина всегда считал, что он хозяин, а женщина, — это имущество. Зачем ему умирать ради имущества? Он может иметь столько женщин, сколько захочет. Фактически, в древней Индии женщин продавали на базарах — как продавали их по всему миру — как рабов. И вы поразитесь тому, что великие индуистские святые, мудрецы — ведь никто не заглядывает за занавеску — даже они ходили в те места, где проводились аукционы женщин, и они покупали женщин.

Они имели жен, и наряду с этим они покупали женщин. Для этих купленных женщин пользовались особым словом. Для жены — это слово *патни*, а для купленной женщины — это слово *вадху*. Сейчас различие утрачено, поскольку сейчас нет аукциона женщин.

Но это признавалось совершенно правильным. Даже так называемые пророки, святые, которых вы бы посчитали вышедшими за пределы всех мирских вещей, оказались не настолько восприимчивыми, чтобы восстать против этого жестокого обычая распродажи женщин, приобретения их, совсем как вы приобретаете любую другую вещь на базаре. Что же правильно? И что неправильно?

Поэтому вопрос не в том, что *вы не должны позволять неправильным мыслям задерживаться*. Вы не должны позволять *мыслям* задерживаться — вопрос не в правильном, вопрос не в неправильном.

Другими словами: всякая мысль неправильна.

Все мысли нужно удалить из вашего ума, так чтобы экран ума был совершенно пуст, чтобы над вами было открытое, бескрайнее небо, чтобы ничто не двигалось в уме. Таков подлинный дзэн. Но так может сказать только просветленный мастер.

Да Хуэй собирал здесь и там все то, что ему казалось значительным. Но у него не было внутреннего критерия, чтобы судить, что такое подлинный путь самореализации. Он ходил к всевозможным учителям, и он собирал всевозможные противоречивые мысли.

Он был разумным человеком, но один разум не способен постичь природу вашего существа. Не в состоянии.

Если вы не умеете видеть сквозь них, то, как только неправильная мысль появляется, вы должны быстро сконцентрировать свою ментальную энергию, чтобы отвести себя прочь от этой мысли.

Во-первых, всякая мысль неправильна.

Во-вторых, вы не должны отводить свою ментальную энергию, потому что ментальная энергия есть корень ваших мыслей. Это мать всех ваших мыслительных процессов, хороших или плохих. Ментальную энергию не нужно отводить. Вы должны выйти из ментальной энергии, из беспорядка ментальной энергии; вы должны вывести себя из нее.

Вы должны стоять снаружи своего ума — как наблюдатель. Что бы ни происходило в уме, вы даже не вмешивайтесь. Просто наблюдайте. Просто продолжайте смотреть на это, как будто это чей-то чужой ум, а вы не имеете никакого отношения к нему — это не ваше дело.

В этой безразличной отчужденности все мысли исчезают. А с исчезновением мыслей нет и ума, потому что ум — это не что иное, как коллективное наименование мыслей.

Да Хуэй не знает ничего о медитации. Он никогда не медитировал.

Если вы всегда поддаетесь таким мыслям и позволяете им беспрерывно тянуться, то это не только заграждает Путь, но и делает из вас человека без мудрости. Он ничего не знает о мудрости. Он пользуется не тем словом. Все, что он говорит... Только одно следует сказать: если вы дадите мыслям тянуться без перерыва, это не только преградит путь, но и сделает вас человеком без знания — а не «без мудрости».

Это тоже нужно видеть ясно. Знание абсолютно уместно в науке. Сам смысл слова «наука» — в знании, и все усилия науки — это продолжать заменять неизвестное известным. Конечная цель науки в том, чтобы однажды не осталось ничего неизвестного — все станет известным. Все будет сведено к известному. Это и есть тот пункт, где религия и наука расходятся. И различие это огромно.

Религия говорит, что в мире существует не только две категории — известного и неизвестного. Есть третья категория, которая более важна, чем другие две, и это категория *непознаваемого*, таинственного, чудесного. Вы можете жить этим, можете быть этим, можете радоваться этому, можете петь этому, можете танцевать с этим. Но вы не можете знать это. Знание невозможно.

Вступить в эту сферу непознаваемого - и есть мудрость.

Мудрость — это не знание.

Мудрость — это невинность и глубокое чувство чудесного.

Глаза мудрого человека полны удивления; просто маленький цветок вызывает его удивление. Это же так таинственно — почему он тут?

Это произошло однажды ночью... Сократ не возвращался домой. Его жена была очень обеспокоена, все соседи беспокоились. Они озирались вокруг — куда же он подевался? Он был не таким человеком, чтобы ходить куда-нибудь; из школы, где он преподавал, он приходил обычно прямо домой. Такого никогда не бывало прежде, это было беспрецедентно. Падал снег, и все сильно беспокоились, не заблудился ли он где-нибудь в лесу.

Утром его нашли. Он стоял рядом с деревом, опираясь о дерево спиной, и глядел на небо. Когда до него добрались, он почти замерз, потому что снегу там было по колено.

Они растормошили его: «Что ты делаешь здесь?» Он сказал: «Что я делаю здесь? Ночь выдалась такой дивной, и звезды были так таинственны, что я просто продолжал смотреть, смотреть и смотреть. Много раз приходила мысль, что становится поздно, но я был почти загипнотизирован звездами и их красотой. Я знал, что шел снег, я дрожал, — но не мог пошевелиться».

Вот такой человек и есть человек мудрости. В мире миллионы людей, которые продолжают бегать туда-сюда и никогда не глядят в небо. Оно прямо над ними сверху — бесплатно, без билета, не надо стоять в очереди перед кинотеатром — и такое великолепие! И вы владеете им, потому что никто другой не владеет им.

Ночь полнолуния — и ничто не шевельнется в вашем сердце?

Бутон розы раскрывается — и ничто не раскрывается в вашем существе?

Кукушка начинает петь свою песню — и вас не трогает кукушка?

Мудрость — это совершенно иная вещь, чем знание. Знание демистифицирует существование; мудрость дает ему тайну. Мудрость принадлежит мистикам; знание принадлежит ученым, философам, теологам, — но они не люди религии. Им неведом пульс Вселенной.

Только люди, которые вступают в сферу таинственного, открывают двери за дверями тайны и неожиданно обнаруживают себя не в обычном мире, который лишен смысла, а в сказочном краю, где все так значительно, так поэтично, так музыкально, так прекрасно.

Все это переживание и есть переживание религиозного существа. И такое переживание возможно лишь в том случае, если вы можете отложить свой ум в сторону. Ум — это коллекционер знания; он не интересуется тайной.

В давние дни Гуй Шань спросил Ленивого Аня: «Какую работу ты выполняешь за двадцать четыре часа в сутки?»

Ань сказал: «Сторожу быка».

Гуй Шань спросил: «Как же ты сторожишь его?»

Ань сказал: «Всякий раз, когда он забирается в траву, я вытаскиваю его назад за нос».

Гуй Шань сказал: «Ты и вправду сторожишь быка!»

Дзэн полон такими небольшими диалогами, они очень характерны для него. В этой небольшой притче передано всего несколько слов между двумя людьми, — но все, что должно быть сказано о дзэне, сказано.

Ань был известен в истории дзэна как человек ленивый. Его прозвали Ленивый Ань, потому что он никогда ничего не делал. Гуй Шань спросил его: «Какую работу ты выполняешь за двадцать четыре часа в сутки?» — ведь ты не делаешь ничего, просто сидишь молча.

Люди любили Ленивого Аня. Это был замечательный человек огромного присутствия. Само его пребывание делало это место почти святым, такой энергией он обладал — несмотря на то, что никогда ничем не занимался. Люди обычно сами приносили ему пищу. Он никогда даже не ходил за подаванием — как делали все буддийские монахи, — но люди проявляли заботу о нем. Они беспокоились о нем. Если было холодно, они несли шерстяные одеяла; если лил дождь, мастерили какое-то укрытие.

Ань был до того ленивым, что не хотел даже ходить; людям приходилось нести его! Люди знали, что не было никакого смысла говорить что-нибудь ему, они просто делали все, что надо было делать. А он никогда никому не мешал и не спрашивал: «Куда это вы несете меня?» Даже этого было слишком много — спросить: «Куда это вы несете меня?» Это был особый характер.

Гуй Шань тоже был человеком великого понимания, поэтому он спросил: «Чем ты занимаешься двадцать четыре часа в сутки?» Ань сказал: «Сторожу быка». Он подразумевал те десять картин поиска быка. Только короткая фраза... он не сказал ничего больше.

Гуй Шань спросил: «Как же ты сторожишь его?»

Ань сказал: «Всякий раз, когда он забирается в траву, я вытаскиваю его назад за нос».

Гуй Шань сказал: «Ты и вправду сторожишь быка!»

Таков конец диалога. Но Гуй Шань выразил свое согласие с тем, что это и есть путь медитации. Когда ваше сознание начинает вовлекаться в ум, вытащите его обратно. Оставайтесь поодаль, стойте в стороне. Сохраняйте дистанцию между собой и умом... и нет необходимости делать ничего другого. Гуй Шань в действительности обрадовался тому, что Ленивый Ань вовсе не ленив: он проделывает громадную внутреннюю работу. Внешне, конечно, он выглядит ленивым, — но по его ауре, по его энергетическому полю можно заметить: некая свежесть окружает его, определенный аромат.

Он не делает ничего; и все же, где бы он ни был, люди проявляют заботу о нем по своему собственному желанию. Они внезапно чувствуют, что должны проявить заботу о Ленивом Ане; это так, словно он просто малое дитя, до того невинное, что любой тут же начнет заботиться о нем, — а ведь он был стариком. Никто никогда не говорил ему, что он должен делать. Он был занят тем, что может быть названо реальным деланием. Он постоянно делал только одну вещь: не позволял своему сознанию вовлекаться в заросли ума, где мысли растут, как трава, буйная трава. Он просто продолжал вытаскивать своего быка обратно.

И это не требует много времени. Раз ваше сознание привыкает не вовлекаться в ум, вам не придется тащить его снова и снова; быть вне ума — это так спокойно, так радостно, так благодатно, что сознание само начинает осознавать, что быть в уме — это быть в аду. Теперь — дело ваше. Если вы хотите быть в аду, можете быть; так или иначе, это не вынужденно, это не обязательно. Ад — не обязателен!

Люди, которые изучают путь... и снова он продолжает пользоваться словом «изучать» ...*в своем контроле над неправильными мыслями* — снова он продолжает говорить неправильные вещи — *должны быть подобны Ленивому Аню, стерегущему быка.*

Он не понял того, что делает Ленивый Ань. Он не контролирует свои мысли. Он просто вытаскивает свое сознание из мира мыслей, из сферы и территории ума... *в этом случае само собой происходит полноценное созревание.*

За чужой лук не берись.

«За чужой лук не берись, на чужого коня не садись, в чужие дела не вмешивайся». Такая банальная поговорка тоже может послужить поводом для вступления на Путь.

Это древняя китайская поговорка: «За чужой лук не берись, на чужого коня не садись, в чужие дела не вмешивайся». Она потрясающе прекрасна, несмотря на то, что это всего лишь мудрость людей. Они говорят: «Не заимствуй ничего ни у кого». Полагайся на свои собственные ресурсы, потому что, если ты не полагаешься на свои собственные ресурсы, ты никогда не сможешь быть свободным, ты никогда не сможешь быть индивидуальностью. Ты будешь всегда оставаться рабом.

Да Хуэй говорит: *«Такая банальная поговорка тоже может послужить поводом для вступления на Путь».* Время от времени он говорит нечто такое, что явно взял от того, кто знает.

Изучайте себя постоянно... — но он тут же возвращается в свое обычное состояние. В этом-то и беда: если вы повторяете чье-то чужое знание, это не может продолжаться долго. Вскоре вы скажете что-нибудь такое, что разоблачит вас.

Он говорит: *«Изучайте себя постоянно».* Это не путь дзэна. Это путь психоанализа, которого не существовало в те дни и которого не существует на Востоке даже сегодня. И если Запад не будет непреклонным и предвзятым и раскроется к пониманию, психоанализ исчезнет даже на Западе.

Изучение себя не вызовет в вас перемены. Вы можете продолжать изучение себя бесконечно. Изучение — это только другое слово вместо анализирования: почему эта мысль, почему та? Какова причина этого? Почему это пришло ко мне? Что мне надо делать с этим? Вы попадете в сумасшедший дом.

Нет, это не путь Востока.

Восток говорит: «Оставайтесь осознающими себя постоянно».

А быть осознающим — не значит изучать себя.

Быть осознающим — это просто быть в стороне, но наготове. Что бы ум ни делал, пусть делает; что бы ни происходило в уме, пусть так и будет. Просто будьте вне этого. Вы не должны быть участником — вот все, что необходимо, и ум умирает своей смертью. С этим же своим

изучением вы вступаете на территорию ума. А ум — это такой тонкий феномен... в тот миг, как вы вошли в него, он начинает эксплуатировать вашу энергию для своих собственных целей.

Таков опыт всех восточных мистиков. Не анализируйте, не изучайте, не обосновывайте, не осуждайте. Не делайте никакой оценки. Просто стойте в стороне, как будто дорога заполнена движением, а вы отступили в сторону с дороги и стоите там, и вам дела нет, кто уходит, кто приходит, кто хороший, кто плохой.

Это открытие осознания было таким чудом: уличное движение попросту исчезает только из-за вашего выхода из него. Вы не должны исследовать, вы не должны контролировать, вы не должны ничего разгонять.

Вам не нужно делать вообще ничего — просто чистого осознания достаточно, чтобы убить ум.

...что вы делаете с утра до вечера, чтобы помочь другим и помочь себе? Если вы замечаете хоть малейшую привязанность или теряете чувствительность, вы должны предостеречь себя. Не будьте беззаботными на этот счет!

Он говорит прямо как учитель морали, католический священник! Он забыл, что если человек осознает себя, то что бы он ни делал — правильно, и он никогда не сделает ничего неправильного.

Это не вопрос выбора. Его осознания достаточно, чтобы вести его к правильному, и никогда — к неправильному. Он просто остается безвыборно бдительным и осознающим, и весь стиль его жизни меняется. Тогда все, что он делает, — всегда полезно. Тогда он — постоянное благодеяние всему миру.

Но это не является его решением.

Это просто его спонтанность. Это просто его природа — быть добрым. Как на розовом кусте цветут розы, на кусте осознания розы тоже цветут — розы доброты, розы красоты, розы милости, розы всевозможных благодеяний для других, для себя.

В давние дни чаньский мастер Дао Линь жил на высокой сосне, на горе Чинь Ван; люди того времени звали его «Монах — Птичье Гнездо». Когда министр Бо Чжу-и был командующим Чень Тана, он предпринял специальное путешествие к горе, чтобы посетить мастера.

Бо сказал: «Там, где ты сидишь, чаньский мастер, очень опасно».

Мастер сказал: «Для меня опасность, может быть, и очень велика, министр, но для тебя еще больше».

Бо сказал: «Я — командующий Чень Тана: в чем здесь опасность?»

Мастер сказал: «Топливо и огонь объединились, сознанию и личности нет места. Как же ты можешь не быть в опасности?»

То, что он говорит, потрясающе значительно. Он говорит: «Я сижу в птичьем гнезде на сосне. Вполне очевидно, что тут есть опасность падения, но осознаешь ли ты, что если упадешь со своего места, то будешь в гораздо большей опасности? И твое падение возможно в любой момент. Ты — главнокомандующий, враг недалеко. Ты и твой враг соединены, как топливо и огонь. Вот огонь, совсем рядом с ним топливо; они могут соединиться в любой момент. В любой момент может быть взрыв. Ты сидишь на вулкане.

«Я, безусловно, в опасности — если упаду, скорее всего, я сломаю себе несколько костей. Но эта опасность невелика. Твоя опасность гораздо больше. Сознанию и личности нет места. Твое сознание так невелико; это и есть величайшая опасность в мире, потому что в любой момент ты можешь соскользнуть в бессознательное. Тогда, в бессознательности, все, что ты ни сделаешь, принесет тебе вред. А мое сознание абсолютно. Я могу сидеть в птичьем гнезде на этой высокой сосне; я знаю, я не упаду, потому что я бдителен. Даже когда сплю, я бдителен».

Однажды Ананда спросил Гаутаму Будду... Он обычно спал в той же комнате, чтобы заботиться обо всем, что Будде потребуется ночью, если тот вдруг почувствует недомогание. Будда был стар и немощен, но он работал тяжело, постоянно ходил пешком, до своего последнего дыхания. Гаутама Будда обычно спал в положении, которое называется позой льва, потому что точно так же спит лев. Но Ананду поразило то, что, когда Будда принимал эту позу, он оставался в ней всю ночь; он не двигал ногами, он не двигал рукой, он не шевелился вообще. Он оставался почти как статуя. Ананда поражался — один день, пожалуй, можно справиться, но день за днем, месяц за месяцем, год за годом?.. В конце концов, он не смог сдержать своего любопытства. Он сказал: «Я должен спросить, ты спишь или нет? — потому что ты никогда не меняешь своего положения».

Будда сказал: «Тело спит, ум спит, но мое осознание вечно, оно не ведает никакого сна. И во-вторых: ты мечешься и ворочаешься, потому что пытаешься найти правильное положение. Я нашел его — зачем же мне метаться и ворочаться? Что ты делаешь, вскидываясь и ворочаясь так и эдак? Фактически ты стараешься найти подходящую позу. Я нашел ее, Ананда. Теперь нет необходимости изменять ее. А что касается осознания, то даже ночью есть небольшое пламя осознания, вечно горящее внутри меня даже во сне».

Поэтому старый мастер был прав, когда сказал: «Для меня опасность, может быть, и очень велика, министр, но для тебя еще больше». Он говорит: «Твое осознание так мало, а твоя личность так фальшива. Ты считаешь себя главнокомандующим, но под своей униформой ты просто смертный. Всего лишь пуля покончит с тобой; всего лишь приказ от императора о твоей отставке или смещении с должности — и ты утратишь свою личность.

Никто не может отобрать мою личность у меня. Никто не может отправить меня в отставку — я уже в отставке. Никто не может повелеть мне: «Ты снят с должности». Куда еще ты можешь бросить меня? Я уже в таком положении, что никому не захочется поменяться местами со мной.

Люди редко приходят сюда. Ты странный парень — взвалить на себя такие хлопоты, чтобы подняться на эту гору, в это пустынное место, и поговорить с незнакомцем, который живет прямо на сосне и никогда не спускается. Моя личность в моих собственных руках. Твоя личность пожалована тебе; ее могут отнять — для тебя опасность, министр, гораздо больше».

Бо также спросил: «В чем полный смысл буддийского учения?»

Мастер сказал: «Не совершать ничего дурного, практиковать все добродетели».

Это абсолютно неправильно, и я не думаю, что это было сказано чаньским мастером Дао Линем; он не мог говорить так. Это явно добавление Да Хуэя, потому что это не учение Будды, — а ведь Бо просил *полное* учение буддийской философии, то есть только суть.

Суть буддийской философии — это просто *Випассана*: одним словом, медитация.

Все остальное вторично и несущественно. Все то, что говорит Да Хуэй, несущественно: *Не совершать никакого зла, практиковать все добродетели* — это не учение Будды.

Вот где Будда уникален — отличается от любого другого мастера в мире: его учение можно свести к единственному утверждению:

«Будь безмолвным, выходи за пределы ума, тогда все, что ты делаешь, — хорошо».

Бо сказал: «Даже трехлетний ребенок может сказать это!»

Мастер сказал: «Хотя трехлетний ребенок и может сказать это, восьмидесятилетний старик не может этого выполнить».

Это верно, поскольку единственный способ выполнить этот, не упомянут.

Единственный способ выполнить это — безмолвие.

Из безмолвия распускаются все цветы.

Даже восьмидесятилетнему старику трудно не совершать никакого зла и практиковать все добродетели, потому что они — побочные продукты. Вы не можете *делать* ничего того, что

является побочным продуктом. Вам нужно идти к корням.

Для примера я расскажу вам... я вспомнил маленький случай из жизни Мао Цзедуна, когда он был совсем молодым, а его отец уже умер. Его мать очень увлекалась выращиванием роз всех оттенков и разновидностей; она обладала большим эстетическим чувством и создала прекрасный сад вокруг своего дома.

Ее сестра сильно заболела — а мать очень заботилась о своих розах. Мао был совсем молод, не старше двенадцати лет. Он сказал: «Не беспокойся, мама. Ты можешь идти — ведь это всего на несколько дней; побудь со своей сестрой. О саде позабочусь я».

Мать ушла, а Мао проявил столько заботы, что вы и представить себе не можете; целый день с утра до вечера он смотрел за розами. Но это было очень странно, они умирали — деревья умирали, цветы умирали — он и представить не мог, что же ему сказать, когда мать возвратится. Весь ее сад выглядел необитаемым — а сын делал столько тяжелой работы. Прибыла мать. Она оглядела сад и рассмеялась, потому что Мао стоял там со слезами на глазах. Он сказал: «Я работал непрерывно с утра до вечера». Мать сказала: «Я так и знала, что это произойдет, так что не беспокойся. Я подошла неслышно, встала у ворот и наблюдала, что ты делал».

Что же он делал? — он промывал водой каждый цветок, убирал пыль с него маленькой кисточкой. Естественно, все цветы... он проявлял огромную заботу, но ухаживая за цветами, вы должны позаботиться и о корнях. Вам не нужно волноваться о розах, они позаботятся о себе; позаботьтесь только о корнях. Он никогда не беспокоился о корнях — он и понятия о них не имел. Его никогда не интересовали корни; он просто мыл цветы.

Деревья умерли, цветы умерли, и бедный мальчик был в полнейшем расстройстве. Мать сказала: «Я видела... стоя за оградой, я просто хотела посмотреть, что же происходит, и я увидела, что ты погубил целый сад! Но нет нужды причитать и плакать».

Его мать сказала ему: «Это и есть то, что человеческие существа делают повсюду в мире. Каждый заботится о цветах, и никто не интересуется корнями. А все дело в корнях. Цветы появляются автоматически. Никакой особой заботы о них не требуется».

Поэтому без медитации даже восьмидесятилетний старик не может выполнить этого, хотя это так просто, что и трехлетний ребенок может сказать это. *Мастер сказал: «Хотя трехлетний ребенок и может сказать это, восьмидесятилетний старик не может этого выполнить».* Тогда Бо поклонился и уехал.

Это не законченное изречение. Он, очевидно, услышал его от кого-то — из вторых, третьих рук, — потому что старый мастер Дао Линь не мог оставить без упоминания корни. Если не упомянута медитация, то там нет и речи об учении Гаутамы Будды. И он, должно быть, упоминал о ней, иначе Бо, не отклонялся бы перед уходом. Бо был совершенно удовлетворен, но в том разговоре нет никакой причины для удовлетворения.

Мой взгляд на вещи очень прямой. Я не вижу из этого разговора, почему Бо мог быть удовлетворенным, — но он явно был удовлетворен, потому что с большим почтением отклонялся и уехал.

Несомненно, что-то упущено, что-то существенное упущено... и так всегда происходит. Человек, который не понимает, который не испытал медитацию сам, расскажет обо всех деталях, которые являются побочными продуктами, и забудет про медитацию.

Это случалось столько раз, в стольких традициях, что может считаться правилом. Например, Махавира... Его ученики, его последователи считали вот уже двадцать пять веков, что он учил ненасилию, что он учил нестяжательству, что он учил быть подлинными и правдивыми.

Вот это все и есть побочные продукты. Но джайнские монахи следовали этому, и я видел их лица: они не проявляли никаких признаков радости, осуществления, удовлетворенности, достижения какого-нибудь великого безмолвия, спокойствия или блаженства. Они выглядят

совершенно сухими, мертвыми. Хотя они и следуют дисциплине как можно точнее, они просто упускают основу.

Все эти три вещи — ненасилие, нестяжательство, подлинность и правдивость — возникают без всякого усилия с вашей стороны... *если* вы преуспели в медитации.

Человек медитирующий не может лгать.

Человек медитирующий не может повредить никому; потому он и ненасильствен.

Человек медитирующий знает прекрасно, что все вещи преходящи. Вы приходите в мир ни с чем, и вам придется уходить из мира ни с чем; поэтому вы можете пользоваться вещами — но вы не можете владеть ими. Вы можете пользоваться вещами точно так же, как вы пользуетесь железнодорожным вагоном. Просто из-за того, что вы сидите в вагоне поезда, вы не станете заявлять, что вы владелец поезда! Вы воспользовались им на время; на одной станции вы входите, на другой станции вы выходите.

Жизнь надо принимать точно таким же образом. Все, что жизнь предоставляет вам... пользуйтесь этим, но не становитесь собственником. Не цепляйтесь ни за что, и тогда если что-то уходит из ваших рук — вы не огорчены, вы не расстроены; вы не станете думать о самоубийстве только из-за того, что обанкротились, или из-за того, что ваша жена сбежала с кем-то.

Я слышал о мужчине, который пошел на почту и обратился к начальнику почты: «Пожалуйста, запишите, что моя жена сбежала». Начальник почты сказал: «Сожалею, что ваша жена сбежала. Наверное, вы так расстроены, что не замечаете того, что это почтовое отделение. Полиция как раз напротив — идите туда». Тот сказал: «Я не пойду туда, и я знаю, что это почта, потому и прошу вас принять заявление».

Начальник почты сказал: «Это странно. Вам известно, что это почтовое отделение, и все же вы пытаетесь мне сообщить, что ваша жена сбежала с кем-то».

Тот сказал: «Да, семь дней тому назад. И я не собираюсь в полицейское управление, потому что, когда она сбежала в последний раз, я сообщил об этом в полицейское управление, а те идиоты привели ее обратно. На этот раз я промолчал семь дней, чтобы дать им уйти как можно дальше. Но потом меня начала мучить совесть и я подумал: «Это неправильно. По крайней мере, я должен сообщить». Я и подумал, что лучше сообщить это на почтовом отделении. Примите заявление и освободите меня от угрызений совести».

Начальник почты сказал: «Вот так странно. Если так обстоят дела, тогда зачем волноваться? И хорошо, что она сбежала».

Тот сказал: «Я не волнуюсь за нее; меня волнует тот мужчина, с которым она сбежала. Что будет с беднягой? Я привык к ней; он — новичок. Она же прикончит его. Семь дней прошло, и ничего не слышно».

«И вы ничего не чувствуете — ну хоть что-нибудь?» — спросил почтмейстер.

«Я не беспокоюсь о своей жене; меня беспокоит тот мужчина, которого она захватила. Я не могу сообщить об этом в полицию — вы можете понять мою проблему, — но я молюсь каждый день в храме: "Помилуй того несчастного. Спаси ему жизнь"».

Люди живут в таком страдании. Но даже если они и несчастны (с женой или мужем), они не разойдутся. Они не предоставят свободу друг другу. Но зачем же продолжать мучиться? Причины-то нет никакой.

Эта жизнь для радости.

Если вы можете радоваться вместе — хорошо.

Если вы можете радоваться отдельно — еще лучше. Для этого требуется лишь некоторое углубление вашего сознания, и это приходит через медитацию. Тогда все ваши поступки, ваше поведение, ваша жизнь начинают изменяться сами собою; вы начинаете видеть вещи ясно. А

сейчас вы видите вещи сквозь такую дымовую завесу, что ничто не кажется ясным.

Женщина пришла к врачу и спросила: «Что за рецепт вы дали моему мужу? Он был таким хорошим, таким послушным, и вдруг, после того как вы дали ему рецепт, он сбежал».

Врач сказал: «Я не давал ему никакого лекарства. Я просто выписал новые линзы для его очков, так что естественно — он должен был сбежать. Я вижу вас — этого достаточно. У него был раньше не тот рецепт, и он был не в состоянии увидеть вас. Как только он увидел вас отчетливо, он сбежал. Тут не о чем спорить».

Все, что вам необходимо, — это ясное зрение... в своей жизни, в своих поступках, в своих отношениях, во всем, что окружает вас. Просто ясный взгляд — и это изменит все, без всяких тяжких усилий с вашей стороны.

— Хорошо, Маниша?

— Да, Мастер.

3

СИЛА

За чужой лук не берись

Если, вы хотите сохранить умственную силу, не беспокойтесь о том, может или не может трехлетний ребенок сказать это, или же восьмидесятилетний старик — выполнить это. Просто не делайте никакого зла — и вы уже владеете этим правилом. Оно справедливо независимо от того, верите ли вы в него; пожалуйста, поразмышляйте над этим.

Если бы мирские люди, чье нынешнее поведение лишено озарения, могли исправиться и делать добро — хотя такая доброта еще не совершенна, — разве это было бы не лучше, чем развращенность и бесстыдство? О том, кто совершает зло под предлогом добра, учения говорят, что его мотивы не искренни и ведут к извращенным результатам. Если вы способны бесхитростным умом и прямым поведением достичь высшего просветления непосредственно, то это можно назвать деянием истинного человека силы. Заботы, которые приходят к вам из всех времен, есть лишь в настоящем: если вы можете понять их прямо сейчас, то эти заботы немедленно рассеются, как рассыпается черепица или тает лед. Если же вы не понимаете прямо сейчас, то еще пройдете через неисчислимые эпохи, а все по-прежнему будет, как и было. Эта истина справедлива с древнейших времен и не изменилась ни на волосок.

Дела мирской суеты подобны звеньям цепи, цепляющимся одно за другое без перерыва. Если вы способны порвать с ними, сделайте это немедленно! Поскольку вы привыкали к ним с безначальных времен и дошли до того, что они сделались совершенно обычными, если вы не вступаете в борьбу с ними, то с течением времени, при вашем неведении и неосознании, они войдут глубоко внутрь вас. И в итоге, в последний день своей жизни, вы не сможете ничего поделаться с ними. Если вы хотите избежать ошибки на закате своей жизни, то, начиная с этого момента, всякий раз как вы что-нибудь делаете, не давайте себе поскользнуться. Если вы собьетесь с пути в своих нынешних действиях, то невозможно будет не сбиться с пути, когда вы станете перед лицом смерти.

Бывают люди такого сорта, которые читают писания, повторяют имя Будды, каются утром, а вечером во весь рот злословят и очерняют других людей. На следующее утро они снова поклоняются Будде и снова раскаиваются, и так постоянно. Годами, до скончания жизни, они совершают этот ежедневный ритуальный круг — вот крайнее безумие. Такие люди далеки от понимания того, что означает санскритское слово «кшама» (раскаиваться в проступках). Оно означает «отрезать непослушный ум». Раз уж вы отрезали его, то никогда не возобновляйте; раз вы раскаялись, то не совершайте [порочных деяний] снова — в этом смысл раскаяния, согласно нашему Будде; и в этом добрые люди, изучающие Путь, не должны ошибаться.

Ум, различающий интеллект и сознание, у изучающих Путь, должны быть безмятежны и неподвижны двадцать четыре часа в сутки. Когда вам нечего делать, вы должны сидеть спокойно и удерживать ум от расползания, а тело от колебаний. Если ваша практика по совершенствованию продлится достаточно долго, естественно, тело и ум успокоятся, и вы обретете некоторую направленность в пути. Благодаря совершенствованию безмятежности и неподвижности и в самом деле унимается смятенное, распыленное фальшивое сознание у существ, одаренных чувствительностью; но если вы цепляетесь за безмятежную неподвижность и считаете ее окончательным результатом, то вы — в тисках извращенного «безмолвного озарения» чань.

Да Хуэй напоминает мне случай из жизни Чарльза Дарвина. Праздновалось его шестидесятилетие. Соседские детишки тоже задумали кое-что преподнести ему. Великие люди, богатые люди собирались преподнести Дарвину множество подарков — он сделался к тому времени мировой известностью, — но у детей свой собственный способ смотреть на вещи.

Вся жизнь Чарльза Дарвина была посвящена изучению зверей, птиц, насекомых, рыб. Он исследовал шаги человеческой эволюции, выяснял, как произошел человек. Он никогда не верил в теорию творения. Никакой разумный человек не поверит в нее, просто потому что каждый день совершается что-то новое. Творение должно было быть замкнутым кругом: Бог создал все, и не могло быть вопроса ни о каких новых изобретениях, новых открытиях. Работа Бога обязана быть совершенной; следовательно, нет места для эволюции. Эволюция может происходить только тогда, когда мир несовершенен.

Дети нашли способ. Они собрали много насекомых, анатомировали их — взяли у какого-то насекомого голову, у какого-то другого насекомого лапки, еще у какого-то насекомого тело, и по кусочкам соединили и склеили совершенно новое насекомое, которого Бог не создавал. И они подошли к Чарльзу Дарвину со словами: «Мы принесли насекомое, которое вам, наверное, очень интересно будет увидеть. Мы никогда не видели такого. Как раз сегодня мы нашли его».

Чарльз Дарвин и сам был немного смущен: он объездил мир, но никогда не видел такого насекомого. Потом он пригляделся и увидел, что голова принадлежит другому насекомому — он разглядел склейку и разгадал детские ухищрения, — а дети спрашивали название жучка.

Чарльз Дарвин сказал: «Я знаю, как это называется. Это называется *обжучить*».

Да Хуэй напоминает мне... он дурачит. Обжучивает. Он походил от одного мастера к другому мастеру, он насобирав всякой всячины — что-то от одного, что-то от другого; он создал хорошую коллекцию и склеил ее прекрасно; но ему не провести того, кто знает истину. А все мастера, которых он посещал, не могли быть просветленными. Кто-то, безусловно, был просветленным, потому что у Да Хуэя есть несколько высказываний, на которые способен только просветленный человек. Но есть и несколько других, которые только непросветленные моралисты, святоши и подобные им люди могли сочинить. Они хорошие люди; они желают добра, их намерения благие, но они не знают, что только желать добра — не достаточно.

Вы должны находиться у самого первоисточника своего существа, чтобы почувствовать эти три вещи: доброту, красоту и истину. В Индии мы называли это переживанием *сатчитананда* — это общее выражение. Вот другое выражение, состоящее из трех понятий: *сатьям, шивам, сундерам*. Мне хочется, чтобы вы поняли оба выражения, потому что они содержат самую суть религиозного опыта.

Сатчитананд составлено из трех слов: *сат*, которое означает предельную истину; *чит*, которое означает предельное осознание; *ананда*, которое означает предельное блаженство. Это один набор, который обозначает переживание просветления. Но просветление безбрежно. Есть и другой набор: *сатьям*, что значит истина; *шивам*, что значит благо; *сундерам*, что значит прекрасное.

Почему такая разница? — это действительно важно понять. Первое выражение происходит от людей философской склонности: истина, осознание, блаженство. Второй набор происходит от людей, которые, по существу, поэтичны. Истина остается в обоих наборах, но остальные два качества изменяются. Поэту красота более важна, чем что угодно другое, — а также свойство доброты.

Так что первый набор происходит от людей, которые стали просветленными, но были философского склада ума. А вторая группа происходит от людей, которые были поэтами. Единственная вещь, которая объединяет их, — это истина; а истина — это бескрайнее небо, оно содержит все великие переживания. Можете выбирать какой угодно вариант, в соответствии с вашей личной склонностью.

Да Хуэй наталкивался на явных моралистов, которые не знают источника добра, но ведут речь о добре. Они этичны, но не религиозны. Он контактировал и с просветленными мастерами. Я расскажу вам, как он создавал это надувательское учение. Различие так огромно, качество

настолько иное... но даже человек с разумом Да Хуэя не смог понять, что они несовместимы. Вам не склеить их вместе — расстояние слишком велико. Но это послужит хорошей наукой для вас — вот почему я выбрал Да Хуэя. Вы сможете немного поучиться разборчивости; иначе вы будете попадать под влияние любой бессмыслицы.

Как раз недавно кто-то принес книгу об одной знакомой мне женщине. Это была самая обыкновенная женщина; она жила у сваи Муктананды — обслуживала его, готовила ему пищу. После смерти Муктананды она заняла его место. Теперь ее зовут Гурумайи, женское имя Гуру: Гурумайи Чидвила-сананда; за ней следуют многие люди. Эта книга была прислана мне, потому что женщина путешествует по всему миру, и многие люди были под впечатлением от нее. Она — преемница Муктананды. Он сам был совершенный идиот — что же теперь сказать об этой женщине? Ведь нельзя же быть совершеннее, чем был Муктананда.

Но проблема в том, что люди просто слышат слова, и у них нет никакого критерия, чтобы проверить, говорят ли им другие люди из своего собственного опыта или насобирали слов из книг, от третьих людей и просто повторяют. Вы можете увидеть это очень отчетливо по Да Хуэю. Он — совершенный образец.

Если вы хотите сохранить умственную силу... Все учение Будды стоит на том, что вся сила, которая дана уму, дана вами. Ум не обладает своей собственной силой; она дается вами через отождествление. Благодаря вашему отождествлению себя с ним, ум становится могущественным. Это *ваша* сила.

Ум не имеет вообще никакой силы; ум — это как трость для ходьбы у слепого человека. Трость шагает, но сила исходит от слепого. Трость не может шагать сама собой, хоть и называется тростью для ходьбы. Идет слепой, и вся сила трости принадлежит слепому.

Ваш ум — то же, что трость для ходьбы у слепого человека.

Как только вы раскрываете глаза и понимаете суть отождествления, вы можете отнять свою силу от ума. Вы дали ее, а в тот момент, когда вы ее отнимаете, ум просто рушится. Поэтому, чтобы рассказывать об умственной силе, он, видимо, наслушался какого-то учителя.

Не беспокойтесь о том, может или не может трехлетний ребенок сказать это, или же восьмидесятилетний старик — выполнить. Просто не делайте никакого зла — и вы владеете этим правилом. Оно справедливо независимо от того, верите ли вы в него; пожалуйста, размышляйте над этим.

Теперь он продолжает совершать ошибки... Сопоставьте его слова с высказываниями любого просветленного человека. Прежде всего: *Просто не делайте никакого зла*. Никакое пробужденное существо в мире не говорило когда-либо так: «потому что пробуждение делает вас чистым». Вы продолжаете совершать дурные поступки из-за своего бессознательного. Дурные поступки не имеют никакой власти над вами.

Гаутама Будда обычно говорил, что если в доме виден свет — из окон, из дверей, — то воры держатся поодаль. Они знают, что хозяин еще бодрствует. Свет — достаточный указатель для вора, чтобы не идти на риск. Но если свет погасить, тогда вор может приблизиться; это подходящее время. В темноте он ухитрится стащить что-нибудь. Он обычно говорил, что все это относится и к человеческим существам. Если ваши глаза излучают свет, если само ваше существование демонстрирует озарение, если вы сияете... то зло не приблизится к вам. Тогда все, что вы делаете, исходит от вашей благодати, а благодать не может делать никакого зла.

Учить людей не делать зла — это совершенно абсурдно.

Если они бессознательны, они обречены, делать зло. Они могут попытаться; они могут заставить себя делать добро и не делать зла, но это будет оставаться поверхностным. Они не могут даже осознать, что есть зло и что есть добро.

Однажды человек — очень богатый человек из Калькутты — пришел к Рамакришне. Он

хотел сделать какой-то добрый поступок. Он старился, а так как был очень богат, то подумал, что хорошо бы пожертвовать тысячу золотых рупий — в то время были золотые рупии. Слово «рупия» происходит прямо от золота. Это санскритское слово, «раупья»; на хинди это стало называться «рупайя»; по-английски это «рупии» — но это происходит от золота. Теперь даже бумажный знак называется рупия; слово утратило всякий смысл, оно неуместно. Но так продолжают изменяться вещи, а мы продолжаем использовать старые слова для новых реалий, к которым они уже вовсе не относятся.

Сначала люди использовали лошадей. Это было самое быстрое транспортное средство, но до сих пор люди спрашивают: «Сколько лошадиных сил в твоём автомобиле?» Странно... лошади пропали, но наш прежний ум все еще ухитряется думать об автомобиле в терминах «лошадиной силы», и никто не задумывается над глупостью этого.

Этот человек принес тысячу золотых рупий. Он испытывал возвышенное чувство и думал: «Рамакришна будет поражен, никто не подносил ему такой дар. Я совершу великое доброе деяние. Это было для храма Рамакришны, где он жил, — в Дакшинешваре, поблизости от Калькутты.

Первым делом он высыпал из своей сумки всю тысячу золотых рупий перед Рамакришной... Ну и звон! Они наделали столько шуму, что все в ашраме собрались: «Что происходит?»

Рамакришна сказал: «Ты что же, хочешь выставить напоказ свой поступок? Ты ведь мог бы тихо передать сумку мне. Не было нужды высыпать всю эту тысячу рупий передо мной. Ты же сделал так, как будто старался заставить каждого в ашраме любопытствовать — прийти и посмотреть, что происходит. Это не добрый поступок. Это в тебе капризничает твоё эго; но я принимаю рупии. Теперь сложи их назад в сумку».

Тот сложил их в сумку, и Рамакришна спросил: «Теперь эти рупии мои или твои?»

Человек сказал: «Конечно, они твои; я пожертвовал их тебе».

Рамакришна сказал: «Это хорошо. Я жертвую их Гангу. Поможешь мне немного?»

Человек спросил: «Какая нужна помощь?»

«Пойди — за храмом Ганг; брось всю сумку в Ганг. Теперь это *мои* деньги, а не твои, и тебе нет нужды волноваться из-за них».

Человек был потрясен: «Зачем я ввязался... Тысяча золотых рупий... Люди точно скажут, что этот человек безумен — жертвовать столько Гангу?»

Но ему велено, и он отправился к Гангу. Прошло несколько часов.

Рамакришна спросил: «В чем дело? Чтобы выбросить сумку, не нужно так много времени». Он отправил кого-то узнать, что произошло. Посланец вскоре вернулся: «Тот человек вынимает по одной рупии из сумки и бросает на каменные скалы у Ганга. Собралась большая толпа, потому что те рупии наделали много шуму — они ведь из чистого золота. Потом человек бросает одну рупию далеко в Ганг. Потом берет еще одну рупию, снова бьет ею об скалы... а людей собирается все больше и больше. Словом, он устроил грандиозное шоу».

Рамакришне пришлось пойти самому. Он сказал: «Ты не только эгоист, ты еще и глуп. Настоящие рупии или фальшивые, проверяют, бросая их на камень, чтобы услышать звук золота: если они не настоящие, то звук не тот. Но так делают, когда их собирают. Ты же выбрасываешь — какой смысл проверять, настоящие они или нет? Точно так же рупии подсчитывают, когда их собирают. А ты выбрасываешь рупии; не все ли равно — их там одна тысяча ровно, или одной рупией меньше, или одной рупией больше? Похоже, ты не понял, что под видом доброго деяния ты просто тешишься глупостью. Это не принесет тебе никакой благодати. Твоя тысяча рупий пропала напрасно».

Но именно так делается повсюду.

Возможно, мы думаем, что делаем добро. Возможно, мы думаем, что не делаем зла. Но

думать можно все что угодно, и это не имеет никакого отношения ни к добру, ни к злу. Добро — это то, что приходит спонтанно от вашего осознания, а зло — это то, что никогда не придет спонтанно из вашего осознания. Человек осознания делает только добро. Его действия и его осознание глубоко синхронизированы. Зло не может войти в освещенный дом такого человека.

Но моралисты не имеют понятия о просветлении или медитации. Они продолжают учить людей дисциплинам: делай это, делай то; это правильно, то неправильно.

И, в конце концов, Да Хуэй говорит: *пожалуйста, поразмышляйте над этим.*

Размышление никогда не может привести вас, ни к какому заключению.

Тысячелетия философии... величайшие гении всего мира столько размышляли, да так и не пришли ни к какому выводу. Это была такая громадная растрата разума и гениальности. Они не могли даже, и думать о мелких делах.

Иммануил Кант, великий немецкий философ — из высшей категории философов, — получил предложение от женщины: «Я люблю тебя. Я ожидала долго, в надежде, что, быть может, ты проявишь инициативу. Но ты, похоже, не проявляешь инициативу, поэтому я сама должна просить тебя жениться на мне».

Он сказал: «Ты могла бы попросить и раньше, но сначала мне нужно обдумать это. Я никогда ничего не делаю без обдумывания».

Он проконсультировался во всех библиотеках, прочитал все книги о супружестве; он собрал все «за», все «против». Трудно ему было: он проработал три года, но аргументов «за» и «против» оказалось поровну. Поэтому решение все не приходило... Наконец, на стороне «за» оказалось на один аргумент больше, чем на стороне «против». Он наткнулся на книгу, где говорилось, что всегда полезно пережить что-то, даже если опыт докажет ошибочность; зато это даст вам зрелость. Никогда не избегайте никакого опыта, поскольку избегание опыта — это избегание зрелости.

Это был единственный лишний пункт в пользу брака; без него обе стороны были равными. Видя, что нашел решение, Кант бросился к дому женщины и постучал в дверь. Старый отец девушки открыл дверь и спросил: «Что вам нужно?»

Иммануил Кант сказал: «Ваша дочь попросила меня жениться на ней, и я обдумывал. Конечно, это потребовало долгого времени; обдумывание — долгий процесс. Это заняло три года. Я трудился упорно день и ночь и, в конце концов, пришел к выводу, что должен жениться».

Старик сказал: «Это хорошо, но моя девочка вышла замуж давным-давно. У нее уже двое детишек. Она не могла ждать. Ведь за эти три года вы так ни разу и не появились у нас».

Кант сказал: «Я был очень увлечен обдумыванием — я изучил древние писания, все руководства по браку. Потребовалась громадная работа, чтобы прийти к заключению».

Иммануил Кант так и остался неженатым на всю жизнь.

Думание — это не способ найти истину. Недумание — вот способ. Думание всегда вызывает больше путаницы. Недумание приносит ясность, простор, чистоту и грандиозное прямое видение. Это не подсчет «за» и «против»; вы просто знаете, в каком направлении нужно идти. Это простое понимание.

Да Хуэй, видимо, слышал, как какой-то другой учитель велел своим ученикам поразмышлять об этом.

Если бы мирские люди, чье нынешнее поведение лишено озарения, могли исправиться и делать добро — хотя такая доброта еще не совершенна, — разве это было бы не лучше, чем развращенность и бесстыдство?

Это не слова того, кто достиг цели. Это слова очень поверхностной умственной деятельности.

О том, кто совершает зло под предлогом добра, учения говорят, что его мотивы не

искренни и ведут к извращенным результатам. Если вы способны бесхитростным умом...

Но ум всегда остается умом, он никогда не бывает бесхитростным. У всех вас есть умы, поэтому вам не трудно понять, что ум всегда с извилинами. Он никогда не бывает прямым.

Восточные мистики используют собачий хвост в качестве символа ума. Они говорят, что, даже если продержат собачий хвост, прямым в трубке из полого бамбука двенадцать лет, стоит только снять бамбук — и хвост опять свернется. Не стоит и ожидать, что он выпрямится: такова уж природа собачьего хвоста.

С умом такая же незадача — он перекручен. Он никогда не работает прямо, непосредственно, открыто. Он изворотлив, он лукав. Он старается найти такой путь, где он может претендовать на добро и вместе с тем наслаждаться всеми удовольствиями, которые предоставляет зло.

Я слышал о епископе, который сидел в исповедальне, а молодая красивая женщина пришла исповедоваться. Она сказала: «Отче, меня изнасиловали — и не один раз, а трижды за ночь». Епископ сказал: «Но если тебя изнасиловали, тебе незачем исповедоваться. Человек, который насиловал тебя, должен исповедоваться. Ты же не совершила никакого греха».

Женщина сказала: «Вы не понимаете. Я наслаждалась этим — вот почему я должна прийти на исповедь и молить Бога о прощении; так или иначе, я могла бы сделать что-нибудь, чтобы не быть изнасилованной. Тот, кто изнасиловал меня три раза за ночь, был один и тот же мужчина, а я не вопила и не кричала. Я действительно испытывала удовольствие от этого».

Отец сказал: «Это случай очень серьезный. Перейди на эту сторону комнаты, потому что ты должна объяснить мне точные детали того, что сделал тот мужчина. Похоже, он просто дьявольское отродье».

Потом отец поцеловал молодую девушку и спросил: «Делал он так?»

Девушка сказала: «Да, отче».

Тот сказал: «Он и впрямь дьявол». Он принялся играть с ее грудями и спросил: «Делал он и это тоже?»

Девушка ответила: «Да, отче». И отец сказал: «Такой человек должен быть приговорен к аду! А он велел тебе раздеться?» Девушка ответила: «Да, отче».

Тот сказал: «Такой человек заслуживает вечного адского огня! Разденься».

Отец предался с ней любовным утехам, а затем спросил: «Он делал и это тоже?» Девушка ответила: «Да, отче».

Тот сказал: «Пусть этот человек придет ко мне в исповедальню. Он должен исповедаться».

Но девушка сказала: «Он сделал еще одну вещь».

Отец воскликнул: «Как?! Еще одну?»

Девушка сказала: «Он наградил меня еще и гонореей. Я же говорила вам, это действительно очень дурной человек».

Ваши, так называемые добрые люди, продолжают совершать во имя добра всевозможные злые дела — так и должно быть. Это не их вина. Они были воспитаны ошибочным учением. Им велели делать это, делать то, но никто и никогда не заходил глубоко в их психологию — зачем они делают это? Где глубокий корень их дурных действий? И если этот корень не отрезан...

Природа человека сама по себе, в сущности, добрая. Вам лишь нужно удалить дикие сорняки, которые выросли в этой природе. Медитация — вот единственный способ убрать все зло без больших усилий, и тогда то, что остается, и есть добро. Тогда, что бы человек ни делал, ему не нужно задумываться, добро это или зло. Он просто делает это. Он испытывает глубокую гармонию с сущим, и не может идти против этой гармонии.

Зло выступает против гармонии природы.

Оно творит диссонанс.

И только люди, которым неведома красота гармонии и радость гармонии, могут совершать злые действия. Но не говорите им: «Делай это. Не делай то».

Я слышал, что Бог первым делом спросил вавилонян: «Хотите заповедь?»

Те спросили: «Какую заповедь?»

Бог сказал: «Не гляди на чужую жену с дурным помыслом».

Вавилоняне сказали в ответ: «Это невозможно. Оставь свою заповедь при себе, потому что если красивая женщина проходит перед нами, то не имеет значения, чья она жена. Дурной помысел возникает сам собой. Мы не можем поделаться ничем; прежде чем мы хоть что-нибудь подумаем, помысел уже есть».

Бог пришел к египтянам и спросил: «Хотите заповедь?»

Те сказали: «Сначала мы хотим знать, какую заповедь».

И Бог сказал: «Всегда делай добро».

Египтяне сказали в ответ: «Пойди и дай эту заповедь другим, потому что если кто-то делает нам зло, то как же нам защищаться? Глаз за глаз... если он творит зло, мы сотворим еще больше зла; только так мы можем исправить его. Если он творит зло, а мы продолжаем творить добро, мы будем сокрушены. Прости нас, мы не хотим твоей заповеди. Оставь ее себе».

Тогда Он отправился к Моисею и спросил Моисея: «А ты хочешь заповедь?»

Моисей спросил: «Сколько стоит?» Его не волновало, какая это заповедь. Главное — сколько она стоит.

Бог сказал: «Она не стоит ничего».

Моисей сказал: «Тогда беру десять!»

Если это бесплатно, то почему не взять десять? Вот откуда у евреев десять заповедей. Но среди них нет заповеди для медитации. Все они — только моралистические, поверхностные поучения.

Если вы способны бесхитростным умом и прямым поведением достичь высшего просветления непосредственно, то это можно назвать деянием истинного человека силы. Все это попросту чушь. Это просто ставит вещи вверх дном.

Просветленный человек — это действительно человек силы; не власти над другими, а именно источник силы, и не той силы, которая господствует, поработывает, а глубинной крепости, выносливости, отваги. Это его собственный, внутренний источник. Он не имеет никакого отношения ни к кому другому. Это просто его сила, которая излучается повсюду вокруг него. Все, что он говорит, идет от той силы.

Тогда и поведение прямое, тогда и ум бесхитростный. Но невозможно сначала сделать ум бесхитростным и поведение прямым, а после этого сразу обрести высшее просветление.

Первым делом должно быть просветление, а все остальное — только побочный продукт. Чтобы росло дерево, прежде всего, необходимы корни, хоть они и невидимы. Быть может, в этом и причина, почему мыслители упускают основной момент: корни невидимы, но, если они есть, дерево начинает расти. Появляется листва, прекрасная зелень, появляются цветы — психоделические, разноцветные, — появляются плоды, которые могут стать превосходным питанием; но все это появляется благодаря скрытым корням.

Обратное не верно: если сначала вы подвешиваете несколько цветков и плодов, добавляете немного листвы, связываете все это вместе — и надеетесь, что потом вырастут корни, — ничего не выйдет; не таков путь природы. Но это и есть то, чему научили людей: сначала станьте добрыми, сначала станьте моральными, сначала следуйте определенной дисциплине, — а затем вы достигнете просветления, и просветление даст вам великую силу.

Просветление само по себе есть сила.

Но оно должно прийти первым, оно не может быть вторым.

А все остальное последует.

Просветленный человек не может поступать неправильно, не может творить зла. Каждое его дыхание служит добру, каждое его действие служит божественному. Сам он полностью отдался целому — предоставляя целому, использовать его каким угодно образом.

Вот различие между моралью и религией: религиозный человек морален, но моральный человек не религиозен.

Моральный человек — это всего лишь лицемер.

А проблема возникла из-за того, что мы видели таких просветленных людей, как Гаутама Будда, но нам не видимо их просветление. Их корни скрыты. Мы видим их поступки, их плоды, их цветы, их листву. И по естественной логике ума, если мы принимаемся за те же самые действия, что и они, то мы, значит, тоже станем просветленными.

Вы видите логическое заблуждение, но выглядит оно вполне разумным... Будда ест один раз в день, поэтому и вы едите один раз в день; у Будды одежда состоит из трех частей, поэтому и ваша одежда только из трех частей; Будда никогда не пользуется никаким транспортом, всегда ходит пешком от селения к селению, поэтому и вы всегда ходите пешком. Вы можете сымитировать каждое действие Будды без труда, вы можете повторить его слова точно таким же тоном, как он произносит их, но все же вы не станете просветленным, потому что упущены корни. И проблема корней в том, что они всегда скрыты; это — тайна.

Поэтому буддисты вот уже двадцать пять столетий непрерывно имитируют; христиане имитируют Христа, и то же самое можно сказать об остальных религиях. Все они создали великих имитаторов, но внутри эти имитаторы точно такие же заурядные и непросветленные, как и первый встречный. Они берутся за дело не с того конца.

Заботы, которые приходят к вам из всех времен, есть лишь в настоящем... Это предложение он, очевидно, заимствовал у кого-то просветленного, потому что не сумел бы придумать его сам. Это очень содержательное предложение.

Заботы, которые приходят к вам из всех времен, есть лишь в настоящем: если вы можете понять их прямо сейчас, то эти заботы немедленно рассеются, как рассыпается черепица или тает лед. Если же вы не понимаете прямо сейчас, то еще пройдете через неисчислимые эпохи, а все по-прежнему будет, как и было. Эта истина справедлива с древнейших времен и не изменилась ни на волосок.

Вот эти слова не могут исходить от учителя. Акцент на *сейчас* и скрытый за этим смысл - безмерно великолепны. Он говорит, что, быть может, вы и совершили тысячи преступлений в прошлом, — но прошлого больше нет. Только воспоминания о прошлом остались в вашем уме. Быть может, вы и задумывали совершить много преступлений и зла в будущем, — но они только в уме. Теперь они все — ваше прошлое, ваше настоящее, ваше будущее — все в настоящем мгновении.

Это самое потрясающее изречение. Оно означает, что вам не нужно избавляться от своего прошлого, совершая добрые поступки. Оно означает, что вас не нужно наказывать за ваше прошлое — потому что это было бессознательное действие. Вы не осознавали. Если вы способны осознать прямо сейчас, то все то, что было тяжким грузом на вас, растает подобно льду. Теперь нет вопроса о том, чтобы делать добро, и нет вопроса о том, чтобы делать зло. Теперь остается одно: достичь глубокого понимания настоящего момента, осознать настоящий момент.

А это и есть медитация. Она не заботится о прошлом, она не заботится о будущем; она просто становится колонной света в настоящем. Внутри такой колонны света в настоящем все прошлое и будущее попросту исчезают. Они не имеют никакого действительного существования.

Это так, как будто вы проспали всю ночь, совершая хорошие поступки и дурные поступки — иногда убегая с женой соседа, иногда становясь святым, — но утром, проснувшись, вы знаете, что ничего такого не сделали. То было всего лишь сновидение, которое создало все эти грезы.

Для человека понимания все, сделанное вами, делалось в бессознательном состоянии; и единственный путь — это просто становиться сознательным, и вы пробудитесь. А все ваше прошлое исчезнет, точно, как исчезают грезы, когда вы пробуждаетесь. Такое изречение, несомненно, могло быть почерпнуто только из источника просветления.

Дела мирской суеты подобны звеньям цепи, цепляющимся одно за другое без перерыва. Если вы способны порвать с ними, сделайте это немедленно! Вот почему я говорю, что он замесил хорошую мешанину. Он дурачил даже императоров своей мешаниной.

Время от времени он пользуется словами какого-нибудь просветленного. Но в то же время продолжает собирать всевозможные советы от учителей, которые собрали их от других. И все это настолько перепутано одно с другим, что очень трудно произвести четкое разделение.

Я хочу взять все целиком; ведь я мог бы вырезать всю бессмыслицу и оставить только то, что истинно. Но я хочу дать вам определенное видение — чтобы вы различали, исходит ли это от источника просветления или это просто интеллектуальная гимнастика. *Поскольку вы привыкали к ним с безначальных времен и дошли до того, что они сделались совершенно обычными, если вы не вступаете в борьбу с ними, то с течением времени, при вашем неведении и неосознании, они войдут глубоко внутрь вас. И в итоге, в последний день своей жизни, вы не сможете ничего поделать с ними.*

Видите, как он забывает сам себя? Если это может быть сделано сейчас, за одно мгновение осознания, то почему вы не можете сделать этого в момент смерти? Это тоже будет *сейчас* и в одно мгновение.

И это легче будет делать в то время, чем сейчас, потому что сейчас вы можете отложить на завтра. Когда смерть стоит перед вами, нет и вопроса об отсрочке; вам приходится или сделать это, или не делать этого. А кому захочется уносить все свои кошмары с собой?

Да Хуэй сам стал просветленным всего за минуту перед смертью. Смерть может быть огромной помощью, она может быть замаскированным благословением, потому что там уже нет будущего, нет завтра. Вы не можете сказать: «Сегодня я занят, завтра я буду медитировать». Вам придется бросить все дела. Теперь единственно важная вещь — это быть готовым и осознающим, избавиться от всего своего прошлого и двигаться в смерть — невинным, чистым, ясным, необремененным. Тогда вы не умираете; вы вступаете в вечную жизнь.

Но Да Хуэй говорит как мыслитель, как учитель: *И в итоге, в последний день своей жизни, вы не сможете ничего поделать с ними.*

Ничего не нужно делать. Если человеку надо лишь осознать, он может осознать в любое время, будет ли смерть в следующий миг или нет. Но смерть может стать великим побуждением к тому, чтобы сделать это немедленно. Одна только мысль о «завтра» заставляет вас говорить: «Все в порядке, нечего спешить. Не сегодня, так завтра», — а завтра никогда не наступает. Это всегда сегодня. И вы приучаетесь откладывать на завтра.

Смерть заставляет вас впервые осознать, что теперь уже нет завтра. Если вы хотите достичь осознания, достигайте. И шок смерти помогает осознанию.

Многие люди в минуту смерти становятся просветленными, хотя их просветление и остается неизвестным, потому что после него они просто умирают. Их просветление не поможет больше никому, потому что на это уже нет времени, но все же это великолепно — по крайней мере, им удалось это для самих себя.

Если вы хотите избежать ошибки на закате своей жизни, то, начиная с этого момента, всякий раз как вы что-нибудь делаете, не давайте себе поскользнуться. Он продолжает прыгать

то вверх, то вниз. Те несколько предложений были абсолютно верными. Теперь опять он приходит к действию. *Если вы собьетесь с пути в своих нынешних действиях, то невозможно будет не сбиться с пути, когда вы станете перед лицом смерти.*

Медитация — это вовсе не вопрос действия.

Медитация — это вопрос пробуждения.

Бывают люди такого сорта, которые читают писания, повторяют имя Будды, каются утром, а вечером во весь рот злословят и очерняют других людей. На следующее утро они снова поклоняются Будде и снова раскаиваются, и так постоянно. Годами, до скончания жизни, они совершают этот ежедневный ритуальный круг — вот крайнее безумие. Такие люди далеки от понимания того, что означает санскритское слово «кшама» (раскаиваться в проступках). Оно означает «отрезать непослушный ум».

Теперь то, что он говорит, абсолютно применимо к нему — он повторяет хорошие слова, он повторяет писания. Может быть, он поклоняется Будде, будучи буддийским монахом. То, что он говорит, похоже на его собственный опыт.

Это верно. Миллионы людей в мире делают то же самое — христиане они или евреи, индусы, буддисты или джайны — это не имеет никакого значения. Это одни и те же люди. Когда они в храме, они притворяются религиозными.

Такая одночасовая религия не поможет, потому что двадцать три часа аннулируют ее постоянно. В двадцать три раза дольше они нерелигиозны. Эта одночасовая религия — просто самообман.

И смотрите, как он продолжает путать. Санскритское слово «кшама» не означает раскаиваться в проступках. *Кшама* означает прощение, прощение других и прощение себя тоже — прощение, потому что вы были бессознательны и другие бессознательны. Это прощение даст вам некоторое осознание.

Каждый год у джайнов бывает один день, *Кшамавани*, день прощения, когда даже враги должны встретиться друг с другом и простить друг другу. И чудо состоит в том, что после того, как этот день прошел, враги по-прежнему враги; ничего не произошло, это только ритуал.

Мы можем создать ритуал из чего угодно великого. Вы наступаете кому-то на ногу и говорите: «Прошу прощения». Вы на самом деле подразумеваете это, или это всего лишь социальная условность? Да, это делает жизнь спокойной, но это не исходит из самого вашего существа. Вы даже и не думаете об этом.

Но, безусловно, он подхватывает предложение, которое услышал не от обычных учителей: *Оно означает «отрезать непослушный ум».* Вы можете заметить противоречие. О человеке, живущем в раскаянии, не может быть сказано, что он «отрезал свой ум».

Раскаяние — это всегда по поводу прошлого. Это чувство вины: «Я поступил неправильно».

«Отрезать ум» означает, что прошлого больше нет: «Это была темная ночь, и я был без сознания. Все, что происходило, было только моим сном; теперь у меня нет никакой связи с этим старым прошлым». Не иметь никакой связи с умом — значит не иметь никакой связи с прошлым.

Ваш ум — это ваше прошлое.

Все прошлое постоянно собирается в уме. Отрезая от себя ум, вы отрезаете свое прошлое и начинаете заново, как новую тетрадь.

Это и есть то, что сказали великие мастера: умирай каждый миг для прошлого, и возрождайся для нового, для свежего, для того, что приходит; умирай каждый миг, потому что прошлое создается каждый миг.

Ваше настоящее все время становится прошлым — зачем же продолжать собирать ненужный груз? Лучше каждый миг продолжайте отрезать себя от прошлого. Не носите на себе

никаких вмятин из прошлого, оставайтесь доступны и открыты будущему. Скоро будущее тоже станет прошлым.

В тот самый миг, когда что-нибудь становится прошлым, отрезайте себя от него. Тогда вы сможете умереть совсем как невинное дитя; тогда ваша смерть будет точно как рождение: нет прошлого, невинный ум.

А это и есть правильная смерть, потому что это не окончание жизни, но начало более великой жизни — она не будет упакована в тело, а будет распространена по всему сущему: вы будете танцевать в деревьях, вы будете улыбаться в цветах и сиять в звездах. Ваша свобода будет тотальной, и у вас не будет никаких границ.

Раз уж вы отрезали его, то никогда не возобновляйте; раз вы раскаялись, то не совершайте порочных деяний снова — в этом смысл раскаяния, согласно нашему Будде.

Он не знает Будду.

Будда не учит раскаянию; он просто учит осознанию.

Раскаяние — это опасная техника. Точно как католическая исповедь. Каждая религия ухитрялась создать некую дешевую замену, так чтобы каждый мог ею пользоваться и чувствовать себя хорошо. Вы идете в церковь, вы исповедуетесь священнику и думаете, что вы освобождены. Теперь священник расскажет Богу, и вы прощены. Но в действительности, когда вы выходите из исповедальни, происходит так, что вы снова готовы совершать те же самые поступки. Нет проблемы. На следующей неделе вы сможете снова исповедаться. Индуисты ходят к Гангу для омовения. Каждые двенадцать лет огромное собрание — быть может, величайшее в мире — происходит в Праяге. Индуисты со всей страны, и даже из-за рубежа, запросто приходят туда, чтобы окунуться в Ганг: считается, что в тот миг, когда вы погружаетесь в Ганг, все ваши грехи, даже все ваши дурные деяния — смываются.

Я ходил к Праягу множество раз, но никогда не погружался в Ганг. Я люблю плавать, и я плавал во многих реках, но никогда в Ганге. Я обычно просто стоял там с семьей. Домашние говорили: «Странно: ты так любишь плавать, ты всегда ходишь на реку, когда бываешь в других городах, а здесь, где вся страна приходит окунуться...»

Я отвечал: «В этом-то и причина. Столько грехов плавает здесь, где столетиями люди окунаются. Это очень опасно. Я стараюсь держаться подальше от этого места, потому что если их грехи действительно отмыты здесь... насколько нам известно, не меньше десяти тысяч лет миллионы и миллионы людей смывают здесь свои грехи. Это самое грязное место во всем мире. Я не могу войти туда».

Один человек был сильно шокирован — ведь он всегда хвастался, что живет возле Ганга и окунается в него каждый день. Я сказал ему: «Вы идиот. Каждый день! Вы, наверное, собрали столько грехов, что теперь и сам Бог не сможет помочь вам».

Он сказал: «Но никто же не думал об этом».

Я сказал: «А кто вообще думает? Люди просто продолжают делать то, что делают другие. А вы — доктор, образованный человек, хорошо известный в своем кругу, — по крайней мере, вы не должны быть так суеверны и глупы. Если грехи можно отмывать в Ганге, то это просто означает, что вы снова готовы совершать грехи. В чем тогда проблема? Продолжайте, совершайте столько грехов, сколько вам захочется. Ганг вон там — идите и окунайтесь».

До чего же ловко эти религиозные священники эксплуатируют людей, давая им надежду, обучая их простым трюкам, чтобы обманывать даже Бога.

Когда вам нечего делать, вы должны сидеть спокойно и удерживать ум от расползания, а тело от колебаний. Если ваша практика по совершенствованию продлится достаточно долго, естественно, тело и ум успокоятся, и вы обретете некоторую направленность в пути. Благодаря совершенствованию безмятежности и неподвижности и в самом деле унимается

смятенное, распыленное фальшивое сознание у существ, одаренных чувствительностью; но если вы цепляетесь за безмятежную неподвижность и считаете ее окончательным результатом, то вы — в тисках извращенного «безмолвного озарения» чань.

Эта небольшая школа безмолвного озарения — одна из высоко развитых методологий по осознанию, но Да Хуэй не принадлежит к этой небольшой линии озаренных людей.

Ум всегда замышляет что-то делать.

Когда вы делаете что-то, ум питается этим. Когда вы не делаете ничего, ум начинает умирать.

Ум почти как велосипед. Если вы нажимаете на педали, велосипед продолжает движение. Если вы прекращаете жать на педали, он может проехать несколько футов по инерции, но, в конце концов, он должен рухнуть. Уму требуется непрерывная деятельность. Делать что-то — это и есть педалирование, которое поддерживает деятельность ума.

У школы «безмолвного озарения» чань, против которой постоянно высказывается Да Хуэй, качество гораздо выше, чем Да Хуэй может понять. Эти люди просто сидят молча. Они не делают ничего — ни хорошего, ни плохого. Они просто не делают ничего. Если кто-то предлагает пищу, они могут взять ее; если никто не предлагает пищи, они остаются голодными, но они не делают ничего с этим.

А сущее так сострадательно, что, если некий человек просто сидит молча, он создает поле безмолвия вокруг себя. Кто-то обязательно притягивается к нему. Никакой адепт «безмолвного озарения» чань не умирал от голода или холода. Кто-то приходил укрыть его, кто-то приносил пищу, кто-то приносил воду. Ни один человек из этой родословной не умер; и они достигли высочайших вершин озарения.

Кажется, Да Хуэй испытывает некоторую зависть из-за того, что эти люди не делают ничего, и все же им поклоняются. Эти люди не делают ничего; все же их считают живыми буддами. Его собственные склонности — это моральные деяния, добрые деяния, служба людям. Он интеллектуал. Но, кажется, прежде чем умереть, он устал от своего интеллектуального подхода, потому что так и не обрел ничего.

В последний момент своей жизни он, очевидно, понял, что растратил жизнь попусту, скитаясь в пустыне, где ничего не растет. Это понимание в один миг изменило весь его характер, все его существо. Всю свою жизнь он был только учителем, но умер он как мастер. Если бы он прожил немного дольше, то, возможно, он попросил бы прощения у людей, которые принадлежали к «безмолвному озарению» чань. Мы не знаем. Быть может, в глубине своего существа он и просил прощения.

Но он выглядит завистником; вот он учит, он делает добро, он служит людям; он идет от города к городу, приводит людей к стопам Гаутамы Будды, — а эти просто сидят молча. У них нет никаких записей, потому что они не говорят ничего. Все их существо — вот их высказывание. Они сами и есть будды. Зачем им распевать имя Будды, зачем им поклоняться Будде, зачем им ходить к храму Будды?

Моя симпатия — не с Да Хуэем. Моя симпатия — с теми людьми «безмолвного озарения» чань. Они — самая соль земли.

— Хорошо, Маниша?

— Да, Мастер.

4

За чужой лук не берись

Активно старайтесь очистить свой ум, тогда вы не собьетесь с пути; если вы не собьетесь с пути, правильное осмысление возникает само собой. Когда правильное осмысление возникает само, внутренняя истина адаптируется к явлениям; когда внутренняя истина адаптируется к событиям и вещам, события и вещи сливаются со своей внутренней истиной. Когда явления сливаются со своей внутренней истиной, вы накапливаете силу; когда вы чувствуете накопление, это дает вам власть для изучения пути. Достигая власти, вы накапливаете неограниченную силу; накапливая силу, вы приобретаете неограниченную власть.

Эти вещи могут быть усвоены блистательными, сообразительными людьми, но, если вы полагаетесь на свою блистательность и остроту ума, вам не удастся продержаться долго. Легко проникательным и смышленным людям войти, но трудно удержаться. Это из-за того, что обычно их вхождение не очень глубоко и власть ограничена. Стоит разумным и сообразительным услышать, как духовный друг касается этого вопроса, как их глаза немедленно оживляются, и они уже пробуют достичь понимания с помощью своего различающего интеллекта. Подобные люди сами создают себе помехи и никогда не достигнут момента пробуждения. «Когда дьяволы извне накликают беду, этому еще можно пособить»; но эта опора на интеллектуальное различие держится лишь до поры до времени: «Когда собственная семья создает бедствие, то его уже не отвратить». Вот это и подразумевал Юн Цзя, когда сказал: «Потеря богатства дхармы и утрата добродетели — все это берет свое начало от различающего интеллекта ума».

Концептуальное различение ума

Заграждение пути умом и его концептуальным различением — хуже, чем ядовитые змеи и свирепые тигры. Почему? Потому что ядовитых змей и свирепых тигров можно избежать, в то время как разумные люди делают концептуальное различение ума своим домом, так что не бывает ни единого мгновения — ходят они, стоят, сидят или лежат, — чтобы они не имели дел с ним. С течением времени, не видя того и не отдавая себе в том отчета, они становятся одним целым с ним — и не потому, что они хотят этого, а потому, что с безначального времени они придерживались этой единственной маленькой дороги, пока она не стала укатанной и привычной. Хотя они и видят ее временами и желают сойти с нее, однако не могут. Потому-то и говорится, что ядовитых змей и свирепых тигров еще можно избежать, но от концептуального различения ума вам, поистине, сбежать некуда.

Огромная проблема с такими людьми, как Да Хуэй, — это их собственный интеллект. Даже если они и высказываются против интеллекта, это не что иное, как их собственный интеллект. Интеллект способен вызывать иллюзию того, что вы выходите за пределы интеллекта, но эта иллюзия может быть легко обнаружена.

То, что Да Хуэй говорит в этих сутрах, он, очевидно, услышал из очень верного источника. Но сам он только интеллектуал; поэтому все то, что проходит через его интеллект, изменяет свою форму. Эта перемена так неуловима, что, если человек не стал просветленным сам, он никогда не заметит, где интеллект обманул его.

Прислушайтесь к тому, что он говорит: *Активно старайтесь очистить свой ум*. Кто вы? Знаете ли вы самого себя как нечто отличное от ума? Если вы знаете самого себя как нечто отличное от ума, то ум уже очищен. Вопрос активного старания очистить свой ум и не возникает. Ум есть, потому что вас нет; вы крепко спите, вы не бдительны. Темнота есть, потому что вы не принесли ни единой свечи, — а всего лишь небольшой свечи достаточно, чтобы рассеять огромную темноту. Вот как ум превратно истолковывает — и, тем не менее, чувствует, что вы идете по верному пути.

Просветленный человек может сказать вам: «Рассейте всю темноту». Но единственный путь рассеять темноту — это принести свет. Интеллектуал поймет, что разгонять темноту означает бороться с темнотой, выбрасывая ее из дома. Но разве удастся вам опорожнить свою комнату от темноты, просто вынося ведра, наполненные темнотой? Единственным, чего вы достигнете, будет чудовищное расстройство, усталость, отвращение ко всей этой затее. Но если бы у вас было понимание того, что это не от ума, но из-за его пределов... *Такое* понимание приходит только благодаря медитации, а этот человек не говорит о медитации вообще.

Только благодаря медитации тот ваш внутренний свет, который бездействовал, становится вдруг активным и живым. Это вечный источник света. Раз есть свет, темнота автоматически рассеивается. Даже сказать «рассеялась» — неправильно, потому что темноты не существует: это только отсутствие света. Темнота не имеет своего собственного существования; поэтому вы ничего не можете делать непосредственно с ней. Всякий раз как вы хотите заняться темнотой, вам придется делать что-то со светом. Если вам нужна темнота, выключите свет. Если вам не нужна темнота, включите свет. Но вы можете действовать только со светом, потому что свет имеет позитивное существование. Темнота — это просто отсутствие света; и таково же состояние нашего ума.

Ум — это ваше отсутствие. В тот момент, когда вы присутствуете, ума нет.

Поэтому абсолютный акцент всех будд всех веков был вот таким: «Придите к сознанию, станьте присутствием, и уже не будет места для ума и всех его составляющих: алчности, гнева,

заблуждения, грез, галлюцинаций, амбиций — всей этой груды».

Если вы начинаете слушать таких людей, как Да Хуэй, и работаете в соответствии с их идеей, вы попадаете во все большую и большую неразбериху. Он говорит: *Активно старайтесь очистить свой ум*. Он дает вам неверное направление без малейшего намерения повести вас по неверному пути. Но намерения не существенны. Существенно, в истинном ли направлении дано указание.

Ничего не может быть сделано непосредственно с помощью ума.

Он говорит: «Активно старайтесь очистить свой ум, тогда вы не собьетесь с пути»; но первое условие не может быть исполнено. Вы будете двигаться неправильно все время. Но он допускает, что первое условие можно осуществить.

Ни один просветленный никогда не говорил, что вы можете делать что-нибудь непосредственно с помощью ума, но, допустив такую идею, он продолжает и продолжает... *тогда вы не собьетесь с пути; если вы не собьетесь с пути, правильное осмысление возникает само*. Опять-таки, это осмысление.

Медитация — это не осмысление.

Медитация — это состояние не-ума.

Осмысление — это все еще разумность. Вы можете быть очень разумны — это не означает, что вы знаете медитацию. Великий современный британский философ Джоад был глубоко взволнован идеями Георгия Гурджиева и его ученика, доктора философии Успенского. Он был болен, когда читал книгу Успенского об учении Гурджиева. Он был одним из великих философов века.

Джоад говорил одному из своих друзей: «Я слышал, Успенский в Лондоне, но я не в достаточно хорошем состоянии, чтобы пойти и поговорить с ним. Доктора велят мне отдыхать в постели. Но я не могу ждать, потому что может быть, что я просто отсчитываю свои последние дни, любой день может стать последним. Сходите к Успенскому и объясните ему мое положение... и если он сможет прийти, это будет очень любезно с его стороны. Я хочу поговорить с ним, потому что мне не понятно, что такое не-ум. За пределами ума я не могу помыслить ничего».

Джоад всю свою жизнь работал умом, и он знал, что такое ум, но он никогда не выходил за его границы. «На самом деле, — говорил он другу, — люди, которые идут за пределы ума, отправляются в приют для умалишенных. Мы говорим, что сумасшедшие люди не в своем уме! А этот странный человек, Гурджиев, продолжает говорить о не-уме. Пойдите и уговорите Успенского! Быть может, зная мое имя, он и придет».

Успенский пришел, и Джоад сказал ему: «Я не могу понять вообще, что такое этот не-ум. Я могу понять ум, я могу даже понять осмысление, но не-ум просто за пределами моего восприятия».

Успенский сказал: «Это самое простое дело. Я сижу здесь. Вы просто закройте глаза и помните одну вещь: все то, что проходит перед вашим внутренним взором, есть ум, а то присутствие, перед которым проходит ум, есть не-ум».

Джоад еще никогда не делал ничего подобного. Он закрыл глаза... полчаса прошло, час прошел, а его лицо выглядело так спокойно, так безмятежно. У Успенского было еще одно свидание, поэтому он разбудил его и сказал: «Прошу прощения, что беспокою вас, — вы ушли действительно глубоко».

И Джоад сказал: «Я безмерно благодарен. Не могу выразить свою признательность... я никогда не думал о возможности наблюдать ум; это, несомненно, означает, что я не есть ум. Наблюдатель, безусловно, отличается от наблюдаемого. И вместо того, чтобы объяснять мне интеллектуально, вы дали мне само переживание. Оно было так прекрасно и так безмолвно. Эти

последние дни в постели мне нечего больше делать. Я собираюсь продолжать наблюдать свой ум.

Возможно, Гурджиев прав, и возможно, восточные мистики правы. А для меня это самое подходящее время. Если я могу отправиться из ума внутрь самого себя, в мое свидетельство, в мое наблюдение, — которое они называют не-ум, — быть может, я уйду из жизни не чувствуя того, что жил бессмысленно».

Всего через десять дней он умер. Но перед смертью он продиктовал секретарю небольшое заявление для передачи Георгию Гурджиеву и Успенскому.

Он сказал: «Я умираю с великой признательностью — вы показали мне путь. Теперь смерть не имеет значения, теперь ничто не имеет значения. Я вкусил нечто от запредельного, от вечного. Ум был барьером. Я полагал, что ум — это все, что мы имеем, и я никогда не думал, что ум — просто инструмент, подобный любому другому инструменту».

У вас есть характеры, у вас есть руки, у вас есть ноги; если ваша рука отрезана, это не означает, что вы уничтожены. Вы больше, чем полная сумма ваших частей, — таков смысл не-ума. Вы не арифметическая сущность, вы духовное существо.

Мне хочется повторить, так, чтобы вы запомнили это: вы больше, чем полная сумма ваших частей, а то, что больше полной суммы своих частей, и есть ваше настоящее существо. Машина — не более чем полная сумма; машина в точности равняется полной сумме ее частей.

Только жизнь больше, чем ее полная сумма. И когда жизнь становится сознательной, это еще больше.

А когда жизнь становится абсолютным озарением, это ошеломляюще больше. Полная сумма ваших частей остается далеко позади, это совсем маленькая, крошечная вещь.

Вы становитесь так же бескрайни, как само небо.

Но Да Хуэй все еще не понимает. Он по-прежнему говорит как мыслитель. *Когда правильное осмысление возникает само, внутренняя истина адаптируется к явлениям; когда внутренняя истина адаптируется к событиям и вещам, события и вещи сливаются со своей внутренней истиной. Когда явления сливаются со своей внутренней истиной, вы накапливаете силу.*

Это тоже должно быть понятно. Сила в устах Да Хуэя — это не та же самая сила, о которой может вести речь Гаутама Будда.

Сила — согласно уму — это всегда власть над другими. Ум непрерывно старается доминировать, поработать, господствовать над другими, потому что ум не имеет своей собственной силы. Вся его сила заимствована. Что имеет премьер-министр любой страны в качестве своей власти? Просто голоса, которые он выпросил. Он на самом деле величайший нищий в стране. Вся его власть принадлежит людям; у него нет никакой собственной власти.

Поэтому когда ум говорит о силе, он говорит о политике, он говорит о господстве, он говорит о погоне за наживой; он говорит об увеличении вашей империи богатства, власти, престижа любым путем, о том, как вы можете стать доминирующей фигурой.

Но сила, о которой говорит пробужденный, — это не власть над другими. Он говорит об этом как о внутреннем взрыве, подобном атомному взрыву. Это не та сила, которая приходит извне; это та сила, которая скрыта глубоко внутри атомной клетки. Из-за того, что атом взорвался, сила распространяется повсюду.

Очень странная информация попала ко мне на днях... Японский ученый все время вел наблюдение, изучая эффекты атомной энергии, и ее радиации внутри и вокруг Хиросимы и Нагасаки. Сорок лет прошло с тех пор, как там произошел атомный взрыв, когда была сброшена атомная бомба на Нагасаки и Хиросиму. Этот ученый действительно рисковал своей жизнью; никто не приходил в Хиросиму, потому что все там наполнено радиацией, но он отправился

туда и прожил несколько недель, просто чтобы увидеть, какой эффект может иметь радиация.

А когда он возвратился, то преподнес огромный сюрприз своим коллегам ученым. Он выглядел на десять лет моложе и здоровее, чем когда-либо.

Все они были поражены, потому что никто не думал... всегда полагали, что радиация убивает, но он обнаружил, что радиация убивает только в определенном большом количестве. Это вопрос степеней. В малых количествах она может помочь уничтожить болезнь, дать человеку более долгую жизнь, сохранять его молодым до самой смерти. Теперь он изготовил небольшую керамическую бумагу с очень малой радиационной дозой в ней. Он считает, что держать это в своей комнате достаточно для того, чтобы оставаться здоровее и моложе!

Я всегда говорил, что энергия нейтральна: то, что может разрушать, может также и созидать; мы просто должны выяснить, как она разрушает и как она созидает. Этот японский ученый сослужил громадную службу грядущему человечеству: если нации согласятся и если их глупые политики не помешают этому, то всю атомную энергию и ядерное оружие, которое они собрали, можно поставить на службу жизни — принести больше здоровья миру, рассеять болезни, рассеять голод, рассеять старость, дать человеку жить дольше и оставаться моложе.

Сила атомной бомбы — это не сила, приходящая извне; это сила атома, который был бездействующим, спящим, и был пробужден. Если это возможно через атом, который является частью электричества, всего лишь небольшой частицей, — то, что же возможно, если мы сможем взорвать живую сущность человека? Небольшая частица его сознания, если она взрывается, принесет очень много света и очень много энергии.

Возможно, мистики, которые всегда говорили о силе, говорили о силе, которую они чувствовали внутри себя. Она не имеет ничего общего, с чьим бы то ни было доминированием. Их сила использовалась как сострадание, их сила использовалась для осыпания цветами других людей. Их сила не использовалась, ни для какой разрушительной цели на службе смерти.

Но само слово «сила» опасное, потому что обычно его ассоциируют с политикой. Когда Да Хуэй пользуется словом сила, он не понимает того, что мистики использовали его в другом смысле, совершенно противоположном. Он говорит: *Когда явления сливаются со своей внутренней истиной, вы накапливаете силу; когда вы чувствуете накопление, это дает вам власть для изучения пути. Достигая власти, вы накапливаете неограниченную силу; накапливая силу, вы приобретаете неограниченную власть.* То, как он говорит, ясно показывает: неограниченная власть — над кем? Зачем этот акцент на власти?

Сила, исходящая из медитации, не приходит как власть. Она приходит, как будто цветы осыпают вас; она приходит как благоухание, она приходит как любовь, она приходит как сострадание. Она приводит все великие качества и все великие жизненные ценности, внезапно, к их цветению. Это весна вашего сознания. Все вдруг становится зеленым, все становится прохладным; ветерок наполняется ароматом, потому что вы взрываетесь цветами, которые невидимы для глаза. Но те, у кого есть сердце и смелость открыться этому, будут, несомненно, чувствовать эту весну. Они почувствуют ее песню, они почувствуют ее танец.

Но слово «власть» не должно использоваться. Оно ассоциируется с дурными людьми — они запятнали его.

Эти вещи могут быть усвоены блистательными, сообразительными людьми... — и сам он не кто иной, как блистательный, сообразительный человек, — но если вы полагаетесь на свою блистательность и остроту ума, вам не удастся продержаться долго. Легко проникательным и смысленным людям войти, но трудно удержаться. Это из-за того, что обычно их вхождение не очень глубоко и власть ограничена. Стоит разумным и сообразительными услышать, как духовный друг касается этого вопроса, как их глаза немедленно оживляются, и они уже пробуют достичь понимания с помощью своего различающего интеллекта.

Да Хуэй понимает неправильно. Ум обладает только одной силой, и это различающий интеллект; у него нет другой силы. Благодаря своему различающему интеллекту ум очень полезен в науке — и абсолютная помеха в духовном росте. Здесь не нужен никакой интеллект. Все, что вам необходимо, — это глубокое доверие к существу и глубокое благоговение перед жизнью.

Интеллект никогда не доверяет, он всегда сомневается. Духовному росту сомнение препятствует больше, чем, что бы то ни было иное, но как же вам обрести доверие? Сомнение естественно для ума; доверие не принадлежит к уму. Как же вам прийти к доверию?

Вот почему все духовные учения подчеркивают глубокую интимную связь с тем, кто идет впереди вас. Вам необходимо связаться с тем, кто уже пробудился. Само его пробуждение станет основанием, аргументом для вас, рассеет всякое сомнение и рассеет весь ум. Вам надо войти в контакт с человеком, который живет как не-ум, который живет как безмолвие. Его безмолвие сияет. Оно заразительно.

Если вы приближаетесь к такому человеку, то неизбежно попадаете в сеть его лучающейся любви, его сияющего осознания. Только такое переживание создаст доверие в вас, даст вам почувствовать, что если это прекрасное цветение может произойти с одним человеком... и я тоже человек. Оно будет напоминать вам ваш собственный потенциал: нет нужды сомневаться; если этот человек может расцвести таким прекрасным цветком... я тоже человек.

Присутствие просветленного человека придаст вам огромное достоинство, огромную гордость, которая — не от эго... гордость оттого, что вы человеческое существо, наполненное потенциалом бытия будды.

И если доверие возникло в вас, вы на пути.

Доверие — это другое название пути.

Сомнение — это название заблуждения.

Интеллект — это не что иное, как другое название сомнения. Сомнение — прекрасный инструмент для науки, но оно никак не поможет выйти за пределы ума. Чтобы выйти за пределы ума, вам необходимо доверие, и доверие обладает своей собственной красотой. Сомнение не обладает красотой, оно уродливо. Оно не дает вам целостности, оно всегда удерживает вас в подозрении.

Как только доверие возникло в вас — вы уже вне опасностей ума.

Но Да Хуэй не понял, хоть он и бывал то у одного мастера, то у другого; он побывал у многих мастеров. Возможно, это и вызвало у него всю эту путаницу. Из тех многих мастеров некоторые могли быть просто учителями, другие, возможно, даже и учителями не были, а просто любили давать советы, независимо от того, знают ли они что-нибудь или не знают. Люди получают удовольствие, давая советы, потому что, советуя, они становятся выше вас; вы невежественны, а они — знающие.

Я принимал участие в работе психологического отделения университета. В отделении было четыре других психолога, и все они практиковали психоанализ, кроме меня. Я никогда не верил, ни в какого рода анализ, ни в какого рода психологию, потому что я вообще ничего не хочу делать с помощью ума. Но вы поразитесь: они давали указания больным людям — а сами страдали от точно тех же проблем.

Я единственный был у них под руками, поэтому все они спрашивали меня: «Как быть вот с этой проблемой, она никогда не оставляет нас?»

Я сказал: «Вы же великие психоаналитики; вы даете указания людям, вы помогаете людям».

Они сказали: «Не делайте посмешища из нас! Мы знаем технику, мы изучили психоанализ, и мы советуем».

Но я сказал: «Если вы не можете следовать своему собственному совету, какое вы имеете

право давать его кому-то другому?»

Я пересказал им древнюю суфийскую историю. Женщина очень переживала за своего маленького ребенка — у нее был только один ребенок, а муж умер. Она была богата, но утратила всякий интерес к жизни. Она жила лишь ради этого ребенка, и, безусловно, при таких обстоятельствах дети портятся; ребенок не ел ничего, кроме сладостей. Врачи говорили: «Это плохо, все его здоровье будет испорчено». Но ребенок не слушался.

Женщина бывала у суфийского мистика, поэтому однажды она подумала: «Он не слушается меня, но, возможно, он послушает мистика, потому что это человек такой излучающий, что каждый, кто приближается к нему, оказывается под впечатлением».

Она взяла ребенка и сказала мистика: «Он не слушается никого. Врачи говорят ему, что его здоровье испортится, и я повторяю это ему каждый день. Вся его пища состоит только из сладостей; иначе он предпочитает оставаться голодным. Это мой единственный ребенок, мой муж умер, и я живу только ради малыша. Я не могу видеть его голодным, поэтому мне приходится давать ему сладости, хорошо зная, что даю ему отраву: белый сахар — это белый яд. Вот я и привела его. Скажите ему что-нибудь! Вы человек божий, может быть, ваши слова окажут другое воздействие».

Мистик взглянул на ребенка. Он сказал: «Сын мой, я не в состоянии ответить тебе прямо сейчас, потому что сам люблю есть сладости. Возвращайся через две недели. Две недели я не буду есть сладостей, если справлюсь с этим. Только после этого я смогу советовать; а пока я неподходящее лицо для советов».

Женщина поверить не могла этому. Это могло оказаться даже опасным... Но на ребенка это произвело огромное впечатление. Он коснулся стоп мистика. Он сказал: «Меня водили ко многим людям; моя мать продолжает брать меня то к этому, то к другому мудрецу, и все они тут же принимают советовать. Вы первый искренний человек. Я приду через две недели, и все, что вы скажете, я сделаю. Я доверяю вам».

Человек, который признается перед ребенком... «Вот сейчас у меня не подходящее состояние, чтобы даже советовать тебе, потому что мне самому нравятся сладости; поэтому за две недели я испытаю свой совет на себе самом, а тогда приходи. Если я не справлюсь, то скажу: прошу прощения, я не могу советовать тебе. Если же сумею удержаться, тогда я скажу: «Не беспокойся, если удалось мне, старику, — ты так молод, так силен и так разумен — тебе тоже удастся. Только попробуй!»

Мать была в шоке. Если мистик скажет через две недели, что ему не удалось, то все дело кончено; тогда больше не к кому ей вести ребенка.

Через две недели они пришли снова. Мистик сказал: «Сын мой, это трудно, но не невозможно. Мне удалось не есть сладостей две недели, и я обещаю, что всю свою жизнь я не прикоснусь к сладостям снова. Как ты думаешь, могу я советовать тебе? Только если ты позволишь мне посоветовать, я сделаю это».

Ребенок сказал: «Не нужно ничего говорить. Я получил послание. И я благодарю вас. Такой человек, как вы, который готов отказаться от сладостей на всю жизнь только ради того, чтобы посоветовать мне свое средство, заслуживает доверия. Я доверяю вам. Я тоже обещаю вам, что не буду есть сладостей с этой минуты, никогда больше».

Я обычно говорил таким психологам: «Когда вы советуete другим людям, то задумываетесь ли хоть когда-нибудь, что совет исходит от человека, который сам страдает от той же проблемы?»

Так и наш Да Хуэй, очевидно, ходил к ученым людям, к знающим, к учителям всех сортов. Время от времени, возможно, он случайно встречал и пробужденного человека, мастера, мистика, и он брал из всех этих источников; поэтому время от времени у него встречается

утверждение, которое кажется абсолютно верным. Но большая часть из собранного им — всевозможные клочки из источников, таких же невежественных, как и он сам; но они любили советовать, точно так же, как любил советовать и он.

Мне хочется, чтобы мои люди помнили это: никогда не советуйте, если это не ваш опыт. Во всем мире совет — это единственная вещь, которую каждый дает, и никто не берет; так зачем беспокоиться? Каждый получает удовольствие, давая совет, но никто никогда не принимал его; поэтому каждый знает: совет предназначен для других — не для себя.

Мне хочется, чтобы мои люди запомнили: никогда не советуйте, если это не было вашим собственным достоверным переживанием. Тогда действительно вы можете просто сказать: «Это был мой опыт. Не обязательно это окажется верным и для тебя — можешь экспериментировать. Если ты чувствуешь, что это приносит больше гармонии в твою жизнь, больше радости, — можешь двигаться дальше. Если же чувствуешь, что это не приносит ничего... ведь индивидуальности так различны; то, что годится для меня, может не подойти тебе; то, что лечит меня, может быть просто ядом для тебя».

Человек абсолютно бдительный, всегда заботится о том, какой совет давать, а какой не давать. Даже если он и дает совет, это всегда обусловлено — обусловлено экспериментом. Он предложит это только как гипотезу: «Попробуй немножко — возможно, это сработает. Если сработает — хорошо. Если не сработает, не продолжай. Мне помогло, это верно, но это не значит, что оно поможет всем на свете».

Люди различны; каждая индивидуальность уникальна, и каждой индивидуальности необходим уникальный путь, который соответствует ей.

Подобные люди сами создают себе помехи и никогда не достигнут момента пробуждения. «Когда дьяволы извне накликут беду, этому еще можно пособить»; но эта опора на интеллектуальное различие держится лишь до поры до времени: «Когда собственная семья создает бедствие, то его уже не отворотить».

Он дает хороший совет, но он не обладает опытом. Я так уверен, что он не имеет опыта, потому что столько предложений, столько сутр четко указывают на невежество.

Вот это и подразумевал Юн Цзя, когда сказал: «Потеря богатства дхармы и утрата добродетели — все это берет свое начало от различающего интеллекта ума».

То, что он говорит, правильно, но сам он не тот человек, который может сказать это. Все его понимание основано на интеллекте.

Утверждение Юн Цзя абсолютно справедливо: *«Потеря богатства дхармы и утрата добродетели — все это берет свое начало от различающего интеллекта ума».* Юн Цзя был просветленным мастером. Он говорит, что благодаря уму мир становится нерелигиозным; благодаря уму все великое исчезло. Это совершенная истина для Юн Цзя; это был его собственный опыт. Но Да Хуэй только повторяет это. Слова прекрасны, предложение прекрасное — он собирает прекрасные цветы отовсюду.

Заграждение пути умом и его концептуальным различием — хуже, чем ядовитые змеи и свирепые тигры. Просто не верится, что человек говорит то, чего он не переживал! И он не вышел за их пределы.

Почему? Потому что ядовитых змей и свирепых тигров можно избежать, в то время как разумные люди делают концептуальное различие ума своим домом, так что не бывает ни единого мгновения — ходят они, стоят, сидят или лежат, — чтобы они не имели дел с ним. С течением времени, не видя того и не отдавая себе в том отчета, они становятся одним целым с ним — и не потому, что они хотят этого, а потому, что с безначального времени они придерживались этой единственной маленькой дороги, пока она не стала укатанной и привычной. Хоть они и видят ее временами и желают сойти с нее, однако не могут. Потому-

то и говорится, что ядовитых змей и свирепых тигров еще можно избежать, но от концептуального различения ума вам, поистине, сбежать некуда.

Все, что он говорит, — правильно, но он — не правилен. Это нужно понимать ясно: неправильный человек может говорить правильные вещи, хотя правильный человек не может никогда сказать неправильную вещь. Для правильного человека сказать неправильную вещь невозможно, но для неправильного человека говорить правильные вещи очень возможно, потому что это скрывает его неправильность. Это становится покрывалом для его невежества.

В мире миллионы учителей, священников, монахов, принадлежащих к разным религиям и разным путям; все они повторяют прекрасные слова, но поскольку эти слова исходят от них, они утрачивают всю красоту.

Те же самые слова говорились Заратустрой, Лао-Цзы, Иисусом Христом, Гаутамой Буддой; одни и те же слова, но человек, который говорит, — не тот же самый. А те слова имеют значение, только если они поддержаны экзистенциально, живой индивидуальностью, стоящей за ними. Те слова живут, только если они исходят от живого источника. Поэтому — вот мое настояние: никогда не беспокойтесь об умерших святых, никогда не беспокойтесь о священных писаниях.

Старайтесь найти живого мастера.

Живой мастер вмещает в себе все писания и всех умерших святых. Все, что приходит к вам через живого мастера, идет прямо в ваше сердце.

Живой мастер никогда не делает промаха.

Замечательная история для окончания. В городе проходил карнавал, и Мулла Насреддин попросил всех своих учеников пойти с ним. Ему хотелось взять их на карнавал, чтобы научить нескольким вещам; таков был его обычный метод — брать своих учеников в реальные ситуации. Стоило им прийти, и вся толпа тут же заинтересовалась ими, потому что все знали: там, где появляется Насреддин, обязательно происходит что-нибудь интересное.

Он был там со своими пятьюдесятью учениками, они следовали за ним. Он зашел прямо в палатку, где люди ставили деньги; если они попадали стрелой в яблочко мишени, владелец палатки давал им втрое больше денег, а если промахивались, то теряли свои деньги. Многие люди пробовали, но это не так легко, если вы не лучник.

Мулла Насреддин пошел туда, поставил десять рупий на кон и взял лук и стрелу. Воцарилась глубокая тишина. Его пятьдесят учеников встали позади него, а огромная толпа смотрит и рассуждает: «Никогда мы не думали, что Мулла Насреддин тоже лучник. Ну-ка, посмотрим, что случится!» Он выстрелил, и стрела упала далеко за мишенью.

Все засмеялись! Он сказал: «Погодите!» Затем обернулся к своим ученикам и произнес: «Видите, вот это стрела человека слишком амбициозного. Он всегда промахивается, метит слишком далеко». Даже владелец палатки заинтересовался...

Насреддин взял еще одну стрелу, выстрелил, и стрела упала прямо перед ним. Опять люди засмеялись. Он сказал: «Да перестаньте же, идиоты! Я привел сюда моих учеников, чтобы научить их кое-чему». Он обернулся к ученикам и объяснил: «Смотрите, вот стрела человека нерешительного, ни то ни се: хочется или не хочется? умирать или не умирать? Из-за этого "или-или" ему постоянно не везет; он никогда не попадает в яблочко». Люди притихли: «Он прав».

Он вынул третью стрелу. Владелец палатки тоже молчал: «У этого человека есть какие-то идеи, он не ошибается». А Мулла попал в «яблочко», забрал свой задаток — десять рупий — и потребовал еще двадцать. «Что такое!?» — вскричал владелец палатки.

Мулла сказал: «Это стрела Муллы Насреддина: он никогда не промахивается. Давай сюда двадцать рупий!»

Люди смеялись, но владельцу палатки пришлось отдать двадцать рупий. Ученики тоже говорили: «Это уже слишком! Конечно, если бы он промахнулся снова, то опять нашел бы какое-то объяснение; это же просто случайность. Но он великий человек, в этом нет сомнения».

Он был в состоянии найти столько объяснений, сколько потребуется. Если вы продолжаете стрелять, то однажды попадете; а как только попадете — это и есть стрела Муллы Насреддина.

Мулла Насреддин ушел со своими тридцатью рупиями и учениками. Он сказал: «Пойдемте насладимся сладостями, фруктами. Берите эти двадцать рупий. Оставьте мне десять, потому что только те десять принадлежат мне; остальные двадцать родились от хитрости».

Так называемые учителя, вроде Да Хуэя, продолжают говорить, и среди стольких слов время от времени одна стрела попадает в цель. Но я хочу продемонстрировать вам, как человечество было обмануто учителями.

Император Китая оказал почести Да Хуэю как великому чаньскому мастеру, великому дзэнскому мастеру, и с тех пор его признавали как великого мастера дзэн. Если император удостоил его титулом, кто же поспорит с этим?

Вот и теперь, почти тысяча лет миновала, и никто не поднимает вопроса, что это не слова человека просветленного. Главное — научить вас некоторому осознанию и ясности, так, чтобы когда вы слушаете кого-то или читаете что-то, вы почувствовали, исходит ли это от просветленного источника или от темного источника — от того, кто знает, как собирать красивых слов, кто знает, как обманывать даже императоров. Но императоры — это не что иное, как человеческие существа — точно как и вы!

За тысячу лет даже люди дзэна не призвали Да Хуэя к ответу. Об этом тоже стоит задуматься. Каждая традиция продолжает защищать своих людей; правы они или ошибаются, дело не в этом. Дело в том, что они принадлежат своей традиции; они должны быть правы. Это запутало всю мировую атмосферу. Это вызвало такой беспорядок во всем человечестве — похоже, люди не заинтересованы в том, чтобы возросло сознание человечества; они больше интересуются своей собственной линией, своим собственным наследием и доказательством того, что это правильно. Естественно, никто больше не вмешивается. Возможно, я единственный человек, кто продолжает поиски. Для меня безразлично, индуист этот человек, мусульманин, христианин, буддист, иудей или джайн.

По-моему, все человечество едино.

А все наследие прошлого есть ум.

Мне хочется сделать четкое различие на будущее, с тем, чтобы всех тех, кто неправ, знали как неправых, а тех, кто прав — к какой бы традиции они ни принадлежали, — объявили бы правыми. По существу, выражаясь другими словами, мне хотелось бы, чтобы было только две традиции в мире: люди, которые правы, и люди, которые ошибаются, — для упрощения вещей. Тогда грядущим поколениям не придется беспокоиться; но пока что получается приводящая в замешательство путаница. Вам нельзя называть что-нибудь неправильное неправильным, потому что оно относится к вашему наследию.

Случилось так, что в моей деревне между нашим домом и храмом был участок земли. По некоей технической причине мой отец мог выиграть этот участок в случае суда — только по технической причине. Земля была не наша, земля принадлежала храму. Но техническая причина заключалась вот в чем: на карте храма не было показано, что участок относится к их территории. То была какая-то ошибка конторских служащих муниципалитета; они включили эту землю в собственность моего отца.

Естественно, в суде не могло быть сомнений: храм не имел прав на эту землю. Каждый знал, что это была их земля, и мой отец знал, что это была их земля. Но земля была драгоценной, она находилась прямо на главной улице, и любая техническая и юридическая экспертиза была

на стороне моего отца. Он передал дело в суд.

Я сказал ему: «Послушай, — а мне было тогда, наверное, не больше одиннадцати лет, — я пойду в суд защищать храм. У меня нет ничего общего с храмом, я никогда даже не заходил внутрь храма; как бы там ни было, тебе прекрасно известно, что земля не твоя».

Он сказал: «Ну что ты за сын такой? Ты будешь свидетельствовать против собственного отца?»

Я сказал: «Это же не вопрос отца и сына; в суде это вопрос о том, что истинно. И там будет не только твой сын; твоего отца я тоже убедил».

Он воскликнул: «Что?!»

У меня была глубокая дружба с моим дедушкой, так что мы посоветовались. Я сказал ему: «Ты должен поддержать меня, потому что мне только одиннадцать лет. Суд может не принять мое свидетельство, я ведь не взрослый, так что ты должен поддержать меня. Тебе известно совершенно точно, что земля не наша».

Он сказал: «Я с тобой».

Тогда я заявил отцу: «Послушай две стороны — твоего отца и твоего сына... Просто заведи назад это дело; иначе ты попадешь в большую неприятность, ты проиграешь. Только технически ты можешь требовать. Но мы не намерены поддерживать техническую ошибку муниципального сотрудника».

Он сказал: «Ты не понимаешь простую вещь, не понимаешь, что такое семья... тебе нужно поддерживать свою семью».

Я ответил: «Нет, я буду поддерживать семью, только если семья права. Я буду поддерживать того, кто прав».

Он переговорил с моим дедом, а тот заявил: «Я уже пообещал твоему сыну, что буду с ним».

Мой отец сказал: «Значит, мне придется забирать дело назад и терять ценный участок земли!»

Дед сказал: «Что с этим поделаешь? Твой сын намерен создать тебе неприятности, и, видя, что его никаким путем не отговорить, я согласился с ним — просто чтобы укрепить его позицию; так что ты можешь забирать дело назад; лучше забрать, чем потерпеть поражение».

Мой отец сказал: «Ну и странная семья! Я работаю для всех вас. Я работаю для тебя, я работаю для моего сына — я не работаю ради себя. Если у нас будет хорошая лавка на той земле, у тебя будет более комфортная старость; он получит лучшее образование в лучшем университете. И вы же идете против меня».

Мой дедушка сказал: «Я не иду против тебя, но он взял с меня обещание, и я не пойду против своего слова — по крайней мере, что касается его, — потому что он опасен, он может доставить мне неприятности. Так что я не могу обмануть его; я буду говорить все то, что говорит он. А он говорит истину — и тебе известно это».

И моему отцу пришлось забирать дело назад — с неохотой... но он вынужден был его забрать. Я попросил дедушку принести сладостей, чтобы мы могли раздать их соседям. Мой отец вернулся к здравому уму, это надо отпраздновать. Дед сказал: «Похоже, это то, что нужно».

Когда отец увидел, что я раздаю сладости, он спросил: «Что ты делаешь? — для чего? Что произошло?»

Я сказал: «Ты возвратился к своему здравому уму. Истина победила». И я дал конфету ему тоже.

Он рассмеялся. И сказал: «Я понимаю твою точку зрения, и мой собственный отец на твоей стороне, и я подумал, что лучше мне тоже быть с вами. Лучше забрать дело назад, и не будет проблемы. Но зато я выучил урок: я не могу полагаться на свою семью. Когда случится какая-то беда, они не станут поддерживать меня только потому, что связаны со мной как с отцом, сыном,

братом. Они намерены поддерживать все то, что истинно».

И с тех пор другой ситуации никогда не возникало, потому что он никогда не делал ничего, с чем мы должны были проявить несогласие. Он оставался правдивым и искренним.

Много раз потом он говорил мне: «Это было так здорово с твоей стороны; я ведь собирался отобрать эту землю и совершил бы преступление сознательно. Ты предотвратил меня, и не только от того преступления, ты предотвратил меня и от дальнейших. Каждый раз, когда бывала сходная ситуация, я неизменно решал в пользу истины, какова бы ни была потеря. Но сейчас я вижу: истина — это единственное сокровище. Ты можешь потерять всю свою жизнь, только не теряй свою истину».

Это и есть то, чему я хочу, чтобы вы научились из поучений Да Хуэя: опыту видения — что правильно и почему это правильно, что неправильно и почему это неправильно, — а также знанию того, что даже правильное становится неправильным, когда исходит от неправильного ума, от неправильной личности.

Истине необходимо родиться из переживания истинности. Это очень нежный цветок, но и самое драгоценное сокровище в жизни, потому что оно приносит освобождение, приносит свободу, приносит вам ваше собственное бессмертие.

Но никогда не будьте заимствующими, никогда не полагайтесь на чужое знание. Малая частица собственного опыта гораздо более важна, чем все Веды, все Кораны, все Библии, все Талмуды. Небольшое переживание своей внутренней сущности более ценно, чем все будды всех времен.

Истина должна быть вашей собственной.

Только тогда она — живая, с бьющимся сердцем.

— Хорошо, Маниша?

— Да, Мастер.

5

НЕ-ДОСТИЖЕНИЕ

Деловые люди часто направляют ум, который предполагает, что нужно чего-то достичь, на поиск дхармы, где достигать нечего. Что я подразумеваю под «умом, который предполагает, что нужно чего-то достичь»? — Это интеллектуально рассудительный ум, тот, который взвешивает и решает. Что я подразумеваю под «дхармой, где достигать нечего»? — Она неосязаема, неисчислима, к ней нет возможности применить разум или рассудок.

Разве не читали вы о старом Шакьямуни на ассамблее лотоса истинной дхармы? Три раза Шарипутта искренне умолял его проповедовать, но тому просто не с чего было начать. А потом, используя всю свою силу, он смог сказать, что эта дхарма не есть то, что можно понять мыслью или различением. Это старый Шакьямуни разрешил этот вопрос окончательно, он открыл врата надлежащим средствам, и это стало начальным пунктом учения об истинной природе реальности.

Когда Сюэ Фэн, истинно пробужденный мастер, услышал из поучения Чжоу, мастера писаний несокрушимой мудрости, о Дэ Шане, он отправился к его жилищу. Однажды он спросил Дэ Шаня: «Согласно обычаям школы, которая пришла из глубочайшей древности, какая доктрина используется для обучения людей?» Дэ Шань сказал: «В нашей школе нет словесного выражения, у нее нет никакой доктрины, чтобы учить людей».

Позднее Сюэ Фэн спросил также: «Принадлежит ли мне какая-либо доля в деле внедрения этой древней школы?» Дэ Шань тут же поднял свой посох и ударил Сюэ Фэна, говоря: «Что ты говоришь?» От этого удара у Сюэ Фэна, наконец, разлетелась вдребезги лакированная колыбель его неведения. Отсюда мы заключаем, что в этой секте разумом и рассудком, мыслью и суждением не пользуются вообще.

Досточтимый древний говорил: «Трансцендентальная мудрость подобна громадной массе огня. Подойдешь, и он обожжет тебе лицо». Если вы колеблетесь в мысли и умозрении, вы тотчас впадаете в концептуальное различение. Юн Цзя сказал: «Потеря богатства дхармы и разрушение добродетели — все это берет начало от концептуального различения ума».

Если у вас есть намерение исследовать этот путь до конца, то вы должны принять твердое решение и дать обет до конца своих дней не сдаваться и не отступать, пока вы не достигнете великого покоя, великого прекращения, великого освобождения. В будда-дхарме заключено не много, но способных людей всегда трудно найти.

Один из величайших даров Гаутамы Будды человечеству — понятие о том, что религия не предназначена для достижения чего-то. То, чего вы хотите достичь, вы уже имеете, поэтому любая попытка достичь — это просто глупость. Вы обрели свое озарение внутри, вы достигли своего просветления, вы готовы взорваться в любой момент, — но проблема в том, что вы никогда не здесь и сейчас. Вы скитаетесь и разыскиваете по всему миру, и этот поиск, эта постоянная потребность достижения несет в себе определенную психологию.

Ум пуст, а пустота причиняет боль, подобно ране. Ум не может оглянуться назад, он может глядеть только вперед. Чтобы заполнить свою пустоту, он продолжает добиваться денег, власти, престижа, респектабельности. Но ничто не удовлетворяет его, потому что его пустота безгранична. Он может иметь любые деньги — все же необходимо больше. Он может захватить любую власть — все же необходимо больше.

Это постоянное стремление ума к все большему и большему означает, что он никогда не успокаивается. Он не может быть спокойным; он должен достичь большего. Никто за всю историю человечества так и не сказал, что его ум удовлетворен; такого заявления не найти в анналах истории.

Ум означает неудовлетворенность, ум означает жалобы, ум означает неосуществленную жадность, ум означает незавершенное желание. Ум, по самой своей природе, есть нищий.

Диоген спросил у Александра: «Тебя удовлетворило завоевание стольких земель?»

Тот сказал: «Нет, пока я не завоюю весь мир, я не буду удовлетворен».

Диоген сказал: «Запомни мои слова. Даже если ты завоюешь весь мир, ум потребует больше, но нет другого мира для завоевания, — а ум требует больше. Ты попадешь в такое досадное положение, какого сейчас и представить себе не можешь».

В день, когда Александр умирал, он вспомнил Диогена. Он уже завоевал весь известный мир, и он умирал в полном разочаровании, потому что ум его не был доволен.

Ум, по самой своей природе, не может быть довольным.

Фактически, это название вашего недовольства.

Перед смертью Александр велел своим генералам и министрам: «Когда вы понесете мой гроб к могиле, пусть мои руки высовываются из гроба».

Они спросили: «Что это за странная идея пришла тебе в голову? Так не годится — этого никогда не делали! И какой смысл в этом?»

Тот сказал: «Я хочу, чтобы каждый знал, что даже Александр уходит с пустыми руками. Усилия на протяжении всей жизни, без единого момента отдыха, гонка за все большим и большим, а окончательный результат — всего лишь пустые руки. Поскольку миллионы людей станут вдоль дороги, чтобы наблюдать процессию, это будет для них подходящий момент увидеть и подумать. А когда они спросят, скажите им, почему мои руки высовываются — я ухожу таким же несбывшимся, как и приходил».

Гаутама Будда совершенно ясен в подобной ситуации: если вы остаетесь в уме, то не сможете выбраться из ловушки «больше и больше». Единственный способ выбраться из этой ловушки — выбраться из ума.

Ум — это величайшая болезнь.

Да Хуэй в странном положении. Иногда он поднимается высоко и улавливает нечто чрезвычайно значительное, но это по-прежнему интеллектуально. Его слова не звучат достоверно, потому что тут же он говорит что-нибудь еще и сразу все портит. У него, безусловно, гениальный дар понимания людей, и он побывал у многих учителей и многих мастеров.

Во-первых, когда кто-то идет ко многим учителям и многим мастерам, то определенно одно: он еще не нашел человека, с которым ему следует быть. При виде нового человека колокольчики его сердца не начинают звенеть. Он все еще в поиске.

Это тоже происходит благодаря уму, который хочет все большего и большего. Он понял этого учителя, теперь он хочет чего-то большего. Он уходит к другому учителю. Да Хуэй продолжал и продолжал разыскивать учителей всю свою жизнь, однако все это странным образом было похоже на одно и то же путешествие — ничего нового. Да, время от времени он сталкивался с мастером, но у него не было глаз, чтобы распознать его. Поэтому он хотя и собирал его слова, но перемешивал их со словами тех, кто не познал ничего.

Вся его философия — это всякая всячина, но мы можем вытаскивать оттуда прекрасные бриллианты, которые попали в грязь. Бриллиант по-прежнему бриллиант, даже если он в грязи.

Эту сутру, *Достигать нечего*, он, видимо, услышал от кого-то, кто действительно знает. Но он не был способен толком понять, почему достигать нечего. Это возможно понять, только когда вы просветлены. Это возможно, только когда вы увидите, что все то, чего вы хотели достичь, уже дано вам; оно присуще природе вашей самости — вот почему тут нечего достигать.

Он говорит: *Деловые люди часто направляют ум, который предполагает, что нужно чего-то достичь, на поиск дхармы, где достигать нечего*, — но он не открывает причины, почему

нечего достигать. Истину нужно достигать, блаженство нужно достигать, красоту нужно достигать, бессмертие нужно достигать: ум может думать только в терминах достижения.

Я говорил с тысячами людей, и много раз люди приходили сказать мне: «Ты настаиваешь на медитации, но никогда не говоришь, чего мы достигнем этим. Даже если мы медитируем, мы должны твердо знать, чего собираемся достичь».

Я отвечал: «Вы не понимаете. Медитация не для достижения; медитация просто для того, чтобы обнаружить, кто вы есть. Обнаружите вы это или нет, вы одни и те же извечно. Это не достижение, это только обнаружение, открытие».

Да Хуэй, слушая мастеров, начинает выступать против ума — но своеобразно, так, как это может делать только человек ума. Вы можете заметить это по его языку, по его формулировкам... *Что я подразумеваю под «умом, который предполагает, что нужно чего-то достичь»?* — *Это интеллектуально рассудительный ум, тот, который взвешивает и решает. Что я подразумеваю под «дхармой, где достигать нечего»?* Однако он и сам не сознает, почему там нечего достигать — да потому, что у вас уже есть это!

Я говорил много раз, что моя функция в том, чтобы отнять у вас все то, чего вы не имеете, и дать вам все то, что у вас уже есть. Всего лишь тонкий слой бессознательного прячет ваши сокровища. Но поскольку ум беспокоится по поводу своей пустотности, своего неведения, то, естественно, он принимается искать и добиваться, как бы где-то стать кем-то. Но он никогда не может быть кем-то. Сразу за его пределами — уже бог, уже будда, уже пробужденный. Это очень странная ситуация: император настолько окружен нищими, что постепенно вы начинаете видеть только нищих, и не можете разглядеть императора за ними.

Она неоцутима, неисчислима, к ней нет возможности применить разум или рассудок. Мое затруднение с Да Хуэем состоит в том, что я вижу, как он просто повторяет, словно попугай. Он и сам не понимает того, что говорит. Он достаточно разумен, чтобы уловить слова, высказанные пробужденными, и у него хорошая память — он может повторить их. Но я не чувствую вообще, чтобы он понимал то, что говорит.

Разве не читали вы о старом Шакьямуни на ассамблее лотоса истинной дхармы? Три раза Шарипутта искренне умолял его проповедовать, но тому просто не с чего было начать. А потом, используя всю свою силу, он смог сказать, что эта дхарма не есть то, что можно понять мыслью или различением. Это старый Шакьямуни разрешил этот вопрос окончательно, он открыл врата надлежащим средствам, и это стало начальным пунктом учения об истинной природе реальности.

Даже когда он рассказывает об инциденте такой огромной значимости, как этот... Каждый год Гаутама Будда обычно проводил специальную ассамблею, называемую лotosовой ассамблеей подлинной религии. Это было особое событие, когда все странствующие монахи могли собраться вместе, тысячи монахов. На одной ассамблее действительно произошел этот инцидент.

Шарипутта был одним из его наиболее близких учеников, и Шарипутта был председателем на лotosовой ассамблее. Он просил Гаутаму — умолял его три раза — проповедовать, но Гаутама Будда хранил молчание. Да Хуэй не понял, что молчание и есть его проповедь.

Это была ассамблея людей, которые могли понять, почему он хранит молчание. Будда высказал все то, что было необходимо высказать: «Станьте молчаливыми, и вы узнаете это». Он не произносил этого, потому что при высказывании оно загрязняется, портится; он просто продемонстрировал его своим собственным молчанием. И, конечно, когда Будда хранил абсолютное молчание, сидя с закрытыми глазами, вся ассамблея затихла, как будто там никого не было, — воцарилась полная тишина.

Шарипутта просил снова и снова, а Будда оставался молчаливым. Фактически, он

проповедовал, он давал золотой ключ; он благословлял всю ассамблею своим молчанием.

Это напоминает мне Иисуса. Понтий Пилат, римский губернатор Иудеи, захотел отпустить Иисуса, потому что увидел, что тот невиновен, он не нанес никому никакого вреда. Он говорил вещи, которые задели традиционных людей, — но то была их проблема. И они не были способны убедить его... Это было бы по-человечески.

Если вы не согласны со мной — прекрасно. Несогласие не означает, что вы должны распять меня; это не аргумент, это не доказывает вашу правоту. Фактически наоборот: это доказывает вашу неправоту! Ведь вы не смогли ответить человеку, вы разгневались — вы настолько разгневались, вы до того жаждете крови, что убили человека.

Распяв Иисуса, его современники скрепили печатью его истину, признали его истину. Распятие — это признание того, что они признали свое поражение. Но прежде чем это произошло, Понтий Пилат пытался поговорить с Иисусом... и Иисус отвечал на все его вопросы. Наконец Понтий Пилат спросил: «Что есть истина?»

Иисус взглянул ему в глаза и промолчал. Понтий Пилат спросил снова: «Что есть истина?» — и так три раза. А Иисус продолжал глядеть ему в глаза, не говоря ни слова. Те, кто не понимает, могут подумать, что Иисус не знает истины; иначе, почему же он молчит? Но такова реальность: он молчит потому, что это единственный язык, на котором можно выразить истину.

Да Хуэй не уловил сути дела. Он считает так: *А потом, используя всю свою силу, он смог сказать, что эта дхарма не есть то, что можно понять мыслью или различием.* Будда никогда не говорил так; это не часть подлинной истории. Он оставался молчаливым. Ассамблея была распущена в тот день, а Шарипутта объявил ассамблее: «Я задавал ваш вопрос — это не был мой вопрос. На мой вопрос он ответил давным-давно. Это был ваш вопрос, вы хотели узнать. Я спросил от вашего имени три раза, и он ответил три раза. Я удовлетворен, и я благодарю его. Ассамблея распускается на сегодня».

То, что говорит Да Хуэй, на самом деле говорится для того, чтобы заполнить какими-то словами трещину собственного непонимания. Этого никогда не происходило: *А потом, используя всю свою силу, он смог сказать, что эта дхарма не есть то, что можно понять мыслью или различием.* Это собственное изобретение Да Хуэя, а причина этого изобретения состоит в том, что он и сам, очевидно, испытывал смущение по поводу инцидента с тремя паузами. Ему не удалось понять, что Будда высказался и больше нечего говорить.

Ассамблея была распущена, а Шарипутта понял, что это и был ответ. Есть вещи, которые невозможно высказать, но можно понять. Истина — одна из таких вещей.

Это старый Шакьямуни разрешил этот вопрос окончательно, открыв врата надлежащим средствам, и это стало начальным пунктом учения об истинной природе реальности. Опять он сбивается на истинное учение о природе реальности. Не может быть никакого учения об истинной природе: всякое учение философствует, всякое учение размышляет, всякое учение диаметрально противоположно реальности. Правда, Будда учил сорок два года, но то, что он говорил, не есть истина. Тогда зачем же он учил?

Он учил, только чтобы привлечь людей, которые попали в ловушку своего интеллекта. Если их убедить интеллектуально, они приблизятся к нему, они станут близкими с ним. И в такой близости бывает передача, в такой близости молчание может быть услышано. Поэтому сорокадвухлетнее учение не должно оцениваться по внешнему виду... оно служило только приспособлением.

Я не учу вас ничему вообще.

Я просто готовлю вас слушать мое молчание.

Несомненно, учение может быть использовано для создания тишины, точно как и звук может быть использован для создания тишины. Но звук — это не настоящая музыка... настоящая

музыка — между звуками: промежутки, интервалы. Да Хуэй совершенно не уловил сути дела.

Когда Сюэ Фэн, истинно пробужденный мастер, услышал из поучения Чоу, мастера писаний несокрушимой мудрости, о Дэ Шане, он отправился к его жилищу. Однажды он спросил Дэ Шаня: «Согласно обычаям школы, которая пришла из глубочайшей древности, какая доктрина используется для обучения людей?» Дэ Шань сказал: «В нашей школе нет словесного выражения, у нее нет никакой доктрины, чтобы учить людей».

Позднее Сюэ Фэн спросил также: «Принадлежит ли мне какая-либо доля в деле внедрения этой древней школы?» Дэ Шань тут же поднял свой посох и ударил Сюэ Фэна, говоря: «Что ты говоришь?» Он этого удара у Сюэ Фэна, наконец, разлетелась вдребезги лакированная колыбель его неведения.

Однако Да Хуэй неспособен точно передать инцидент, рассказать, что случилось. Вы думаете, неведение можно разогнать, ударив его посохом?

Дэ Шань был одним из самых известных мастеров Китая, и Сюэ Фэн был тоже поистине пробужденным мастером, поэтому не может быть речи о его неведении, о том, что его разогнали ударом посоха.

Сюэ Фэн отправился к Дэ Шаню и спросил его: «Какая доктрина используется для обучения людей?»

Мастер сказал: «В нашей школе нет словесного выражения, у нее нет никакой доктрины, чтобы учить людей».

Сюэ Фэн также спросил: «Принадлежит ли мне какая-либо доля в деле внедрения этой древней школы?» И тут мастер схватил свой посох и ударил его, со словами: «Что ты говоришь?»

Это был просто розыгрыш между двумя просветленными людьми; это не имеет ничего общего с разрушением неведения. Невозможно разрушить чье-либо неведение ударом посоха; это было бы слишком легко! Я могу просто вызвать каждого из вас и хорошенько огреть палкой — ваше неведение рассеивается, вы становитесь просветленными?..

Нет, это был просто розыгрыш. Мастер бьет для того, чтобы показать Сюэ Фэну: «Тебе не обмануть меня... ты спрашиваешь иначе, ты спрашиваешь так, чтобы я сказал что-то неправильное. Я уже ответил тебе: мы не имеем никакой доктрины, и мы не имеем никакого выражения в своей школе. Это совершенно безмолвная школа. Мы не говорим, мы не читаем писаний, мы не поклоняемся Будде — мы просто сидим молча на этой горе. Мало-помалу ум исчезает. У него нет ничего — ни работы, ни возможности для амбиции, ни возможности достижения чего бы то ни было — он исчезает».

А поскольку тот спрашивает опять — хотя Дэ Шань уже ответил полностью, но теперь надо спросить снова, по-другому, похитрее...

В дзэне была традиция, что мастера приходили друг к другу — дзэн очень радостная, игривая, несерьезная религия, — и как только Дэ Шань понял, что Сюэ Фэн пытается поднять тот же самый вопрос снова, под другим углом зрения, он стукнул его своим посохом и сказал: «Что ты говоришь? Разве ты не слышал — у нас нет никакого словесного выражения, у нас нет никакой доктрины, — так каким же образом ты можешь служить? Каким образом ты можешь принимать участие во внедрении этой древней школы? Единственный путь — стать частью этой школы... ты не можешь быть переносчиком, миссионером, потому что у нас нет никакого послания, у нас нет никакой доктрины. Ты можешь участвовать в школе, ты можешь стать частью ее, но быть частью ее означает просто погрузиться в абсолютное безмолвие».

Но Да Хуэй не смог понять, что произошло, вот и наговорил... Такого рода перевод производит в западном мире очень странное впечатление. Люди думают, что, быть может, там был особый метод битья посохом, поскольку ведь это же совершенно абсурдно, чтобы от битья

посохом все неведение рассеивалось.

Не тот случай. Сюэ Фэн уже пробужденный мастер, он просто разыгрывает. Но у Дэ Шаня прямое видение... невозможно разыграть его, невозможно поймать его каким-то таким способом, чтобы он пошел против своих же слов. Он бьет Сюэ Фэна посохом только для того, чтобы сказать ему: «Довольно! Я сказал все, теперь обратись твои вопросы в молчание я могу единственным способом — дать тебе по голове. Нам не нужна твоя голова, нам не нужен твой ум».

Ударяя его по голове, Дэ Шань говорит: «Твоего ума не должно быть здесь и в помине. Эти люди живут в состоянии не-ума, вот это и есть наша школа».

Отсюда мы заключаем... Вы видите: слова, которые использует Да Хуэй, — это слова школьного учителя. *Отсюда мы заключаем, что в этой секте разумом и рассудком, мыслью и суждением не пользуются вообще.*

Заключаем? Он по-прежнему ведет себя как студент, который изучает, наблюдает — что за доктрина у этой школы, что за философия у той школы? Сам он не участник.

Досточтимый древний говорил: «Трансцендентальная мудрость подобна громадной массе огня. Подойдешь, и он обожжет тебе лицо». Если вы колеблетесь в мысли и умозрении, вы тотчас впадаете в концептуальное различие. Юн Цзя сказал: «Потеря богатства дхармы и разрушение добродетели — все это берет начало от концептуального различия ума».

Если у вас есть намерение исследовать... Вслушайтесь только в его слова. Это же слова человека, который пишет тезисы; это не слова мастера, который знает свою собственную озаренную природу.

Если у вас есть намерение исследовать этот путь до конца, то вы должны принять твердое решение и дать обет до конца своих дней не сдаваться и не отступить, пока вы не достигнете великого покоя... Просветленные мастера никогда не использовали таких фраз, таких абзацев, таких длинных сложных предложений. Это интеллектуальный подход.

Один дзэнский мастер сидел на берегу моря; подошел человек и сказал ему: «Я разыскивал тебя, но в жизни столько обязательств, что я никак не мог прийти к тебе. Это просто совпадение, я шел мимо и увидел тебя. И я подумал: «Эту возможность я не должен упустить». Я хочу попросить — разъясни мне самым простым способом главное содержание своей религии».

Мастер продолжал сидеть подобно мраморной статуе, не говоря ничего, даже не мигая глазами. Человек немножко испугался. Он спросил громко: «Ты услышал меня или нет?»

Мастер рассмеялся и сказал: «Этот вопрос я должен задать тебе. Ты услышал меня или нет?»

Человек ответил: «Но ты не говорил ничего».

Мастер сказал: «Вот это и есть мое учение: нечего говорить — только переживать».

Человек сказал: «Это не поможет мне. Дай мне немного больше; быть может, я не смогу прийти к тебе снова».

Тогда мастер написал на песке пальцем: «Дхьяна... — медитация».

Человек сказал: «Совершенно правильно, но мне это мало о чем говорит. Не объяснишь ли ты это немножко больше?»

Тогда мастер написал: «ДХЪЯНА» — большими буквами.

Человек сказал: «Меньшие буквы или большие буквы — мне это не поможет».

Мастер сказал: «Я не могу лгать ради того, чтобы помочь тебе. Я прошел, насколько позволяет истина. За пределами этого — пожалуйста, прости меня. Я рассказал тебе все, из чего состоит моя религия: молчание — это ее цветение, а медитация — ее корень. А теперь иди себе».

Дзэнские мастера и любые просветленные мастера не разговаривают как интеллектуалы,

как интеллигенция. У них свои особые способы... очень своеобразные. Лишь те, кто готов раскрыть им свои сердца, могут наполниться их энергией, могут позволить нескольким лучам света проникнуть в свое существо, могут быть осыпаны их цветами — потому что передача происходит не словами. Она возможна, только когда оба, мастер и вопрошающий, оказываются на одной и той же длине волны, в одном и том же состоянии молчания.

Да Хуэй говорит: великое освобождение, великий покой, великое прекращение... И тут же продолжает: *В будда-дхарме заключено не много, но способных людей всегда трудно найти.*

Он выражает свое собственное понимание. Все это возможно в подходе Гаутамы Будды к действительности; но фактически это богатейшая религия в целом мире. Никакая религия не поднимается к таким высотам, таким вершинам, и никакая религия не смогла дать столько просветленных существ миру. Большинство религий остались очень светскими, очень мирскими.

Будда стоит совершенно отдельной вершиной, если говорить о росте человеческого сознания; он величайший вкладчик. Большинство просветленных людей вышли из его прозрения, и глупо говорить: *В будда-дхарме заключено не много.*

А почему он говорит это? — Потому что будда-дхарма, религия Гаутамы Будды, состоит не из великих философских трактатов, а из простых вещей: это — безмолвие, не-ум, медитация, тотальная жизнь, свидетельство. Всего на двух руках... десяти пальцев достаточно, чтобы сосчитать всю будда-дхарму.

Естественно, для интеллектуала это не много. Но интеллектуал не понимает, что у него может быть огромная гора, состоящая только из камней — она велика... по весу; но всего один «Кохинор» куда более ценен, чем вся эта гора. Многие религии предлагают великие доктрины...

Будда повторял много раз: «Я только палец, указывающий на Луну, и вот мое настояние: не глядите на мой палец, поглядите на Луну. Мой палец не значит ничего; реальность в Луне. Забудьте мой палец, и посмотрите на Луну».

Поэтому, какую бы малость он ни высказывал, он настаивал, что это только стрела, показывающая вам путь и направление. Естественно, для интеллектуала, философа это не много.

Весь подход Да Хуэя таков, что все у него перемешано. Рассортировать то, что он взял от просветленных людей, что — от ученых людей и что создал сам, для меня не представляет труда, но это будет трудно для вас.

Вот по какой причине я выбрал эту книгу. Вы должны помнить, что всякий раз, когда вы читаете или слушаете кого-то, вы должны быть очень бдительны. Обладает ли этот человек присутствием, глубиной, безмолвием, полномочием, которые исходят из его собственного опыта? Или это просто знающая личность? Спрашивайте людей: «А вы знаете это сами?» — и вы тотчас увидите: если они в растерянности хоть на миг или смущены, значит, они не предполагали, что вы спросите это.

С самого детства это была любимая моя игра. Я никогда не играл с ребятами моего возраста. Все свое время я проводил, в разного рода играх. Один свами, Сварупананда, часто заживал в город, и он обычно останавливался у одного из друзей моего отца. Этот друг был очень богат и хорошо известен как человек мудрый; все святые обычно останавливались в его гостинице. Но он был очень сердит на меня, потому что каждый раз, когда он договаривался о собрании своих святых, я неизменно оказывался в переднем ряду.

Я всегда брал с собой дедушку, — а мой дед был, даже в преклонном возрасте, человеком весьма колоритным. Бывало, он подзадоривал меня, приговаривая: «Давай! Отмочи что-нибудь!»

А я обычно выжидал: «Пускай он заговорит, пускай скажет что-то, чтобы я мог придраться». И в середине беседы я поднимался и задавал всего один вопрос: «Это ваше собственное переживание, ваш собственный опыт? И помните, вы в храме Божьем (эти собрания обычно происходили в самом прекрасном храме города), так что вам нельзя лгать!» И человек

обычно терялся, а я говорил: «Ваша нерешительность говорит обо всем! Либо вы знаете, либо вы не знаете. Где же место для колебаний?»»

Интеллектуалы могут говорить о чем угодно. Хватайте их за горло и спрашивайте: «Это ваш собственный опыт?» — и загляните в их глаза. Вас поразит, что из сотни вы найдете, пожалуй, одного человека, который высказывается из какого-то опыта; у других все заимствовано. А все, что заимствовано, это попросту чепуха. Эти люди навредили человечеству больше других, потому что они говорят красивые слова, но те красивые слова мертвы. А из-за таких людей становится трудно разыскать настоящего мастера, ведь столько фальшивых учителей повсюду в мире.

Это величайшая нечестность, какую человек может допустить по отношению к человечеству. Вы можете обманывать людей в деньгах, в этом нет ничего особенного; вы можете заниматься всевозможными махинациями, оставаясь при этом человеком... по мне, все в порядке, потому что не имеет значения, в одном кармане деньги или в каком-нибудь другом; деньги в кармане — вот и все. Не велика потеря, во всяком случае.

Но люди без опыта, которые пытаются быть мастерами, действительно вредят вам духовно. Они дают вам слова, а слова эти мертвы, они не значат ничего — и они препятствуют вам в поисках настоящего человека. Когда есть столько фальшивых людей, увеличивается возможность того, что вас захватит какая-то фальшивая личность. А фальшивая личность всегда более приятна и более убедительна: она разговаривает так, чтобы поддержать ваши предрассудки.

Мастер не заботится о ваших предрассудках... он приходит, чтобы уничтожить их. Он не бывает хорошим, как фальшивые люди, он должен быть жестким. Только те, кто имеет настоящее стремление — подобно жажде — стать просветленными, достичь источника своей жизни, могут перенести жесткость, странное поведение мастера. Он не намерен приспособливаться к вам. Вам нужно приспособиться к нему. Фальшивый мастер всегда готов приспособливаться к вам — к тому, чем наполнено ваше эго.

Но настоящий мастер не станет приспособливаться к вам. Он стремится разрушить ваше эго полностью, он стремится отобрать ваш ум полностью. Он оставляет вам только чистое пространство. В том безмолвном, чистом пространстве — ваша реализация.

Это не достижение, это только открытие.

— Хорошо, Маниша?

— Да, Мастер.

6

НЕВИННОСТЬ

Достигать нечего

Только если человек действительно обладает даром мудрости и силой воли, он способен сделать шаг назад и поразмыслить.

Юн Цзя также говорил: «Истинная природа неведения идентична природе просветления. Изначальная внутренняя природа — это естественный, истинный просветленный». Если вы мыслите подобным образом, то внезапно, в том месте, куда мысль не может достигнуть, вы увидите тело реальности, в котором нет ни единой вещи, — это место, где вы можете выбраться из рождения и смерти. Сказанное мною прежде — что с намерением достичь чего-то нельзя, искать дхарму, в которой достигать нечего, — это тот же самый принцип.

Люди дела всю свою жизнь ограничивают себя мыслью и суждением: стоит им услышать человека знаний, его слова о дхарме, в которой нечего достигать, как в их сердцах возникает сомнение и замешательство, они боятся попасть в пустоту.

Стоит сказать вам, чтобы вы не думали, и вы уже в замешательстве — вам не за что ухватиться. Вы далеки от понимания того, что именно это отсутствие чего бы то ни было, за что можно ухватиться, — это и есть ваше время отпустить свое тело и свою жизнь.

Если правильная полнота сознания присутствует постоянно и вопрос страха рождения и смерти не возникает, тогда за долгие дни и месяцы то, что было незнакомым, естественно становится знакомым, а то, что было черствым, естественно становится свежим. Но что является черствым? Это остроумие, разум, то, что думает и судит. Что является незнакомым? Это просветление, нирвана, подлинная таковость, природа будды — это там, где нет мысли или различения, куда вычисление и расчет не могут добраться, где у вас нет возможности пользоваться своими ментальными приспособлениями.

Сегодня особенный вечер, потому что один из нас ушел на другой берег.

Свами Ананд Майтрейя был, безусловно, человеком огромного мужества. Мы с ним познакомились где-то около 1960 г. Он к тому времени был членом парламента уже двенадцать лет и очень близок к премьер-министру Индии, Пандиту Джавахарлалу Неру. Но когда он услышал меня, он просто бросил всю свою политическую карьеру.

Пандит Джавахарлал Неру пытался переубедить его, говоря: «У вас все шансы стать главным министром своего штата» — он был из Бихара, земли Будды.

Но Майтрейя сказал: «Я хочу, чтобы одну вещь вы поняли твердо: амбиция — это ад, и я не собираюсь оглядываться; политика для меня закончена. Все амбиции для меня закончены».

И с той поры он уже был со мной.

Он никогда не задал ни одного вопроса. Он никогда не сомневался, его доверие было абсолютным. За эти годы тысячи людей пришли ко мне; многие потерялись, но он оставался непоколебимым. Он не мог понять, как это люди находят противоречия в моих словах.

В 1984 г. Майтрейя достиг просветления, но он избрал молчание — и оставался безмолвным. Он даже не рассказал мне, что произошло с ним.

Но в тот день, когда это случилось, я созвал небольшое собрание из нескольких саньясинов на «Rancho Rajneesh» в Америке. Я объявил о том, что будет три специальных сообщества: первое — из махасаттв, великих существ, которым было предопределено стать просветленными в этой жизни; второе — из самбудд, которые уже стали просветленными; и третье — из бодхисаттв, которые тоже станут просветленными... хотя это, возможно, и займет чуть больше времени, чем у двух других категорий, но, несомненно, еще до их смерти.

Я включил в списки имя Майтрейи — он был ошеломлен. Он хотел сохранить это полностью в тайне, не говорить ничего и никому о своем просветлении. Как только он вышел с

собрания, то сказал нескольким людям: «Это очень странно, я ведь не говорил, я старался скрыть это — но он как-то заметил. И не только заметил, он объявил меня просветленным».

И его отклик был поистине откликом огромной любви. Он сказал: «Бхагван действительно плут».

Все эти годы, перед своим просветлением и после просветления, он просто оставался самым обыкновенным — без эго, без желания, без жадности.

Как раз перед тем, как я возвратился в Пуну, Майтрейя сказал мне в Бомбее: «Я взял десять тысяч рупий с бихарского счета в Патне; это все, что у меня есть, но теперь мне не потребуется это». Несомненно, он осознавал, что время его ухода близится. И он передал деньги Нилам для ашрама. Он умер, не имея ничего, никакой собственности. И он перешел, очень медленно, очень тихо, из сна в вечный сон.

Я называю этот вечер особенным, потому что один из нас перебрался из мира смертных в мир бессмертных. Он уже не родится снова. Он обрел освобождение и свободу, о которых мы говорили. Это момент великого празднования и радости. Такое случается очень редко. Миллионы людей, возможно, когда-то подойдут к этому безмолвному взрыву света и исчезнут в океане сознания, окружающем сущее.

Мне хочется посвятить эти беседы Свами Ананд Майтрейе, который ушел из сна в вечный сон. Но он не был спящим! Он уходил полностью пробудившимся. Он уходил с полным осознанием. Сохраните его в своей памяти, потому что он действительно показал вам путь. Он жил радостно, хотя и не имел ничего, и умер умиротворенно, блаженно.

Вот что значит, найти свою судьбу. Те, кто живет в страдании и умирает в страдании, продолжают упускать свою судьбу. Это неудачники, а из-за того, что они терпели неудачу столько раз, они привыкли и терпят ее снова и снова. Но даже если хоть один среди вас достигает успеха — то это ваш общий успех. Это доказывает - что, то, о чем мы говорили, не просто философия — это подлинный путь к самореализации.

Майтрейя будет потерян... Недавно ночью, когда я в последний раз видел его, то испытал некое странное чувство... как будто он собирается уйти очень скоро. То же самое переживали и многие другие люди; было так, как будто он собирался и готовился к вечному паломничеству. Он ушел так, как и подобает уходить человеку — радостно, экстатично.

Вы должны запомнить, что все его переживание основывалось на двух вещах: первое — он был захвачен доверием ко мне... Станным языком я пользуюсь. Вы, может, и не слышали никогда выражения «быть захваченным доверием». Быть захваченным любовью (влюбляться) случается каждый день. Быть захваченным доверием случается очень редко.

И во-вторых, ни единого момента с тех пор, как он встретил меня, он не упускал, уходя в медитацию при каждой возможности. Его смерть была не концом жизни, а высшей кульминацией огромного доверия и медитативности. Там, где доверие и медитация встречаются, человек обретает свой потенциал во всей его славе и великолепии.

Теперь сутры:

Только если человек действительно обладает даром мудрости и силой воли, он способен сделать шаг назад и поразмыслить.

Да Хуэй — это странная смесь. Возможно, он даже и не осознает, что те слова, которые он использует, не подходят. Например, мудрость — это не дар; разум — вот дар.

Мудрость — это вся ваша сущность. Мудрость — это вы. Это не дар, не способность, это ваша целостность, которая становится сияющей.

Но Да Хуэй — интеллектуал, он пытается, как только может, учить людей чему-то такому, чему даже достигшие затруднялись учить. И он вмешивается в человеческие умы: «дар мудрости», — а затем он употребляет еще одно слово — «сила воли».

Сила воли есть не что иное, как другое название силы эго. У человека мудрого нет воли, точно так же, как нет у него и ума, — потому что желать означает удерживать себя отдельно от сущего. Это довольно тонко, но попытайтесь прочувствовать это. Сам момент вашей воли означает, что вы всегда желаете вопреки тому, что есть. Вы хотите, чтобы то, что есть, было, каким-то другим.

У человека просветленного нет воли. Вселенской воли достаточно, нет нужды иметь индивидуальную волю. Он сдал свою индивидуальную волю вселенной, теперь он движется туда, куда река уносит его. Он даже не плавает, он просто сплавляется.

Воля — это борьба, сражение. «Воля к власти» (*Will to Power*) — это название книги Фридриха Ницше. Она была опубликована после его смерти, потому что даже сам Ницше не мог представить, как ему предстать перед миром после публикации этой книги. Она будет раскритикована, потому что воля к власти означает непрерывную борьбу, насилие — за деньги, за силу, за положение. Жизнь превращается в поле боя, нет больше радости. Это попросту конкуренция — и самая ужасающая конкуренция, поскольку каждый пытается достичь одного и того же места.

Да Хуэй пользуется этими словами, не понимая природы медитации: не существует силы воли, не существует дара мудрости. А он продолжает говорить: *Только если человек действительно обладает даром мудрости и силой воли, он способен сделать шаг назад и поразмыслить.*

Человек мудрый не размышляет. Размышление, рефлексия — это еще одно название для думания, высшая форма созерцания. Но каким бы высоким оно ни было, это есть форма мышления. Человек, у которого есть глаза, знает, что такое свет; он никогда не думает о том, свет это или нет. Если же человек размышляет о том, свет это или нет, определенно одно: он без глаз. Глаза не должны думать. Глаза просто знают, спонтанно знают, что свет есть.

То же самое верно, когда вы вышли за пределы ума. Тут нет и речи ни о каком размышлении; вы просто-напросто видите, как обстоит дело. И поскольку это природа вещей, то это не может быть иначе; потому-то и возникает потрясающее принятие, названное Буддой *татхата* — «таковость». Вы не можете поделаться ничем. Такова просто природа вещей.

Все, что требуется от вас, — это расслабиться, быть в покое и принимать реальность как она есть — тотальное «да», не удерживающее ничего. Естественно, в этом состоянии таковости не может быть никакого страдания и не может быть никакого мучения. Там есть только огромное безмолвие и потрясающая радость. Все ваше существо непрерывно окружает музыка; вы недвижимы, и все же в танце — танец без движений и песня без слов.

Но Да Хуэй еще не осознает этого. Он продолжает цитировать мастеров, с которыми встречался.

Юн Цзя также говорил: *«Истинная природа неведения идентична природе просветления. Изначальная внутренняя природа — это естественный, истинный просветленный»*. Он цитирует Юн Цзя, но я не вижу, что ему понятно то, что тот говорит, или то, что он цитирует, потому что следующие предложения демонстрируют его невежество. Он не понимал Юн Цзя.

Он говорит: *Если вы мыслите подобным образом, то внезапно, в том месте, куда мысль не может достигнуть, вы увидите тело реальности, в котором нет ни единой вещи, — это место, где вы можете выбраться из рождения и смерти.*

Видите противоречие?

Во-первых, утверждение Юн Цзя чрезвычайно важно. Он говорит: *«Истинная природа неведения...»* Что такое истинная природа неведения? Возможно, вы никогда не задумывались над этим.

Что есть истинная природа неведения?

Истинная природа неведения — невинность.

Она не знает ничего; потому она совершенна, чиста, незапятнанна.

Юн Цзя говорит: *«Истинная природа неведения идентична природе просветления»* — потому что просветленный человек тоже не знает ничего. Он тоже невинен, совсем как малое дитя. Очень странное утверждение... оно может смутить многих, кто мыслит только интеллектуально. Вопрос неизбежно возникает в их уме: если истинная природа просветления та же самая, что и истинная природа неведения, тогда зачем беспокоиться? Вы уже невежественны. Теперь медитировать и созерцать, концентрироваться и стоять на голове, заниматься йоговскими позами и поститься, идти в пещеры и в Гималаи, отречься от мира... Зачем весь этот цирк, если природа просветления точно такая же, как и природа неведения? В некотором смысле — она такая же; в некотором — нет.

Что касается невинности, то она одинакова. Но невинность ребенка портится, а невинность просветленного человека не подвержена порче — в этом различие. Ребенок станет знающим; он не может противиться. Нет способа сохранить ребенка навсегда невежественным. Невинность ребенка скоро будет утрачена. Фактически, предпринимаются все усилия для того, чтобы он поскорее набрался знаний, стал взрослым, зрелым.

Но мудрец прошел через все эти стадии знания, зрелости; он обошел весь круг. Он не подвержен порче. Никто не может велеть ему: *«Тебе надо попытаться узнать нечто»*.

Он узнал все и отбросил это. Он отбросил не только знание, он отбросил саму способность знать — ум. Он увидел, что вся игра попросту тщетна; его невинность теперь не подвержена порче. Поэтому тут есть сходство — и есть огромное, непреодолимое различие.

Да Хуэй цитирует это великое изречение, но, читая последующие утверждения, я не чувствую, что он понимал это. *Если вы мыслите подобным образом*, — говорит он... Это не мышление. Вы не можете мыслить подобным образом. Мышление всегда ведет к знанию, никогда к невинности. Так что в тот момент, когда он говорит: *Если вы мыслите подобным образом* — он упускает весь смысл. И вы можете видеть, как очень интеллектуальные люди ведут себя самым глупым образом.

Послушайте все предложение: *Если вы мыслите подобным образом, то внезапно, в том месте, куда мысль не может достигнуть...* — и он просит вас думать, и думать о том месте, куда мысль не может достигнуть, — *вы увидите тело реальности, в котором нет ни единой вещи, — это место, где вы можете выбраться из рождения и смерти.* Человек не выбирается из рождения и смерти; человек просто пробуждается и от смерти, и от рождения.

Дело обстоит не так, что сначала вы осознаете... а затем уже предпринимаете что-то, чтобы выбраться из круга рождений и смерти. Нет, в тот момент, как вы осознаете, вы уже вне этого круга. Это одновременно. Совсем как утром, когда вы встаете, — разве вы делаете что-то, чтобы выбраться из своих снов? Как только вы поднимаетесь, вы уже вне сновидений; в противном случае могло бы оказаться весьма затруднительным узнать, видите ли вы сон или же пробудились. Если бы требовалось какое-то усилие, чтобы выбраться из своих сновидений, кто бы совершал это усилие? Вы крепко спите, вы видите сон — кто же будет выбираться из сновидений?

У вас, вероятно, бывали иногда сны, когда вам снится, что вы пробуждены. И лишь когда вы действительно пробуждаетесь, вы обнаруживаете: *«Боже мой, это был только сон, а я-то думал, что бодрствую»*. Пробуждение и выход из сновидений могут быть только одновременными.

Эта жизнь, это рождение, эта смерть, весь этот круг событий — в котором мы продолжаем и продолжаем движение из одной жизни в другую, — только лишь из-за того, что мы духовно спим.

Медитация будит вас. Это просто метод пробуждения, и в тот момент, когда вы

пробуждены, вы уже вне всего этого круга рождения и смерти.

Но Да Хуэй по-прежнему говорит о том, чтобы «выбираться из рождения и смерти». Вам не нужно выбираться. Даже если вы захотите забраться назад, вы не сможете войти.

Я слышал... как-то ночью Мулла Насреддин увидел ангела, который сказал: «Ты был столь добродетелен, Мулла, я собираюсь преподнести тебе дар». И он дал ему банкноту в одну рупию.

Мулла сказал: «Ты шутишь? За мои добродетели — всего одна рупия в награду! Я не могу принять ее, это же унижительно».

Торгуясь, ангел говорил: «Ладно, две. Три. Четыре...» В конце концов, они дошли до девяноста девяти рупий.

Мулла сказал: «Послушай, всего из-за одной рупии... не порть картину. Давай просто банкноту в сто рупий. Так это будет выглядеть правильно, завершено. Девяносто девять выглядят как-то неполноценно». Но он произнес так громко: «Давай одну сотню!» — что его жена проснулась. Она подумала: «Что он такое говорит и с кем беседует?» Она встряхнула его, и он проснулся.

Мулла сказал: «Идиотка! Ты не понимаешь, что я получал сотню рупий от ангела. Целую ночь я торговался и торговался, это был такой скупой ангел. Я еще никогда не видел такого скупца. Он застрял на девяносто девяти, и тут ты разбудила меня. Принеси мои очки. Я опять засну, но мне нужны очки, потому что я подозреваю... тот ангел до того скуп... сотенная банкнота может быть фальшивой. Быстро!»

Бедная женщина подумала: «До чего же это глупо: во сне не нужны очки». Но, не желая ссориться среди ночи и беспокоить соседей, она принесла очки, и Мулла надел их. И начал: «Давай! Куда же ты подевался? Ладно, девяносто девять. Меня устроит даже девяносто девять». И таким образом он понижал цену снова, но ангела нигде не было видно. Когда сон нарушен, невозможно восстановить его. Наконец он сказал: «Ладно, одна рупия. Не прячься».

Его жена выслушала все это. Она сказала: «Не растранижай свою ночь. Можешь взять рупию у меня, только спи уже. Ты не добьешься, чтобы тот сон продолжился снова, и, ради Бога,ними эти очки; иначе ты поломаешь их во сне. Я не могу заснуть рядом с тобой, зная, что ты в очках. Я тревожусь... что с тобой происходит?»

Тогда Мулла сказал: «Ладно, давай мне рупию. Фактически, это ты расстроила все дело. Я уже собирался вытрясти из того парня сотню рупий. Ведь я дотянул его с одной рупии до девяноста девяти, оставалось добрать всего одну рупию... Я убедил бы его! Ты разбудила меня и расстроила все дело, а тем временем этот жмот сбежал. Теперь, когда я закрываю глаза, — его нет, нигде не видно».

Вы не можете продолжить тот же самый сон снова. Раз вы пробуждены, войти в тот же самый сон невозможно — и это в отношении обычного пробуждения. Когда же вы поистине пробуждены, все ваше существо сознательно, нет и речи о том, как выбираться из рождения и смерти. Вы вне этого. Теперь, даже если вы хотите возвратиться туда, это невозможно.

Маленький мальчик, не больше семи лет, спорил со своим отцом: «Ты сказал вчера: всегда помни, нет ничего невозможного! И ты сказал, что это утверждение Наполеона Бонапарта. А я тебе говорю, что нашел одну невозможную вещь».

Отец спросил: «Ты обнаружил что-то невозможное? Что же это?»

Мальчик сказал: «Это прямо в нашей ванной комнате».

Отец сказал: «Так покажи мне».

Мальчик принес тюбик зубной пасты и сказал: «Это невозможно — даже если Наполеон Бонапарт захочет, у него не выйдет это — когда выдавил пасту, загнать ее назад. Я пытался изо всех сил, она обратно не входит. Если уж паста выдавлена из тюбика, никакой Наполеон Бонапарт не сможет запихнуть ее назад. Попробуй! Ты большой почитатель Наполеона

Бонапарта. Сделай этот пустяк. Как раз на днях ты хвалился, что нет ничего невозможного в мире, а у тебя в ванной комнате есть невозможная вещь».

Вот самая невозможная вещь в мире: когда вы пробуждаетесь, вы уже не можете возвратиться к своей бессознательности. Тут просто нет дороги. Даже если вы захотите, даже если попытаетесь, ничего так и не получится. Как не можете вы вернуться во времени, не можете вернуться во вчера, в позавчера, — точно так же вы не можете возвратиться в состояние бессознательности.

Все ваши проблемы жизни и смерти — от бессознательности.

Так что хотя тут и самые пустяковые ошибки, они показывают глубокое заблуждение Да Хуэя. Он прислушивался к мастерам, но он только интеллеktуал. Он не переживал... Поэтому очень легко обнаружить его промахи.

Сказанное мною прежде — что с намерением достичь чего-то, нельзя искать дхарму, в которой достигать нечего, — это тот же самый принцип.

Люди дела всю свою жизнь ограничивают себя мыслью и суждением: стоит им услышать человека знаний, его слова о дхарме, в которой нечего достигать, как в их сердцах возникает сомнение и замешательство, они боятся попасть в пустоту.

Во-первых, он пользуется выражением «человек знаний», которое никогда не применяется к тому, кто просветлен. Его можно называть человеком мудрости, его можно называть Знающим, человеком Знания, его можно называть человеком невинности, — но его нельзя называть человеком знаний. Знания всегда принадлежат уму. В чем разница между знаниями и Знанием? Знание — это актуальное переживание в моменте. Знания — это когда Знающий погибает, когда Знающий становится прошлым. Знания черствы; Знание свежо.

Знающий — это роза, танцующая на солнце и все же соединенная с корнями глубоко под землей, живая. Знания — это цветок розы, который вы положили в ваше святое писание. Он еще сохраняет форму, но цвет поблек, аромата больше нет, и нет способа заставить его танцевать на солнце, под ветром, под дождем. Он мертв, это труп.

Знание, Знающий — это живой опыт.

Знания — это труп.

Человек просветленный может быть назван человеком Знающим, переживающим, но не человеком знаний, не знатоком. Это тонкие различия, но они помогают отчетливо понять: Да Хуэй не имеет никакого опыта в тех вещах, о которых ведет речь. А говорить о вещах, в которых вы не имеете опыта, — одно из величайших преступлений: вы загромождаете людям головы всей вашей бессмыслицей.

Стоит сказать вам, чтобы вы не думали, и вы уже в замешательстве — вам не за что ухватиться. Видимо, он говорит это о себе. Скажите любому мыслителю: «Ты не должен думать; только тогда ты сможешь войти в храм медитации» — и он не сможет понять эту идею: как, без думания? Он немедленно вообразит, что без думания он провалится во тьму, в пустоту, в неведение, в глупость; что без думания он пропадет. Думание — это единственный свет, который у него есть. Он говорит это о других, но у меня есть ощущение, что это его собственный опыт.

Стоит сказать вам, чтобы вы не думали, и вы уже в замешательстве — вам не за что ухватиться. Вы далеки от понимания того, что именно это отсутствие чего бы то ни было, за что можно ухватиться, — это и есть ваше время отпустить свое тело и свою жизнь.

Если правильная полнота сознания присутствует постоянно... Порой он выражается до того глупо, что изумляешься, как это его приняли за великого мастера. Он говорит: Если правильная полнота сознания... — как будто возможна неправильная полнота сознания. Неправильной полноты сознания не существует. Полнота сознания — это просто осознание. Это

неудачное слово, но по существу оно означает осознание.

Будда пользовался словом, которое переводилось на китайский, японский, корейский языки. Это слово *саммасати*. *Самма* означает «правильный», а *сати* — «удержание в памяти». *Саммасати* переведено как «правильная полнота сознания». Но о *саммасати* можно сказать, что в нем нет противоречия. *Саммасати* на языке пали означает то же, что на санскрите *самьяк смрити*. От языка к языку вносятся небольшие нюансы. *Самьяк смрити* — коренное слово, и означает оно «уравновешенное воспоминание». На пали это слово преобразуется в *саммасати*; здесь оно тоже означает «правильное воспоминание». Воспоминание может быть и ошибочным.

Бывает два рода воспоминаний — правильное и ошибочное. Правильное воспоминание связано с вашим собственным существом, когда вы вспоминаете себя. Когда вы осознаете себя — это и есть *саммасати*. Когда же вы вспоминаете другие вещи — это не настоящее воспоминание. Вы можете вспоминать тысячу и одну вещь, но если вы не вспоминаете себя, ваше воспоминание ошибочно. Если же это переведено как «полнота сознания», то все слово приобретает новое значение. Не может быть никакого ошибочного полного сознания. Всякая полнота сознания истинна.

Полнота сознания не имеет ничего общего с умом; она просто означает, что вы сознательны, бдительны, что вы осознаете. Если вы идете по улице в состоянии полноты сознания, это означает, что вы осознаете свою ходьбу. Если я двигаю рукой в полноте сознания, значит, я двигаю ею осознанно, а не как робот.

Если правильная полнота сознания присутствует постоянно и вопрос страха рождения и смерти не возникает, тогда за долгие дни и месяцы то, что было незнакомым, естественно становится знакомым, а то, что было черствым, естественно становится свежим.

То, что он говорит, настолько глупо, что даже называть это глупостью не достаточно; он нуждается в более сильном выражении. Он высказывает то, что может быть совершенно верным для интеллектуала, но это не верно как переживание. И вы можете видеть это, если хоть немного осознаете. Во-первых, как только кто-то становится осознающим, он становится осознающим на все двадцать четыре часа. Дело обстоит не так, что становишься осознающим, потом теряешь это, а потом становишься осознающим снова, — нет, это не так.

Осознание — это точно как биение сердца. Когда вы спите, сердце бьется, когда вы работаете, сердце бьется, когда вы разговариваете, сердце бьется. Делаете вы что-то или не делаете, сердце беспрерывно работает. Когда ваше осознание становится непрерывным глубинным течением, только тогда оно достойно называться осознанием. Поэтому говорить «*Если правильная полнота сознания присутствует постоянно*» — да ведь она только постоянно и присутствует — *и вопрос страха рождения и смерти не возникает...* — это бессмысленно.

Человек осознающий, не знает проблемы страха в отношении рождения и смерти. Раз осознание возникло, вы свободны от страха рождения и смерти; вопроса тут вообще не может возникнуть. Вопрос, колебание, сомнение может возникнуть лишь в случае простого интеллектуального убеждения, а не актуального переживания. Да, тогда сомнения могут появиться; фактически, они просто *обязаны* появиться.

А дальше Да Хуэй высказывает все новые и новые ошибочные утверждения: *Тогда за долгие дни и месяцы то, что было незнакомым, естественно становится знакомым.* Он думает об осознании так, как если бы это была привычка, которую вы должны практиковать непрерывно, тогда через месяцы и дни, мало-помалу, это будет становиться знакомым.

Осознание — это не постепенный феномен. Он не приходит мало-помалу, в рассрочку. Это взрыв, он всегда неожидан; он приходит к вам во всей полноте. Так не бывает, чтобы он приходил понемногу, и вы постепенно знакомились с ним.

Сделав ошибочное утверждение, он и дальше ошибается: *а то, что было черствым,*

естественно становится свежим. То есть то, что было несвежим, спустя дни и месяцы посвежеет.

Вы видите противоречие? То, что свежо, может потерять свежесть за месяцы. Он же говорит: то, что было черствым вначале, спустя дни и месяцы свежеет. Он не осознает, что даже малое дитя, которому нет никакого дела до просветления, может сказать, что это глупо. С течением времени свежие вещи делаются несвежими, но не наоборот.

То же самое верно в отношении осознания. Оно продолжает и продолжает быть свежим потому, что оно никогда не стареет. Для сознания времени не бывает — ни дней, ни месяцев, ни лет, ни жизней.

Осознание возникает за пределами времени и за пределами ума.

Оно никогда не станет черствым, и оно никогда *не бывало* черствым.

Сначала вы не осознавали этого; теперь вы осознаете это.

Это остроумие, разум, то, что думает и судит. Что является незнакомым? Это просветление, нирвана, подлинная таковость, природа будды — это там, где нет мысли или различения, куда вычисление и расчет не могут добраться, где у вас нет возможности воспользоваться своими ментальными приспособлениями.

Для вас важно понять Да Хуэя, поскольку он типичный представитель тысяч интеллектуалов в мире, которые продолжают морочить самих себя, потому что могут последовательно, логически *размышлять* над переживаниями, которые не происходили с ними. Возможно, на них повлияли люди действительно переживавшие, и это оказало столь сильное воздействие, что они поверили в то, что такие вещи, безусловно, случаются. Затем они проводят интеллектуальную систематизацию — и могут без конца систематизировать, — но по-настоящему они не знают ничего.

Эти люди — теологи, эти люди — религиозные лидеры, эти люди — философы, эти люди — великие профессора. Эти люди господствуют в человечестве, а между тем это плохие люди: плохие, потому что они нечестны, плохие, потому что они не признают, что это не их переживание. Они просто-напросто продолжают фабриковать красивые слова и теории и вызывают в человеческих умах иллюзию, что, возможно, они и есть подлинные пророки, просветленные люди.

Я расскажу вам действительный случай, который произошел как раз в начале этого века. Один молодой человек, Раматиртха, был профессором математики в Лахорском университете, и он определенно был гениален. Он стал известен благодаря одному случаю — пожалуй, никто больше на такое не был способен... На экзаменах лист с вопросами приходит с пометкой: «Ответьте на любые пять из семи вопросов».

Когда он был студентом, это была его постоянная практика: он обычно отвечал на все семь вопросов с пометкой: «Экзаменуйте любые пять вопросов». Он всегда отвечал на все семь вопросов совершенно правильно, у него не было проблем — это вы можете выбирать себе любые пять, по которым захотите экзаменоваться. Когда он закончил аспирантуру, он был первым в университете в математике, он был золотым медалистом — его сразу же зачислили профессором. Это был интеллектуал большого калибра. Как раз тогда Вивекананда вернулся из Америки.

Вивекананда был монах и ученик Рамакришны — просветленного, но необразованного человека. Рамакришна не был достаточно красноречив, чтобы высказываться о своем переживании, поэтому он избрал Вивекананду, который был очень разумной личностью, сливками бенгальской интеллигенции. Вивекананда впечатлял людей во всем мире, куда бы он ни поехал; теперь он возвратился из Америки и собирался обойти Индию. Он прибыл в Лахор, в университет, где Раматиртха был профессором, и Раматиртха оказался под столь сильным

впечатлением от Вивекананды, что немедленно пожелал быть инициированным от него.

Вивекананда сам был просто интеллектуалом, но очень сильной личностью, очень внушительной личностью. Он тотчас же привлек Раматиртху, поскольку оба они были интеллектуалами, так что сразу же возникла гармония, синхронизация между их умами. Вивекананда посвятил его в саньясу, и Раматиртха отправился в мировое турне сам.

Раматиртха оказался еще красноречивее Вивекананды, еще поэтичнее, еще выразительнее, — но не по внешности (Вивекананда выглядел исполином, он обладал огромным телом); Раматиртха был гораздо выше в интеллектуальном отношении. Он особенно увлекался стихами — персидскими, арабскими и урду; все эти стихи уникальны по своему мистицизму — все они принадлежат суфийской традиции мистиков.

Так что Раматиртха владел некоторым новым пространством, о котором Вивекананда не имел представления. Он тоже производил очень сильное впечатление на людей, куда бы ни поехал. А с умом бывает любопытная ситуация: если люди под впечатлением от вас, то мало-помалу возникает обратный эффект. Поскольку они под впечатлением от вас, то вы тоже попадаете под впечатление от самого себя: «Я, очевидно, несу некое великое послание; иначе, почему столько людей без ума от меня?» Он уверовал, что стал просветленным. Толпа, которая следовала за ним повсюду, убедила его, что он просветленный.

Когда он возвращался в Индию, то представлял себе, что его ожидает великий прием... Естественно — просветленный человек возвращается домой, после того, как произвел впечатление на весь мир... Он направился прямо в Варанаси, который был цитаделью индуизма испокон веков и где у ученых индуистов бывает свой совет, решающий, кто просветленный, а кто нет. Никто из тех ученых людей не просветленный, но они чрезвычайно компетентны во всем, что касается писаний. Поэтому Раматиртха сначала обратился к этому совету, чтобы добиться признания.

Как по мне, то даже идея добиваться признания у кого-то означает, что вы не уверены относительно собственного достижения — вы просите признания у непросветленных! Кто их уполномочил признавать или не признавать вас?

Первым делом, ваша просьба определенно показывает, что вы не просветленный. Во-вторых, вы просите людей, которые сами не являются просветленными, — этим только подкрепляется тот факт, что вы не понимаете, что такое просветление.

Оно никогда не нуждается ни в чьем признании; это самоочевидное явление. Даже если весь мир говорит, что вы не просветленный, это не имеет значения. И даже если весь мир говорит, что вы просветленный, а этого нет, вы не становитесь просветленным.

Нечто очень странное произошло там: один ученый на совете спросил Раматиртху (все-таки была явная глупость со стороны Раматиртхи ходить на совет): «Вы знаете санскрит?» А Раматиртха не знал санскрита, потому что он родом из той области, которая теперь в Пакистане. Это мусульманская область; язык ученых людей там — арабский, персидский, урду. Это не та часть, где санскрит имеет какое-нибудь влияние. Раматиртха же был очень глубоким знатоком в персидской и арабской литературе, — а несомненно, суфийская литература обладает красотой, которой нет в санскритской литературе. Санскритская литература очень суха, вроде математики. Суфийская литература — это очень чистая поэзия. У нее есть определенный колорит, потому что весь суфизм, как на основании, покоится на любви. Суфии — единственные в мире люди, которые думают о Боге как о возлюбленной, как о подруге. Естественно, они писали прекрасные стихи для возлюбленной. Бог — не мужчина, а прекрасная женщина! Никакая поэзия не может достичь высот суфийской поэзии.

Раматиртха проиграл. Он сказал: «Нет, я ничего не знаю о санскрите. Я вышел из той части страны, для которой санскрит очень далек; там даже на хинди не разговаривают».

Все те ученые рассмеялись и сказали: «Вы полагаете, без знания санскрита можно стать просветленным? Сначала изучите санскрит».

Я могу простить всем тем идиотам, но я не могу простить Раматиртхе, потому что он принялся за изучение санскрита! — только чтобы добиться признания от непросветленных людей в том, что он просветленный.

Мне всегда нравились его лекции, но я постоянно находил в них места, которые решительно демонстрировали, что этот человек только интеллеktуал. У него нет своего собственного переживания. Он знает прекрасную поэзию, он может говорить очень поэтично; ему известны замечательные суфийские притчи, он может толковать те притчи очень ярко. Но сам он нищий — его чаша пуста.

В таком же положении находится и Да Хуэй. Если вы поймете Да Хуэя, то это поможет вам понять многих других, которые сидят в той же самой лодке.

Раматиртха отправился в Гималаи, в небольшой штат под названием Тихри Гархвал. Король того штата был под очень сильным впечатлением от Раматиртхи, поэтому выстроил для него специальное бунгало в горах, и там Раматиртха изучал санскрит, для того чтобы быть признанным.

Однажды случилось... у Раматиртхи был секретарь, некий Сардар Пуран Сингх, бывший великий пенджабский писатель, несомненно, очень утонченный писатель: его проза — это почти поэзия. Он был в таком восхищении от Раматиртхи, что бросил свою работу, стал его секретарем и взял на себя заботу о его здоровье, о его письмах и корреспонденции со всего мира...

Однажды, выглядывая из окна, Раматиртха увидел, что к дому приближается его жена. Он был женат, но отрекся от своей несчастной супруги и стал саньясином. Жена была настолько бедной, что делала любую работу в деревне — молола людям пшеницу, стирала одежду. Она даже не могла купить билет для поездки... Когда она узнала, что Раматиртха в Тихри Гархвале, то продала несколько украшений, которые ей были подарены к свадьбе. Она просто хотела прикоснуться к стопам Раматиртхи.

Она не пришла жаловаться — она была действительно довольна. На Востоке это традиция: если муж становится саньясином с мировой известностью... если даже жена жила в отвратительных условиях, все равно она была очень счастлива, что имя ее мужа попало в коридоры истории.

Когда Раматиртха увидел, что приближается его жена, он велел Сардару Пурану Сингху: «Закрой окно, закрой дверь и выйди на веранду. Подходит моя жена. Скажи ей, что меня здесь нет, что я отправился в уединение в лес, и никому не известно, когда предполагается мое возвращение. Избавься как-нибудь от нее».

Сардар Пуран Сингх был очень искренний человек. Он сказал: «Это странно, ведь я видел, вы принимаете людей — и мужчин и женщин, — навещающих вас. Почему же вы препятствуете своей собственной жене, от которой вы отреклись? Теперь она больше никак не связана с вами. Ваше препятствование ей означает, что в глубине ваш ум все еще верит тому, что она ваша жена. Почему вы проводите различие между другими женщинами и ею? И почему вы так опасаетесь?»

Несомненно, эта бедная женщина ничего не может сделать вам. Очевидно, есть что-то внутри вас, чего вы боитесь. Я не собираюсь закрывать окно или дверь. И я не могу лгать женщине. Вы должны решить: либо вы увидите с ней, либо я больше не ваш секретарь и больше не ваш ученик. Я ухожу».

Раматиртха не мог позволить Пурану Сингху уйти — он зависел от него во всем. Поэтому он сказал: «Ладно, если ты настаиваешь, я приму ее». И его жена вошла со слезами радости и просто коснулась земли, даже не его стоп. А Пуран Сингх записал в своем дневнике: «Даже я

прослезился. Женщина была так почитательна. Она не считала его больше своим мужем. Он стал настолько божественным для нее, что даже прикоснуться к его стопам значило загрязнить его».

Пуран Сингх коснулся стоп жены Раматиртхи. Он сказал: «По-моему, ваша религиозность и ваше понимание выше, чем у Раматиртхи». А Раматиртхе стало так стыдно... вы не поверите, что он сделал: он немедленно сменил свою одежду. Он был одет в оранжевую мантию индусского саньясина. Он сбросил ее и надел одежду Сардара Пурана Сингха — обычную одежду, не для саньясина. Сардар Пуран Сингх спросил: «Что вы делаете?»

Раматиртха ответил: «Мне так стыдно. Я не просветленный; я даже не достоин, называться саньясином. Прозрение пришло ко мне, хоть и поздно; но все же хорошо, что оно пришло ко мне. Я верил, что я просветленный, что отрекся от мира. Нет, увидев свою жену, я увидел и всю свою похоть, всю свою подавленную сексуальность. Я не достоин этой оранжевой одежды». А потом он вышел из бунгало и бросился со скал в Ганг — Ганг протекал совсем рядом, спускаясь с гор. Он совершил самоубийство.

Но лицемерие общества таково, что те же самые ученые люди, которые отказались признать его просветленным, стали говорить, что он «отказался от своего тела», — а не совершил самоубийство, не совершил преступление. Они действительно назвали это *джал самадхи*: «Он бросился в воду и стал един с сущим».

И до сих пор еще существует «Лига Раматиртхи», и есть последователи... и его книги публикуются, а люди читают те книги, чтобы стать просветленными.

Интеллект может обманывать вас, может обманывать других.

Остерегайтесь интеллекта.

Остерегайтесь ума.

Будьте очень внимательны; не поддавайтесь впечатлению так легко. Никогда не поддавайтесь впечатлению через интеллект. Если же вдруг возникает связь прямо от существа к существу — это другое дело.

— Хорошо, Маниша?

— Да, Мастер.

7

ИСТОЧНИК

Смотри на луну, забудь указывающий палец

Вы должны видеть луну и забыть о пальцах. Не развивайте понимание, основанное на словах.

Достоцитимый древний говорил: «Будды втолковывали все премудрости, чтобы спасти все умы; у меня нет ума вовсе, так какая польза от всех этих поучений?» Только относясь подобным образом к чтению писаний, люди решительные получают некоторое представление о намерении мудрецов.

Рассказы и поговорки

Сегодня в чаньских общинах, обмениваясь вопросами и ответами, люди пользуются необычными словами и удивительными поговорками древних — считается, что это подходящий материал для упражнений в различении, а также для поддразнивания студентов. Эти люди далеки от сущности.

Когда люди, увлекающиеся медитацией, читают письменные поучения и рассказы об обстоятельствах, при которых досточтимые древние вступали на путь, они должны просто опустошить свои умы. Не разыскивайте неповторимое чудо, не ищите просветления в звуках, именах и вербальных значениях. Если вы все же пытаетесь, это делать, то препятствуете собственным правильным знаниям и восприятиям и никогда не вступите на путь.

Пан Шань сказал: «Это все равно, что швырнуть в небо меч: стоит ли гадать, долетит он или нет?» Не будьте беспечны! Вималкирти говорил, что истина простирается за пределы глаз, ушей, носа, языка, тела и интеллекта.

Дэ Шань мог увидеть, как монах входит в дверь, и тотчас ударить его своим посохом; Линь Цзи мог увидеть, как монах входит в дверь, и тотчас закричать! Все почтенные адепты называют это «поставить лицом к лицу», «сообщить прямо»; но я называю это «вывалить в грязи» и «обдать водой». Даже если вы и способны воспринять это всем своим существом под воздействием удара или крика, вы уже не человек силы — фактически, вас с головой кто-то окатил помоями из ведра. Чего же больше, если от крика или удара вы принимаетесь разыскивать чудеса или добиваетесь утонченного понимания; это и есть величайшая из глупостей.

Да Хуэй странный парень, но он представляет всех тех людей, которые пытаются постичь природу своего Я, через интеллектуальное усилие. Трудности с такими людьми состоят в том, что у них хороший интеллект. Они могут схватывать слова от мастеров, могут повторять их; они могут обманывать людей и могут обманываться сами.

Это одна из самых глупых сутр среди всех его поучений, и я объясню вам, почему я так говорю.

По мере того как я вникаю в Да Хуэя, я все чаще задумываюсь: следует ли называть его великим учителем или просто псевдоучителем. Мастером, безусловно, он не является; учителем, может быть, он и был, но в некоторых вещах он даже ниже статуса учителя. Он, скорее всего, псевдоучитель. Он не достиг квалификации традиционного учителя, просто передающего знания от мастеров массам.

Он не может даже понять, что происходило в школе дзэна. Это настолько особое явление, что для его постижения требуется редкостная прозорливость, и если у вас не было собственного опыта, вас всегда будут преследовать некоторые сомнения.

Например, дзэн — это единственная школа в мире, где мастера раздают оплеухи ученикам, бьют их посохами или даже буквально вышвыривают из окна. Мало того, один мастер просто вскочил на ученика; сидя у того на груди, он спросил: «Дошло?»

Дзэнский мастер таинствен в своей работе. Люди, которые просто читают анекдоты дзэн, не могут найти в них никакого смысла, потому что не знают скрытой истории, которая в этих анекдотах не передается. Это незримая передача энергии между мастером и учеником. Попробую дать вам хотя бы представление, чтобы вы могли увидеть глупость Да Хуэя...

Чтобы понять человека, которого Линь Цзи вышвырнул из окна, а затем вскочил на него и спросил: «Дошло?», необходима полная предыстория и некое глубинное течение, проходящее через нее. Этот ученик проработал почти год над коаном, над самым известным коаном в дзэне

— «звук хлопка одной ладони».

Ведь не бывает никакого звука хлопка одной ладони. Вы можете попытаться хлопнуть одной рукой — звук невозможен. Звук создается только при столкновении двух предметов; если предмет лишь один, звука не будет.

Итак, первым делом нужно понять, что дзэнский коан — это не обычная головоломка, которую можно разрешить. Он требует другого подхода — не решения, но растворения.

Бедный студент ушел, сел под деревом, думал, думал, медитировал — что может быть звуком хлопка одной ладони? Слышите кукушку?.. Он услышал кукушку из дальней бамбуковой рощи. Он сказал: «Вот оно!» — это так прекрасно, это умиротворяет, несет такую радость. Он прибежал назад и сказал мастеру: «Я услышал его. Это песня кукушки».

Мастер дал ему оплеуху и сказал: «Идиот! Я же велел тебе обнаружить звук хлопка одной ладони! Что общего у бедной кукушки с этим? Возвращайся и медитируй».

Тот был чрезвычайно озадачен, потому что его ум исследовал звуки — что это за звук? Однажды он услышал шум ветерка в верхушках сосен и решил: «Должно быть, это оно!» И бросился назад...

Так продолжалось целый год. Он находил какой-то звук — скажем, журчание воды — и бежал к мастеру. Пришло время, когда мастер перестал выслушивать его ответы. Лишь завидя ученика, он отвечивал ему оплеуху и говорил: «Пошел вон».

Тот недоумевал: «Но я ведь даже не сказал ничего...»

Мастер говорил: «Пока ты продолжаешь разыскивать, ты не найдешь его. Уходи. Я знаю, ты снова принес какой-то дурацкий звук!»

Такой вот был студент...

Через год, когда он снова пришел, мастер увидел, что оплеуха не поможет — он уже и так лупил его целый год непрерывно! Он просто схватил его и вышвырнул из окна. Это было трехэтажное здание...

Это был настоящий шок для студента. Он ждал затрешины, но был вышвырнутым из окна в канаву... В довершение к этому, мастер вскочил на него сверху, так что несколько уцелевших было костей, сломались при этом. У него были множественные переломы! А мастер сидел сверху и спрашивал: «Дошло?» Шок был так велик, что его ум остановился — это было совершенно неожиданно.

Ум останавливается только тогда, когда возникает что-то неожиданное — настолько неожиданное, что ум не может это себе представить... и останавливается.

Абсолютное безмолвие... и слезы радости в глазах ученика.

Он коснулся стоп мастера и спросил: «Почему вы ожидали целый год? Вы могли бы сделать это в самый первый день».

Мастер сказал: «Это бы не сработало. Я должен был ждать подходящего момента, когда ты созреешь. Ты усердно потрудился своим умом. Твой ум устал, совершенно устал; он потерял всякую надежду на то, что существует хоть какая-то возможность найти ответ. И вот наступил момент, когда, если что-то неожиданное происходит с тобой, ум может остановиться — всего на один миг. Но этого довольно, чтобы услышать звук хлопка одной ладони».

Слова обманчивы. Это не звук хлопка одной ладони; это тишина, когда ум останавливается. Любой человек, выслушав этот анекдот и не зная всего скрытого процесса, — просто посторонний человек — непременно подумает, что все это просто-напросто глупо. Но ученик стал просветленным — а это и есть тот результат, который определяет, было средство верным или ошибочным.

Да Хуэй просто интеллеktуал, поэтому иногда он повторяет красивые слова. Но здесь-то он и выдал себя, поскольку не смог уловить никакого смысла в рассказах и анекдотах. Я теперь

поговорю о них.

Вы должны видеть луну и забыть о пальцах. Это так легко повторить, потому что тысячелетиями после Гаутамы Будды это было одним из самых важных утверждений: будда только указывает пальцем на луну.

Его «палец» означает все то, что он говорит, все то, что он делает, но это лишь указание — намек. Вы не должны слишком сильно привязываться к пальцу, потому что не в пальце суть. То, что он говорит, то, что он проповедует, — не суть; это только указание. Вы не должны привязываться к философии, вы не должны становиться буддистом. Вы должны смотреть на луну.

И если вы хотите смотреть на луну, то самое главное — забыть вообще о пальце. Если ваши глаза сфокусированы на пальце, как же вы увидите луну? Пока вы не переведете глаза с пальца на далекую луну в небе, это невозможно.

Будда говорил: «Не привязывайтесь к тому, что я говорю, не привязывайтесь ни к какой доктрине, которую я проповедую; не привязывайтесь к моей личности. Все это просто пальцы, показывающие на луну. Забудьте меня, не занимайтесь поклонением мне; посмотрите на луну. А если вы уже смотрите на луну, то я не имею значения вообще».

Это очень содержательное изречение, и нужна большая смелость, чтобы дать его собственным ученикам: «Не беспокойтесь о том, что я говорю. Я не проповедую никакую доктрину, я не вручаю вам систему веры или философии. Все это средства, чтобы указать истину. Она за пределами всех слов, но слова можно использовать как палец, показывающий на нее. Они не могут выразить ее, но они могут указать ее».

Очень легко повторить это, но я не думаю, что Да Хуэй понимал то, что он повторял. *Вы должны видеть луну и забыть о пальцах. Не развивайте понимание, основанное на словах.* Но на самом деле именно это он и делает. Все его понимание основывается на словах.

Досточтимый древний говорил: «Будды втолковывали все премудрости, чтобы спасти все умы; у меня нет ума вовсе, так какая польза от всех этих поучений?»

Цитата совершенно правильна, но что Будда подразумевает под спасением? — возникшее в вас понимание, что никакого ума в вас нет, что вы являетесь не-умом. И тогда нет и вопроса о спасении. Но пока вы привязаны к уму — вы в окопах, и вас необходимо выволить из них.

Поэтому досточтимый древний прав, когда говорит: «Будды втолковывали все премудрости, чтобы спасти все умы; у меня нет ума вовсе» — он спасенный человек — «так какая польза от всех этих поучений?»

Безусловно, когда вы спасены, пользы от них нет. Если вы видите луну, какая польза в пальцах? Когда ваша болезнь излечена, какая польза от лекарств? Или вы собираетесь поклоняться пузырьку с лекарством? Вы что же, намерены таскать его с собой везде, поскольку это пузырек с лекарством? Дело кончено, его работа завершена.

Это почти так, как если у вас в ноге застряла колючка: вы берете еще одну колючку и извлекаете первую. Вторая колючка точно такая же, как и первая, но вам удалось вытащить ею первую колючку. Теперь что вы собираетесь делать со второй колючкой? Быть может, вложите ее в рану, вызванную первой колючкой, — лишь потому, что она спасла вас от той первой колючки? Это было бы полной глупостью — тогда у вас, по-видимому, что-то было не так с самого начала. Нет, раз первая колючка извлечена, вы отбрасываете обе разом.

Именно так обстоит дело со всеми учениями. Досточтимый древний говорит правильно, но Да Хуэй не понимает, что он говорит. Он говорит: «Только относясь подобным образом к чтению писаний, люди решительные получают некоторое представление о намерении мудрецов». Да Хуэй говорит, что вы сможете понять то, что сказал мудрец, только если читаете писания; только если вы человек настойчивый и решительный, человек постижения, вам удастся понять

намерение мудрецов.

Все те слова, которые он использует, не нужны для понимания мудрецов. Нужен опыт. Не понимание ваше — потому что всякое понимание интеллектуально; не ваша решимость — потому что всякая решимость от ума; не ваше чтение писаний — потому что все это ваша интеллектуальность; все это не поможет вам понять столь глубокое изречение: «Как только вы увидели луну, забудьте о пальцах».

Такого рода утверждение можно проверить только опытом. Да Хуэй не имеет опыта вообще, и это становится совершенно ясным, когда он переходит к рассказам и поговоркам.

Любой интеллектуал, даже сегодня, будет осуждать Дзэнские истории или просто посмеется над ними, полагая, что, вероятно, это просто шутки, потому что в них нет никакого смысла для ума.

Сегодня в чаньских общинах, обмениваясь вопросами и ответами, люди пользуются необычными словами и удивительными поговорками древних — считается, что это подходящий материал для упражнений в различении, а также для поддразнивания студентов. Эти люди далеки от сущности.

Когда люди, увлекающиеся медитацией, читают письменные поучения и рассказы об обстоятельствах, при которых досточтимые древние вступали на путь, они должны просто опустошить свои умы.

Он даже не осознает, что продолжает высказывать вещи, которыми он противоречит себе же. Посмотрите: *Когда люди, увлекающиеся медитацией, читают...* Человеку, который занимается медитацией, нет необходимости читать писания, потому что все, что содержится в писаниях, только далекое эхо чьей-то медитации. А если вы сами медитируете, значит, вы у самого источника. Почему же вас должно волновать отдаленное эхо, испорченное, искаженное интерпретациями интеллектуалов, учителей, педагогов, комментаторов?

Ведь вы сами находитесь у самого источника, у самого корня, откуда произошли все писания. Человеку медитации нет нужды читать писания и поучения из писаний, но именно это советует Да Хуэй. Потом тут же он говорит: «...и рассказы об обстоятельствах, при которых досточтимые древние вступали на путь, они должны просто опустошить свои умы».

Как же вам опустошить свой ум, когда вы читаете писания, поучения и рассказы о том, как древние мудрецы вступали на путь? Вы же наполняете ум, а не опустошаете его.

Медитация опустошает ум; изучение чего угодно только наполняет его. Они диаметрально противоположны друг другу. Но Да Хуэй в одном предложении сваливает противоположное в одну кучу, так и не осознав: то, что он делает, представляется совершенно идиотским каждому, кто знает, что такое медитация.

Не разыскивайте неповторимое чудо, не ищите просветления в звуках, именах и вербальных значениях. Как же вы собираетесь читать писания, если вы не разыскиваете вербальные значения? Какие другие значения там есть? В писаниях только слова и ничего больше; вы можете воспринимать писания только как вербальные значения.

Если вы все же пытаетесь это делать, то препятствуете собственным правильным знаниям и восприятиям и никогда не вступите на путь.

Он понятия не имеет, что знания-то и представляют проблему. Нужно освободиться от них. Знания не дадут вам восприятия; знания помешают вашему восприятию. Устранение знаний очищает восприятие, совсем как когда тучи уходят, бывает абсолютно ясное небо.

Все это неизбежно случается с человеком, который насобирал всего там и сям и который сам не входил в медитацию. Нет никаких признаков, что у него был хоть какой-то вкус к медитации.

Пан Шань сказал... Он цитирует людей, потому что ходил к учителям, мастерам; он, должно

быть, конспектировал то, что они говорили. Он цитирует многих людей. Пан Шань сказал: «Это все равно, что швырнуть в небо меч: стоит ли гадать, долетит он или нет?» Не будьте беспечны! Вималкирти говорил, что истина простирается за пределы глаз, ушей, носа, языка, тела и интеллекта.

Это просто забавно! Этот человек цитирует Вималкирти: «Пока вы не вышли за пределы интеллекта и всех ваших чувств, у вас не будет восприятия реальности, вы не узнаете природы своего Я». Но это никак не надоумит его, что он попросту работает через интеллект.

Дэ Шань мог увидеть, как монах входит в дверь, и тотчас ударить его своим посохом; Линь Цзи мог увидеть, как монах входит в дверь, и тотчас закричать! Все почтенные адепты называют это «поставить лицом к лицу», «сообщить прямо»; но я называю это «вывалить в грязи» и «обдать водой». Даже если вы и способны воспринять это всем своим существом под воздействием удара или крика, вы уже не человек силы — фактически, вас с головой кто-то окатил помоями из ведра. Чего же больше, если от крика или удара вы принимаетесь разыскивать чудеса или добываетесь утонченного понимания; это и есть величайшая из глупостей.

Из-за того, что он не может понять, из-за того, что у него нет собственного опыта, он называет это величайшей из глупостей. Я постараюсь объяснить вам подробно, что эти люди делали. Они добивались огромных успехов, и они не были глупыми людьми. Да Хуэй сам — величайшая из глупостей.

Дэ Шань — знаменитый и великий мастер. Монах мог войти в дверь и тут же получить от него удар посохом. Вы должны понять ситуацию. Мастер видит ученика; он дает ему определенный коан, неразрешимую головоломку. После этого, как только ученик найдет верный ответ, он должен прийти и сообщить мастеру. Но в действительности на коан нет ответа; поэтому, когда ученик только входит, чтобы дать ответ, — зачем тратить время? Он обычно просто крепко ударяет его. Он яснее ясного дает понять, что все ответы неправильны, поэтому нет необходимости выслушивать ваш ответ. Это выглядит вроде бы очень странным — вы не дали ответа, а он уже бьет вас; если бы вы ошиблись, он мог бы ударить вас... а вдруг вы были правы? Но в том-то и дело: не бывает верного ответа, только молчание.

Поэтому не один раз еще студент получит удар — много, много раз. А потом несколько дней он не будет показываться, и Дэ Шань осведомится: «Где же он?» И отправится на то место — это был большой монастырь, прекрасный дзэнский сад — и обнаружит ученика, сидящего под деревом в глубоком молчании. Его лицо показывает, что ум больше не функционирует, что нет никаких колебаний внутри, что все безмятежно и спокойно.

И тот же самый Дэ Шань, который бил этого ученика, коснется его стоп. Как только Дэ Шань коснется его стоп, ученик откроет глаза и спросит: «Мастер, что вы делаете?»

Дэ Шань скажет: «Я касаюсь твоих стоп, потому что ты нашел ответ. Я подозревал, что случилось что-то, ведь ты много дней не приходил. Так бывает, что студенты перестают приходить только тогда, когда они нашли, — потому что о чем говорить? — ответа не существует. И они наслаждаются своим безмолвием так потрясающе... они забыли коан, они забыли мастера, они забыли все. Они живут в таком экстазе, что все остается где-то далеко».

Дэ Шань обычно находил учеников, и всегда оказывалось, что он прав, — его битье помогало. Его битье, в конце концов, заставляло их осознать, насколько он сострадает и как любит их — он не ударит понапрасну. Его удары снова и снова демонстрировали только одно: какой бы ответ вы ни нашли, он неправилен. Нет нужды выслушивать его, потому что нет возможности правильно ответить.

Ударяя, он делает очевидным, что правильного ответа не существует; ум абсолютно бессилён дать ответ.

Мало-помалу ученик забывает о коане, забывает о звуке, потому что это не приводит ни к чему, кроме синяков от посоха мастера. Но в тот момент, когда он забывает об уме, коане, мастере и о поисках какого бы то ни было ответа, он проваливается в глубину, в полное безмолвие. То безмолвие и есть ответ, но вы не можете сказать ничего об этом. И оно настолько удивительно, таинственно... вы настолько удовлетворены, что нет необходимости в признании мастером того, что вы нашли ответ. Все это становится тривиальным.

Но Да Хуэй не понимает этого вообще, и, возможно, никто — даже величайший философ в мире — не в состоянии понять, в чем здесь дело. Это выглядит просто абсурдом: сперва вы даете ему коан, а потом даже не слушаете его ответ. Но такова стратегия, стратегия великой любви и великого сострадания.

Мастер касается его стоп и просит прощения за все удары, которые он нанес... ему приходилось делать это: «Не было другого способа разрушить твой упрямый ум, разрушить твоё цепляние за ум, разрушить представление, что ты можешь найти ответ посредством ума. Не только тебе больно от моего посоха, мне еще больней. За все это я касаюсь твоих стоп и прошу у тебя прощения».

Дэ Шаня любили его ученики, хоть он и бил их своим посохом; у Да Хуэя нет понимания и в помине.

Линь Цзи мог увидеть, как монах входит в дверь, и тотчас закричать! Любой интеллеktуал сделает посмешище из этого. Какой смысл? — вы назначаете прием студенту, ученику в своей комнате, и вдруг орете безо всякой причины.

В детстве мне довелось повстречаться с одним человеком. Его звали Сардар Чанчал Сингх. Он был заодно с Субхашем Чандра Бозе, великим индийским революционером, который бежал от суда британского правительства. Замаскировавшись, он сперва отправился в Германию повидать Адольфа Гитлера, потому что хотел предложить: «Вы сражаетесь с британцами. Мы тоже сражаемся с ними, и нам нужна ваша помощь. Если вы окажете нам помощь, Британская Империя может быть атакована с двух сторон. Мы можем атаковать изнутри, а вы можете продолжать атаковать снаружи».

Его политика была абсолютно ясной... и вы будете поражены, Адольф Гитлер никогда еще не представлял своим военным никакого человека так, как он представил Субхаша Чандра Бозе. Он сказал военным: «Почитайте этого человека больше, чем почитаете меня, потому что я фюрер только небольшой нации; этот человек — революционер и лидер огромного континента». И он назначил для Субхаша — хоть у того и не было никакого политического положения — почетный караул.

То был план Адольфа Гитлера и Субхаша Чандра Бозе... они решили, что Субхашу Чандра Бозе будет лучше отправиться в Японию. В Японии находились тысячи индийских солдат, которые воевали за британское правительство против Японии.

Это была очень умная политика: Субхаш Чандра отправлялся в Японию, а Гитлер сообщал Японии — ведь Япония была союзником Германии против британцев, против американцев... Он сообщал им: «Предоставьте Субхашу переговорить со всеми индийскими солдатами, которые содержатся в японских тюрьмах. У меня полная уверенность в том, что этот человек справится» — это действительно был человек огромной харизмы — «и убедит тех солдат: "Вы сражаетесь за Британскую Империю, которая сохраняет ваше рабство в неприкосновенности. Вместо этого — пойдёмте со мной, мы создадим армию, и будем сражаться *против* Британской Империи"».

Это было так логично и просто, что пленные согласились. Во-первых: если они согласны, они больше не пленные; они становятся гостями Японии. Во-вторых, может они, и сражались за британцев, но в глубине души они были против империи; просто они продали свои души за хлеб с маслом.

Как только Субхаш сказал им: «Вы продали свои души...» — тут же все лагеря пленных были открыты. Новая армия — Индийская Национальная Армия — была создана Субхашем Чандра Бозе. Сардар Чанчал Сингх был одним из приближенных коллег Субхаша. Он тоже был из пленных. У него и раньше был высокий пост в Индийской армии, теперь он тоже получил очень высокий пост в Индийской Национальной Армии, которая готовилась атаковать из Японии.

Успех сопутствовал им вплоть до Рангуна; они разбили британские войска. Даже Калькутта боялась, что после Рангуна следующая атака может быть на Калькутту. Все британцы уехали из Калькутты, все, у кого было достаточно денег, все уехали оттуда. Калькутта стала уязвимым пунктом. Именно в это время Германия потерпела поражение. Атомные бомбы сбросили на Хиросиму и Нагасаки, поэтому Япония тоже капитулировала.

Субхаш оказался в странном положении. Оба союзника, которые поддерживали его, были разгромлены. У него была небольшая армия, — но хотя он и побеждал, сколько же могло это продолжаться? Он не мог даже достичь Калькутты, которая была его родным городом. И ему пришлось бежать из Рангуна...

Что с ним произошло, осталось тайной. Рассказывают, что его видели в Советском Союзе; есть слухи, что он живет в Тибете; эти рассказы, похоже, были сочинены им же самим... Самолет, которым он летел из Рангуна, упал в Тайпее и сгорел. Пилот и еще кто-то — никому не известно, кем был другой человек, — были сразу же сожжены, безо всякой пресс-конференции или медицинской экспертизы. Они и так уже обгорели в катастрофе, а поскольку оба оказались индусами, то их отправили на погребальный костер.

Самое вероятное, Субхаша где-то сбросили, а самолет умышленно подожгли, чтобы создать у Британской Империи уверенность в гибели Субхаша; так или иначе, это был враг номер один, которого следовало хватать мертвым или живым. Так что, то был хороший замысел: он погиб, теперь нет смысла... и даже тело сожгли.

Тайпей дал сообщение, что его отправили на погребальный костер, — но это было впустую, тела уже сгорели, они не были опознаны. Их даже не сфотографировали — что было абсолютно необходимо для человека со статусом Субхаша, крови которого так жаждала Британская Империя. Им следовало сделать фотографии, им следовало вызвать медиков для экспертизы тел. Им следовало, наконец, доставить тело в Британскую Империю. Но, как мне кажется, это не было тело Субхаша; это была просто маскировка. Таким же было мнение и Сардара Чанчала Сингха.

Он случайно встретил меня в ресторане в Джабалпуре. Его освободили из индийской тюрьмы... После того как Субхаш ушел, все люди Индийской Национальной Армии снова попали в тюрьмы — только теперь уже в британские. Но по их судебному делу велась борьба, и Чанчала Сингха освободили. Он искал работу, и я предложил ему: «Если вы изучали какие-нибудь боевые искусства в Японии, я могу организовать группу студентов колледжа и университета. Вы сможете обучать их боевым искусствам, а они будут платить вам достаточно, чтобы выжить, пока вы не найдете другую работу».

Я рассказал вам о Чанчале Сингхе, потому что он научился от кого-то кричать точно таким же образом, как кричал Линь Цзи, — и я слышал его крик! Я не знаю Линь Цзи — он, должно быть, был еще резче в своем крике... но даже если этот человек, Чанчал Сингх, кричал на вас, ваш ум останавливался немедленно. Если вы собрались нанести ему удар мечом — и он кричал, — ваша рука останавливалась.

Его крик был настолько глубоким, так сильно проникал в вас, что, чем бы вы ни занимались, вы просто-напросто останавливались. Мы пробовали приводить борцов — бить его, ударить кулаком в нос. Это были опытные боксеры, но в тот момент, когда он кричал, их руки

просто останавливались около его носа... Что-то странное было в этом звуке.

Бывало, мы использовали его просто шутки ради. Кто-то мочился, а мы просили: «Чанчал Сингх, а ну-ка крикни, как следует». Он издавал крик — и мочеиспускание прекращалось. Человек озирался вокруг — что случилось?

Я хорошо знаю, что есть множество историй о Линь Цзи, о том, как его крик пробуждал людей, но то был не обычный крик. То был определенный тренинг, который проникает в глубочайшую сердцевину вашего существа. Все дело в том, что человек спит. Хороший крик может разбудить его.

Даже сегодня в школе Линь Цзи крик используется. Но его не используют на каждом ученике, а только когда ученик упорно поработал со своим умом и его ум устал. Те коаны так утомительны, потому что, как вы знаете, они абсурдны. Но если мастер говорит: «Найди ответ», — а вы пришли к мастеру, чтобы пробудиться, — то вы обязаны исполнять всякое задание, которое он дает вам.

Такие крики производились, только когда ум почти на грани отказа и мастер понимает, что теперь пора. Ученик входит в комнату Линь Цзи, не ожидая, что тот закричит львиным рыком безо всякой причины... вскакивает и кричит, будто собирается убить ученика. Ученик останавливается... весь его ум останавливается. И на какое-то мгновение он может увидеть природу своего Я.

Продолжительность не имеет значения. Если вы знаете природу своего Я хотя бы мгновение, все становится легким. Теперь вы знаете путь. Теперь вы знаете себя; вы можете достигать этого снова и снова. И крик больше не требуется каждый раз; он был только одним из возможных средств.

Но Да Хуэй осуждает это, потому что ему непонятно глубокое сострадание, непонятна психология, ясность за всем этим. Он оказывается обычным интеллектуалом. Лишь в одном он прав — когда употребляет слова *величайшая из глупостей*. Но эти слова относятся к нему самому, а не к Линь Цзи и не к мастеру Дэ Шаню.

Эти мастера пользовались абсолютно новыми методами для пробуждения людей.

Их вклад огромен. Дзэн произвел просветленных людей больше, чем любая другая школа любой другой религии. Даже в одном монастыре вы можете найти многих просветленных людей. И это единственный живой поток, который не остановился где-то в прошлом; он до сих пор жив. Все еще есть люди, подобные Дэ Шаню и Линь Цзи, но они пребывают в неизвестности.

Америка развратила японскую атмосферу полностью; Япония могла бы быть совершенно другим миром. Весь ее гений концентрировался на стремлении стать просветленным. Теперь же, под американским правлением, вся их энергия отвлечена к деньгам. А это люди большой целостности, настолько большой, что и их деньги сейчас имеют наивысшую ценность. Даже доллар, американский доллар оставлен далеко позади. Это одна из богатейших наций в мире, и их деньги более надежны, чем любая другая национальная валюта. Но это не успех; это страшный провал.

Америка испортила университеты Японии. То, чему обучают теперь в их университетах, заимствовано от Америки; они полностью имитируют Америку, конкурируют с Америкой. Безусловно, они напугали Америку: несмотря на высокое налогообложение их продукции, она все же способна конкурировать на американском рынке с американской продукцией, которая не облагается налогом вообще. Налогообложение поднимается все выше и выше, чтобы спасти американский рынок от полного захвата Японией.

Но хотя американцы и подняли налогообложение на весь импорт, Япония по-прежнему очень хорошо конкурирует на всех фронтах американского рынка. А Америка совершенно неспособна, конкурировать на японском рынке.

Японцы трудятся усердно, трудятся тотально, трудятся интенсивно. Их единственная проблема в том, что у них недостаточно земли, чтобы строить больше фабрик. Всего несколько дней назад они добились успеха в сооружении искусственного плавучего острова. На этом искусственном острове они построят фабрики. Если они преуспели на одном острове, то создадут много других островов. Они создают землю впервые.

Да Хуэй не понимает. А это и есть признак глупого человека: не понимая чего-нибудь, он критикует это. Интеллектуалы очень охотно критикуют все то, что находится вне пределов их разумения.

Но существуют методы, работающие независимо от того, понимаете вы их или нет. Смотреть нужно на окончательный результат. Пусть японские монастыри канули во тьму — все же есть люди, которые работают со средствами, вызывающими пробуждение.

Да Хуэй абсолютно неправ. Я думал было назвать его тексты «Поучениями великого учителя»; но, по мере того как я вникаю в его сутры, мне все больше хочется изменить заглавие книги. Ее следует назвать: «Дзэнские поучения псевдоучителя Да Хуэя».

— Хорошо, Маниша?

— Да, Мастер.

Конец ознакомительного отрывка книги

[Купить полную версию книги](#)